Джонатан Гудвин
Крик с Арарата
Армин Вегнер и
Геноцид армян

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

"Эти письма говорят о смерти", — так бывший офицер немецкой армии Армин Теофил Вегнер начинает свою книгу «Дорога без возврата», рассказывая об ужасах, свидетелем которых он стал в Турции в 1915-1916 годах. Книга, которую вы держите в руках, говорит о смерти. Она состоит в основном из фотографий, писем и дневников Армина Вегнера, свидетельствующих об одном из самых страшных преступлений против человечности — геноциде армян, осуществленном тремя последовательно сменявшимися турецкими правительствами с последней четверти XIX по первую четверть XX века. На самом деле события, к которым относятся фотографии и тексты этой книги, являются всего лишь чудовищным апофеозом длительного процесса уничтожения армян, полувековой период которого (1876-1923 годы) юридически подпадает по составу преступления под геноцид, а корни его уходят далеко вглубь истории сосуществования армян и турок и последствия простираются до настоящего времени.

- КРИК С АРАРАТА. АРМИН ВЕГНЕР И ГЕНОЦИД АРМЯН
  - ○
  - ○ Предисловие
    - ■ Историческая память и христианское прощение
  - ○ Мец Егерн
    - ■ Мец Егерн — Величайшее Злодеяние
    - ■ Карта геноцида (подготовленная Р. Кеворкяном)
  - ○ Армин Вегнер
    - ■ Кем был Армин Т. Вегнер?
    - ■ Великое время лжи[92]
    - ■ Когда армяне умирали, немцы отводили глаза
  - ○ Фотографии
  - ○ Письма с Ближнего Востока
    - ■ Смерть на Босфоре
    - ■ Дорога без возврата. Мученичество в письмах
  - ○ Дневник
    - ■ Сорок дней и ночей обратного пути
  - ○ Политические тексты
    - ■ Открытое письмо Президенту Соединенных Штатов Америки Вудро Вильсону[115]
    - ■ Предисловие А. Вегнера к стенографическому отчету судебного дела Талаата-паши[116]
    - ■ Крик с Арарата. Всем правительствам народов-

победителей[117]
- Открытое письмо канцлеру Рейха Адольфу Гитлеру[118]
- Беллетристическое наследие
  - Мальчик Хусейн (из сборника турецких рассказов)
  - Добрый свет - Barì Luis[121]
  - Прощание с самим собой[122]
- Библиография
  - 1. Главные сочинения А. Вегнера
  - 2. Литература об Армине Вегнере
- Об авторе

- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18
  - 19
  - 20
  - 21
  - 22
  - 23
  - 24
  - 25
  - 26
  - 27
  - 28
  - 29
  - 30
  - 31

- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73
- ○ 74
- ○ 75

- ○ 76
- ○ 77
- ○ 78
- ○ 79
- ○ 80
- ○ 81
- ○ 82
- ○ 83
- ○ 84
- ○ 85
- ○ 86
- ○ 87
- ○ 88
- ○ 89
- ○ 90
- ○ 91
- ○ 92
- ○ 93
- ○ 94
- ○ 95
- ○ 96
- ○ 97
- ○ 98
- ○ 99
- ○ 100
- ○ 101
- ○ 102
- ○ 103
- ○ 104
- ○ 105
- ○ 106
- ○ 107
- ○ 108
- ○ 109
- ○ 110
- ○ 111
- ○ 112
- ○ 113
- ○ 114
- ○ 115
- ○ 116
- ○ 117
- ○ 118
- ○ 119

- ○ 120
- ○ 121
- ○ 122
- ○ 123

КРИК С АРАРАТА. АРМИН ВЕГНЕР И ГЕНОЦИД АРМЯН

Автор выражает свою благодарность Самвелу Казаряну, Гагику Торосяну, Вагану Апрояну, Розе Адамянц, Францу Мауеру, Анне Рыжевской, Юрию Барсегову, Анне Марии Самуэлли, Пьеру Кучукяну, Вартухи Демирджан, Вазгену Памбакяну, Надежде Гололобовой.

Предисловие

Историческая память и христианское прощение

«Эти письма говорят о смерти», — так бывший офицер немецкой армии Армин Теофил Вегнер начинает свою книгу *Дорога без возврата,* рассказывая об ужасах, свидетелем которых он стал в Турции в 1915-1916 годах.

Книга, которую вы держите в руках, говорит о смерти. Она состоит в основном из фотографий, писем и дневников Армина Вегнера, свидетельствующих об одном из самых страшных преступлений против человечности — геноциде армян, осуществленном тремя последовательно сменявшимися турецкими правительствами с последней четверти XIX по первую четверть XX века. На самом деле события, к которым относятся фотографии и тексты этой книги, являются всего лишь чудовищным апофеозом длительного процесса уничтожения армян, полувековой период которого (1876-1923 годы) юридически подпадает по составу преступления под геноцид, а корни его уходят далеко вглубь истории сосуществования армян и турок и последствия простираются до настоящего времени.

1915 год — знаковая, символическая дата. В ночь с 23 на 24 апреля 1915 года правительство «младотурок» арестовывает в Константинополе, а затем уничтожает фактически всю армянскую интеллигенцию. За этим следует массовая депортация армян из всех провинций Османской империи. Результатом политики турецких правителей становится не просто гибель более двух миллионов армян, а полное исчезновение исконного населения из исторических районов Западной Армении, где армяне жили около трех тысяч лет. Выселяя и убивая целый народ, власти способствовали уничтожению его многовекового культурного наследия, исчезновению памятников архитектуры и письменности, они стали причиной рассеяния народа, который сегодня в огромном большинстве своем живет далеко за пределами исторической родины, отягощенный психологическим бременем изгнания и искоренения. Эту боль, ставшую частью генетической памяти народа, испытывают не только те, кто лично пережил депортацию, но и их дети, внуки и правнуки...

Уничтожение армян Османской империи положило начало длинной веренице преступлений геноцида и «этнических чисток», которые омрачили XX век и которые, увы, по всей вероятности,

будут продолжаться и в XXI веке. Нет сомнения, что одна из причин повторений этого страшного преступления именно в том, что геноцид армян начала века, хоть и был осужден мировым сообществом и даже самой Турцией, не был тем не менее до конца осмыслен и не получил должного резонанса. Осуждение Турцией геноцида в 20-е годы не повлияло на ее национальную политику и не привело к стремлению хоть каким-то образом изгладить свою вину и возместить моральный и материальный ущерб, нанесенный целому народу. В результате современная Турция сегодня отрицает сам факт геноцида, официальные признания со стороны других государств немногочисленны, а широкая общественность часто ничего о нем не знает.

Об этих аспектах геноцида армян, о его истории, последствиях и значении мы подробно расскажем в первой части нашей книги, которая называется «Мец Егерн — Величайшее Злодеяние»; вторая часть книги посвящена жизни, деятельности и судьбе Армина Вегнера, после чего следуют его фотографии и тексты. Теперь же кратко скажем о том, что подвигло нас на составление этой книги.

Зачем по прошествии 90 лет вспоминать эти ужасные события? Зачем ворошить прошлое, воскрешать в памяти изуверские, варварские сцены убийств, зачем читать описания нечеловеческих страданий, разглядывать леденящие душу фотографии? Надо ли бередить эти старые раны? Не лучше ли предать забвению печальные события почти вековой давности? И, самое главное, не должны ли армяне как христианский народ до конца простить боль потерь и пережитых страданий? Ведь тот, кто исповедует Христа, должен прощать причиненное ему зло, стереть из своего сознания и, главное, из сердца даже память о нем...

Тот, кто называет себя христианином, стремится уподобиться Христу. А Христос сказал о Себе, что «пришел не судить мир, но спасти мир» (Ин 12,47); к этому же Он призывает Своих последователей, которым заповедовал: «Не судите, да не судимы будете» (Мф 7,1). Однако во время всей Своей земной жизни Иисус Христос не только прощал грешников, но сурово обличал их грехи; Он предвозвестил пришествие Святого Духа, который «обличит мир о грехе» (Ин 16,8).

Так же следует поступать и христианину: прощая обиды и не осуждая ошибающихся, он в то же время должен недвусмысленно указывать на ошибки — свои и чужие; он призван любить грешника, но ненавидеть сам грех. Убеждать в наличии греха — не то же самое, что судить.

Осознание своих грехов и признание их перед Богом и ближним и есть покаяние, которого Спаситель ждет от каждого человека. Поэтому выявляя и обличая грехи, Церковь создает условия для покаяния и спасения или, говоря словами апостола Павла, для «оправдания». Следовательно, христианин — более даже, чем любой другой человек — призван давать точную оценку происходящим событиям; правильно судить историю — такова его великая ответственность перед Богом и перед людьми. Вот почему и он, как Христос, становится «предметом пререканий».

Осуждение страшных событий геноцида армян — это первый шаг к справедливому к ним отношению мирового сообщества; признание Турцией правдивости этих страшных событий есть начало «оправдания», то есть искупления и освобождения Турции от тяжкого гнета совершенных в прошлом злодеяний.

...Правильно, справедливость, правдивость, оправдание — однокоренные слова. Русское слово «правда» включает в себя все эти понятия. Удивительно, что даже римляне, создатели основ современного права, не ассоциировали в своем представлении *jus (право)* и *veritas (правда)*. А между тем *права без правды* не бывает, не может быть правовым государство, которое не уважает историческую правду.

Сегодня Турция всеми силами рвется в объединенную Европу. Автор этих строк — западноевропеец, который с большой симпатией и надеждой смотрит на эти устремления. Но Европа строится вокруг определенных ценностей, она основывается на правде. Страны Европейского Союза официально признали свои политические ошибки прошлого и их чудовищные последствия: Германия осудила нацизм, Италия — фашизм. А если моей второй родине, новой России, до сих пор так мучительно и трудно удается продвигаться по пути демократии и свободы, — может быть, оттого, что она не до конца признала, оценила и осудила свое недавнее прошлое. Ведь только правдой из пепла тоталитаризма можно построить демократию, только правда позволяет отличать христианство от инквизиции, ислам от современного терроризма...

Я говорил о гонимых и гонителях. Но что должен сделать свидетель гонений, человек, который по воле судьбы оказался очевидцем насилия, резни, депортации, варварства, геноцида?

Эли Визель, еврейский писатель, живущий в Америке и пишущий на французском языке, лауреат Нобелевской премии Мира за 1986 год, в предисловии к французскому изданию книги Франца Верфеля *40 дней Муса Дага* пишет: «В этом романе речь идет именно о памяти. Осажденные армяне боятся не смерти, а

забвения. Будет ли их жертва напрасной? Этот мучительный вопрос не дает покоя их внукам и правнукам». В эпилоге своего *Реквиема,* Анна Ахматова неожиданно допускает совершенно невероятный для того времени случай (стихи написаны в 1940 году):

если когда-нибудь в этой стране
воздвигнуть задумают памятник мне.

На такое парадоксальное событие поэтесса дает свое согласие, но только при одном условии — что памятник поставят не около моря, где она родилась, не в Царском Селе, где выросла, а около страшных ленинградских Крестов, где был заключен ее сын:

... здесь, где стояла я триста часов
и где для меня не открыли засов.
Затем, что и в смерти блаженной боюсь
забыть громыхание черных марусь,
забыть, как постылая хлопала дверь
и выла старуха, как раненый зверь...

Современная наука показала, что генетическая память — залог продолжения жизни; так же и историческая память — единственный залог прогресса человечества. И хотя наше подсознание обычно пытается стереть память о насилии (которое мы пережили, или причинили другим, или наблюдали), только тяжелое бремя этой памяти выводит человека из состояния варварства, не дает привыкнуть к нему, только эта память препятствует тому, чтобы мы воспринимали дикость как нормальное состояние человека. Человек XXI века может стать гуманнее, но только в том случае, если не забудет про ужасы века XX-го.

Моральный долг любого очевидца насилия требует свидетельства, но когда свидетельство касается судьбы целого народа, ставшего жертвой геноцида, речь уже идет о долге перед всей человеческой историей. Цель свидетельства не только в том, чтобы подобные зверства больше не повторялись. Свидетельствуя, очевидец насилия дает жертвам возможность говорить его устами; не забывая когда-то увиденное, он позволяет им жить в его памяти.

Армин Вегнер осознал ответственность, которая лежит на нем как на свидетеле, с самого начала своего пребывания на Ближнем Востоке, находясь еще в Месопотамии. Вот как он пишет

об этом: «Зрелище массовых убийств на фоне бледного горизонта выжженной пустыни невольно родило во мне желание хотя бы отчасти рассказать о том, что меня мучает, рассказать не только моим близким друзьям, но и более широкому, невидимому кругу людей. Это желание не оставило меня даже в тот трудный час, когда я написал последнее, прощальное письмо у стен города, окруженный многими милями одиночества, и осознал, что мне придется свести счеты с жизнью». И так будет до конца жизни, когда в поэме *Der alte Mann* («Старик») он напишет: «Моя совесть призывает меня к свидетельству. Я глас изгнанных, вопиющий в пустыне».

Но жить с тяжелой ношей памяти о зверствах, увиденных собственными глазами, — очень трудная участь. Свидетель прежде всего сталкивается с равнодушием общества, с его неосознанным желанием не знать, не слышать, закрыть глаза на столь постыдные и чудовищные человеческие деяния. Подводя итоги жизни, восьмидесятилетний Вегнер скажет: «Вот что случилось со свидетелем, который пытался рассказать и написать об их трагедии и их конце. Он по-прежнему несет бремя данного им обещания вспомнить о погибших, если ему удастся вернуться на Запад. Но его никто не желает больше слушать. Прошло пятьдесят лет. Другие народы, в том числе и более многочисленные, пережили тяжелейшие страдания. Свидетель исполнен стыда и некоего чувства вины. Он видел такое, чего нельзя увидеть, не рискуя собственной жизнью. Не значит ли это, что он должен умереть, как человек, увидевший лик Бога?»

Из этих слов становится понятно, что свидетель геноцида — уже не просто случайный посторонний очевидец. В определенном смысле он сам — жертва увиденных событий. Они коренным образом изменили его судьбу, его сознание, его психику — он не может не *со-страдать*. В течение своей долгой жизни он будет всем своим существом сопереживать тем несчастным, с которыми общался и не мог помочь, над которыми совершались чудовищные злодеяния, а он бессилен был их остановить.

Сын Армина Вегнера Миша Вегнер помнит, как до глубокой старости отец просыпался от охватывающих его в середине ночи судорог или кричал во сне от мучительных кошмаров. Он также помнит, что отец часто запирался один и целыми днями оставался в маленьком домике — своего рода сарае их дома на неаполитанском побережье; он вешал у окна красную лампу, и пока она горела, никто не должен был подходить к домику... Итальянский режиссер Карло Масса, друг детства Миши Вегнера, рассказал, как однажды, когда мальчишками они играли и шумели в саду, вдруг появился Армин Вегнер со страшным

выражением лица, неожиданно снял рубашку и стал им показывать шрамы на спине — это были следы ударов, полученных двадцатью годами ранее от гестаповцев за смелое письмо Гитлеру, написанное им в защиту евреев.

Так два главных геноцида XX века стали и для их свидетеля Армина Вегнера *дорогой без возврата.* И, быть может, только в конце жизни шум волн и вид моря, открывающийся с башни, в которой он закончил свои дни на островке Стромболи, иногда приглушали гул страшных воспоминаний и давали передышку его воображению.

Джованни Гуайта
Москва, сентябрь 2004 года.
В память невинно убиенных детей в Беслане

Мец Егерн

Мец Егерн — Величайшее Злодеяние

Армянский вопрос во второй половине XIX века

В последние десятилетия XIX века в Европе Османскую империю и ее правительство все еще называли «Блистательной Портой», имея в виду обычай султанов принимать видных гостей и обнародовать свои постановления у третьей двери (итал, *porta*) великолепного королевского дворца Топкапы. Однако на самом деле империя эта давно перестала быть блистательной — она пребывала в состоянии полного упадка и походила скорее на опасно накренившуюся ветхую лачугу[1].

Различные подвластные ей народы все решительней пытались добиться от турок если не независимости, то, по крайней мере, реальной самостоятельности и гарантий прав. Но, несмотря на постепенное расчленение, гигантская империя, распростершаяся на два континента, выживала благодаря сходящимся на ней интересам европейских стран. Дело в том, что каждая из европейских держав опасалась, что другие смогут извлечь слишком большую выгоду из окончательного исчезновения османского государства, и поэтому все они старались продлить жизнь агонизирующего великана.

В этой ситуации на османский престол восходит деспотичный Абдул-Гамид II, которому суждено войти в историю под именем «красного», или «кровавого султана»[2]. Он получает власть в августе 1876 года в результате двойного переворота: великий визирь Мидхат-паша, реформатор и сторонник сформировавшегося уже в 1865 году движения «Новые Османы», в конце мая принудил султана Абдул-Азиза отказаться от престола в пользу племянника Мурата V, а через два месяца объявил Мурата сумасшедшим. Абдул-Гамид, сменивший своего брата Мурата, как будто разделяет позиции «Новых Османов» и близких им движений, сторонников реформ и парламентского строя. В конце года он провозглашает конституцию, которая гарантирует свободу слова.

Однако довольно скоро новый султан начинает видеть в былых союзниках врагов и совершенно меняет свои позиции. Он смещает Мидхата-пашу (а затем ссылает его и приказывает убить), распускает парламент, вводит строгую цензуру, отменяет конституцию и в январе 1878 устанавливает самодержавный

режим. Что касается «Новых Османов» и подобных политических организаций, он ставит их вне закона и подвергает гонениям. И. как оказалось, не зря: именно политические преемники «Новых Османов» — образующееся в 1889 году движение младотурок, которое впоследствии станет партией «Единение и прогресс», — низложат Абдул-Гамида; но произойдет это только через тридцать три года.

В начале правления Абдул-Гамида II, в 1877-1878 годах, на двух фронтах, на Балканах и в Армении, идет русско-турецкая война. По ее итогам фактическую независимость обретут Болгария, Румыния и Сербия. Перед лицом этого распада империи Абдул-Гамид решает сделать крайний, шовинистический национализм государственной идеологией и построить стратегию своего правления на запугивании и истреблении этнических меньшинств.

В периоды заката почти всех многонациональных империй в истории человечества их существование продлевалось правителями на небольшой срок с помощью одной и той же уловки — среди населения пропагандировался националистический фанатизм и разжигалась этническая нетерпимость. В случае с Османской империей чередование правителей в последние четыре десятилетия ее существования не изменит этой константы: экстремистский национализм и террор, как мы увидим, будут общим знаменателем политики Абдул-Гамида II, его злейших врагов — младотурок, низложивших этого султана, и кемалистов, которые, в свою очередь, сменят младотурок.

Политический курс Абдул-Гамида имел горестные последствия для армянского населения империи. Уже в первые годы его власти добровольческие и нерегулярные войска, главным образом курдские, при поддержке частей османской армии вырезали большое число армян в областях Баязет, Диадин и Алашкерт: в одном только городе Баязет их было убито 2 400. Так начался геноцид армян. Армянское население Османской империи издавна периодически подвергалось насилию, ущемлению прав и всевозможным притеснениям, объектом которых иногда оказывалось весьма большое количество людей. Но именно с приходом к власти Абдул-Гамида II в 1876 году действия турецких властей по отношению к армянским подданным стали все более явно походить на стремление уничтожить эту этническую общину.

Поистине невообразимы были в те годы зверства турок и их наемников-головорезов, чинимые против армянского населения.

В произведении Владимира Соловьева *Три разговора* русский генерал рассказывает своим собеседникам о бесчеловечных зверствах башибузуков — солдат нерегулярной турецкой кавалерии, с которыми он столкнулся в войне 1877-1878 годов, находясь в войсках Лорис-Меликова: «Смотрю, казаки подъехали и остановились как вкопанные [...] Огромный обоз с беглыми армянами не успел спастись, тут они его захватили и хозяйничали. Под телегами огонь развели, а армян, того головой, того спиной или животом привязавши к телеге, на огонь свесили и потихоньку поджаривали. Женщины с отрезанными грудями, животы вспороты. [...] Только одно вот и теперь у меня в глазах стоит. Женщина навзничь на земле за шею и плечи к тележной оси привязана, чтобы не могла головы повернуть, — лежит не обожженная и не ободранная, а только с искривленным лицом — явно от ужаса померла, — а перед нею высокий шест в землю вбит, и на нем младенец голый привязан — ее сын, наверное, — весь почерневший и с выкатившимися глазами, а подле и решетка с потухшими углями валяется». Генерал признается, что наиболее «полное нравственное удовлетворение и даже в некотором роде экстаз» он пережил именно тогда, когда, настигнув башибузуков в соседней деревне, истребил их несколько тысяч...[3]

На армянском фронте русские войска под командованием Лорис-Меликова в результате тяжелых боев, происходивших с 20 сентября/2 октября по 3/15 октября 1877 года на Аладжинских высотах, к востоку от города Карса, нанесли серьезное поражение сильной армии Гази-Мухтара-паши и взяли в осаду Карс.

После войны к России отходят лишь земли Карсская (с развалинами города Ани) и Ардаганская, которые образуют Карсскую область в Российской империи. Обеспокоенные всплесками насилия со стороны турок, российские армяне оказывают сильнейшее давление на власти для того, чтобы в договор о мире были включены положения, предусматривающие проведение в Османской империи реформ, которые бы гарантировали права армян[4]. Армянский Константинопольский патриарх Нерсес Варжапетян обращается к российскому императору Александру II, умоляя его предпринять действия по защите западных армян. В результате по окончании конфликта Россия пытается настоять именно на таких условиях мира, предлагая ввести «самоуправление» для турецкой Армении и закрепить его указом еще до отвода царских войск с османских территорий. Однако, несмотря на это, в окончательном тексте 16-й статьи договора, подписанного двумя сторонами в Сан-Стефано, под Константинополем, 3 марта 1878 года, говорится лишь в общем о «реформах и улучшениях», исполнение которых должно

проверяться представителями царя[5].

Впрочем, через три с небольшим месяца и эти слабые гарантии стали еще более эфемерными из-за того, что в дело вмешались Великобритания, традиционно дружественная туркам, и Австро-Венгрия, которые потребовали пересмотра Сан-Стефанских соглашений.

Почти целый век Великобритания поддерживала разваливавшуюся Османскую империю, желая сохранить путь к Индии. Россия же продолжала враждовать с турками, которые в Константинополе и на Балканах угнетали православные народы. В июне 1878 года турки и англичане подписывают на Кипре тайное соглашение, по которому Великобритания берется вместо России следить за проведением реформ и обеспечить незамедлительный отвод русских войск с занятых османских территорий, получая взамен остров Кипр.

В результате англичане навязывают России проведение нового конгресса в Берлине, и в июне-июле 1878 года был заключен новый трактат, заменивший Сан-Стефанский договор. В соответствии с Берлинским трактатом значительно ограничиваются как завоевания, так и влияние царской империи на османские дела. Правда, что касается армянского вопроса, то Турция и в Берлине на словах вновь обещает провести реформы. Согласно Берлинскому трактату, в областях, населенных армянами[6], Блистательная Порта «обязуется осуществить, без дальнейшего замедления, улучшения и реформы» и обеспечить безопасность армянского населения от черкесов и курдов; кроме того, османское правительство гарантирует полную свободу вероисповедания и возвращение конфискованного у армян имущества.

Однако 61-я статья Берлинского трактата, касавшаяся армянского вопроса и заменившая статью 16-ю Сан-Стефанского договора, не связывала отвод русских войск с осуществлением реформ и не устанавливала конкретные сроки их проведения; кроме того, проверка исполнения реформ перестала быть исключительной прерогативой русских и должна была перейти под общий контроль всех великих держав.

В действительности Турция и не собиралась проводить обещанные реформы, а после ухода русских войск европейские державы утратили всякую реальную возможность вести переговоры об их проведении. К тому же в 1878 году правительство приостановило действие Османской конституции. Положение христиан империи стало еще более бедственным. Западные государства неоднократно требовали проведения

преобразований, но турки игнорировали их требования[7].

А с 1881 года коренным образом изменилась и русская позиция по армянскому вопросу. Действительно, вслед за убийством царя-реформатора Александра II его преемник Александр III, под давлением консервативного министра К.П. Победоносцева, стал проводить политику дискриминации национальных меньшинств и, соответственно, опасался, что осуществление благоприятных для армян преобразований в Османской империи может вдохновить российских армян на борьбу за свои права.

Кроме того, по окончании турецких кампаний петербургский двор был огорчен и разочарован: все православные народы, которых русские освободили от османского ига, добившись для них политической автономии, — греки, сербы, румыны и прежде всего болгары — вместо того, чтобы оставаться на русской орбите, обнаружили впоследствии недоверие к царям и тенденцию объединяться с их врагами, такими как Англия или Австро-Венгрия. Поэтому царское правительство не намерено было повторять эту ошибку в отношении армян — на которых, к тому же, Русская Церковь смотрела с подозрением, чуть ли не как на еретиков, — и подвергать себя риску возникновения на своих границах аванпоста вражеских держав...

Тем временем менялось и отношение Великобритании к Турции. Обосновавшись на Кипре с 1878 года и в Египте с 1882-го, англичане уже не нуждались в союзе с турками для защиты пути в Индию. С другой стороны, умирающая Османская империя, которая могла с минуты на минуту попасть под русское влияние, представляла собой серьезную угрозу для Англии.

Таким образом, сразу после Берлинского конгресса за несколько лет международное стратегическое равновесие претерпело коренное изменение. Англичане, которые по условиям Кипрского договора должны были заботиться о защите христиан в Османской империи, под воздействием информации об имевших место насилиях из союзников султана превратились в его обвинителей[8]. Именно в это время русские, которые были кровными врагами Османской империи, начали все больше ее защищать — хотя бы из одной неприязни к англичанам. Однако это резкое изменение дипломатических отношений оказалось явно не на пользу армянам, поскольку для них российская поддержка была бы намного важнее английской.

Одним словом, если учесть его последствия, Берлинский трактат остался в истории дипломатии шедевром политической наивности[9] или, скорее, примером чрезвычайной безответственности в вопросах человечности. Действительно,

если бы англичане не навязали пересмотр Сан-Стефанского договора, то, возможно, не произошло бы ни массовых расправ 1894-1896 годов, ни трагедии 1915 года. Однако армянский вопрос, то есть судьба миллионов людей, был, к сожалению, всего лишь пешкой в сложной партии, которую разыгрывали между собой французы, австро-венгры и, главным образом, англичане и русские на шахматной доске Малой Азии...

Политические волнения в среде армян

Тем временем в армянских общинах широко распространяются идеи демократии и свободы, принесенные армянскими студентами из университетов Москвы, Петербурга, Парижа, Венеции, Берлина, Лейпцига, Женевы, Цюриха.

Параллельно с турецкими репрессиями постепенно формируется армянское сопротивление. Менее чем за десять лет возникают различные армянские политические партии. Все они ставят перед собой одну задачу: защитить национальное дело[10]. В 1885 году в Ване появляется армянская революционная партия *Арменакан;* после того как ее основатель эмигрирует из Западной Армении во Францию, партия воссоздается в Марселе и ставит перед собой цель добиться освобождения турецкой Армении.

В 1887 году в Женеве группа армянских студентов создает партию социал-демократического толка — *Гнчак* («Колокол»). Партию наименовали по названию журнала, оппозиционного царскому режиму, который с середины века издавал в Лондоне русский писатель и философ Александр Герцен. И это не случайно: основатели партии учились в России, были знакомы с Плехановым и сочувствовали марксизму, но особое влияние на них оказала русская террористическая организация «Народная воля», взявшая на себя ответственность за убийство в 1881 году Александра II.

В 1890 году в Тифлисе создается партия *Дашнакцутюн* («Союз»), именуемая также Армянской Революционной Федерацией. Ее программа совпадает с программой социалистов-революционеров. Первая конкретная цель, которая объединяла эти армянские партии, — добиться проведения в жизнь реформ, предусмотренных Берлинским трактатом[11].

Окончательные цели партий Гнчак и Дашнакцутюн были почти идентичны: освобождение Армении от турецкого владычества; одинаковой была и их политическая ориентация. Близость позиций побуждала эти две партии в течение определенного периода стремиться к слиянию, однако члены Гнчака вначале придерживались более ясно выраженного

социалистического направления, что через какое-то время привело к расколу внутри партии. В 1898 году те ее члены, которые считали, что борьба за национальное освобождение должна преобладать над социалистической идеологией, обособляются в Реформированную партию Гнчак. Через несколько лет она в свою очередь делится на экстремистов и умеренных консерваторов. Первые — сторонники террористических актов, будут называться *Азадакан;* вторые примкнут к партии Арменакан, назвав себя *Рамкавар*. В 1921 году обе фракции снова объединятся и образуют Армянскую либерально-демократическую партию (АЛДП).

Впоследствии и дашнаки приблизятся к социализму и даже войдут в Интернационал. И все же ни у одной из этих партий не будет, по крайней мере вначале, ясной идеологической позиции. В их взглядах идеалы немецкого и французского социализма соединяются с русским народничеством и с национализмом, но, главное, они побуждают армян к немедленному действию, самозащите, вооруженной борьбе. Важно отметить, что из-за идеологической близости армянских партий к социалистам и коммунистам западные державы будут подходить к армянскому делу с крайней осторожностью; с другой стороны, национализм армян навлечет на них подозрения товарищей по Интернационалу.

Репрессии конца века

Вероятно, Абдул-Гамид II замыслил план систематического истребления армян еще до наступления девяностых годов. Но в последнее десятилетие века этот замысел приобрел конкретные очертания в политическом проекте, который он стал планомерно осуществлять.

Греция, Сербия и Болгария уже отпали от его империи. Его армянские подданные — «верная нация» (по-турецки *миллет-и-садыка)* — были многочисленны, они были слишком влиятельны и богаты и, безусловно, составляли большинство в интеллектуальной элите страны[12]. Они поддерживали либеральные идеи Запада, а потому были потенциальными союзниками его врагов, младотурок. К тому же, благодаря стараниям диаспоры во всем мире, армяне пользовались сочувствием, а отчасти и поддержкой всего Запада, который слишком часто вмешивался во «внутренние дела» Порты. Наконец, русские, активно помогавшие православным народам Османской империи в их освободительной борьбе, кажется были готовы поддержать и армянское дело...

Все эти соображения побуждают «красного султана» наметить политическую программу, поражающую своей простотой: он решает раз и навсегда положить конец армянскому вопросу, покончив с самими армянами.

Опасаясь реакции со стороны Англии, Франции и России, Абдул-Гамид защищает себя союзом с Германией. С другой стороны, для практического выполнения задуманного плана он использует различные курдские племена, которые издавна безнаказанно взимали дань с армян и совершали на них набеги. Во все время его правления большое число курдов-кочевников расселялось среди армян в провинциях Муш, Ван и Эрзерум[13]. И вот, в 1890 году сам султан приказывает вооружить курдов и вербует их массовым порядком в нерегулярную кавалерию, названную в честь его «Гамидие». Многих армян подвергают пыткам, заставляя их подписывать доносы на других и признания на самих себя, будто они являются членами революционных и террористических организаций. Этими бумагами султан сможет с легкостью оправдать готовящуюся расправу, представив ее как решение внутреннего вопроса, как действия, обеспечивающие безопасность государства.

Ясное и точное свидетельство об этих событиях оставил нам немецкий пастор Иоганнес Лепсиус, который в то время был миссионером в Османской империи.

Армянская Церковь пытается защитить народ: 2 февраля 1890 года Армянский Константинопольский Патриарх предъявляет властям Порты официальную жалобу в связи со зверствами курдов в отношении армян и с пассивностью турецких чиновников. Но правительство остается глухим к каким бы то ни было призывам духовенства восстановить законность. Более того, оно провоцирует Церковь. В июне 1890 года на основании ложного доноса турецкая полиция решает произвести обыск в армянском соборе города Эрзерум: ищут оружие и боеприпасы. Армянское население оказывает сопротивление, жестоко подавленное войсками: 20 армян убиты и 300 ранены. В последующие годы полиция проводит массовые аресты среди армянского населения под предлогом уничтожения партии Гнчак.

Последние годы века становятся особенно мрачными для армян Турции[14]. Различные выступления и попытки бунта потоплены в крови. Курдские полки совершают набеги на армянские деревни, убивая, грабя местных жителей и сжигая их дома. В 1893 году восстают и отказываются подчиняться вымогательствам армяне из горной области Сасун (к западу от озера Ван), которых многие годы курдские орды незаконно

принуждали выплачивать дань, помимо официальных налогов, поступающих в турецкую казну. Отброшенные жителями Сасуна, курды обращаются за помощью к турецким властям, и в августе 1894 года османское правительство проводит кровавую карательную операцию. Регулярные турецкие войска присоединяются к курдским разбойникам и в течение трех недель расправляются с армянским населением, уничтожая 3 500 из 12 000 жителей Сасуна.

Сасунские события и другие случаи насилия по отношению к турецким армянам в конце столетия шокируют мировую общественность. Во многих странах начинаются акции протеста и митинги с осуждением турецкого насилия и в поддержку армян; граждане различных государств просят свои правительства вмешаться в происходящие события; публикуются статьи, книги и эссе, посвященные армянскому вопросу[15].

Католикос всех армян Мкртич I лично прибыл в Петербург и представил императору Николаю II прошение о вмешательстве России для осуществления реформ в Западной Армении.

Вследствие этих событий в марте-апреле 1895 года Великобритания, Франция и Россия в специальном меморандуме требуют от Блистательной Порты соблюдать законы и незамедлительно ввести в силу 61-ю статью Берлинского трактата. На основе этого меморандума в мае был разработан и представлен султану менее категоричный проект реформ в пользу армян.

Но султан медлит и еще несколько месяцев отказывается утверждать проект. Тогда партия Гнчак организует в Константинополе большую политическую демонстрацию в поддержку проекта майских реформ: 18 сентября 4 000 армян в районе «Баб Али», резиденции султана, отправляются в сторону Порты, чтобы подать правительству петицию с требованием провести реформы. Так, впервые в истории Османской империи одно из национальных меньшинств осмелилось открыто противостоять властям в самом сердце столицы. Несмотря на совершенно мирный характер демонстрации, власти разгоняют ее участников и учиняют над ними жестокую расправу: в результате кровавой бани, которую они устраивают по всему городу, было убито около 2 000 армян.

И на этот раз мировую общественность ужасают преступные действия Абдул-Гамида, и в конце концов под воздействием европейских стран султан в октябре 1895 года издает декрет о (еще менее радикальных, чем в майском проекте) реформах для армянских провинций. Но в тот самый момент, когда султан

обещает иностранным державам провести долгожданные реформы, он отдает недвусмысленный приказ об уничтожении армян. Так истребление армянского народа, уже давно начатое, становится еще более систематическим.

С октября 1895 года по январь 1896-го резня затрагивает все армянские общины страны: Сасун, Зейтун, а также Эрзерум, Константинополь, Трапезунд, Себастию, Ван и многие другие места. Эмиссары правительства в мечетях тех провинций, где проживает много армян, натравливают на них мусульманское население, заявляя, что, согласно уликам, имеющимся у султана, армяне готовят антигосударственный заговор. Эти подстрекательства сопровождаются раздачей оружия. Почти повсюду армяне оказывают героическое, но тщетное сопротивление. За восстаниями и репрессиями со стороны турок следуют эпидемии.

В итоге по всей Османской империи в 1894-1896 годах не менее 300 000 армян (согласно некоторым источникам, до 400 000) истребляются регулярными войсками Абдул-Гамида II, бандами преступников и курдскими подразделениями. 100 000 человек заставляют принять ислам, 100 000 женщин и девушек отправляют в гаремы, уничтожают 2 500 деревень. У выживших курдские разбойники и сами турецкие власти отбирают все имущество. В эти годы около 100 000 турецких армян находят убежище в Восточной Армении.

В Европе и во всем мире раздаются громкие протесты армян диаспоры. Начинаются также силовые акции и террористические акты армянских партий с целью заставить турецкие власти (увы, безрезультатно) выполнить положения Берлинского трактата. Самой известной акцией становится захват Османского Банка в Константинополе дашнаками 26 августа 1896 года. Захватывая важнейший международный финансовый центр Ближнего Востока, террористы хотели напомнить великим державам об их обязанности настоять на выполнении решений Берлинского трактата: об этом говорилось в ноте, адресованной в тот же день посольствам в Константинополе.

В течение 14 часов армянские мятежники сопротивлялись атакам турецкой полиции. Наконец директор банка сэр Эдгар Винсент и представитель российского посольства Максимов пообещали вмешательство европейских стран и договорились с турецкими властями, чтобы те не препятствовали мятежникам выехать во Францию и найти там убежище. В ответ в столице империи на глазах у послов всех стран правительство султана провоцирует погромы, в результате которых за три дня будет

зверски убито более 7 000 армян. Это станет, во всяком случае в ближайшей перспективе, единственным конкретным результатом захвата Османского Банка.

Сопротивление султану на заре XX века

С начала нового века положение армянского населения в Турции продолжает ухудшаться. Протест против жестоких расправ, чинимых турками и курдами, принимает форму настоящего революционного движения, которое избирает своим девизом слова «Свобода или смерть». Уже в 1897 году партия Дашнакцутюн организовала карательную экспедицию персидских армян в Турцию против курдского племени, годом ранее истребившего там многих армян.

Восстания армянских подданных в разных городах Турции становятся все более многочисленными. В 1901 году группа партизан под предводительством Андраника Озаняна, ставшего впоследствии народным героем, в течение 19 дней выдерживала осаду турецких войск в монастыре Аракелоц, а затем сумела прорвать линию врага и уйти в горы. В 1904 году вновь восстали армяне Сасуна. Опять же под командованием Андраника — настоящего армянского Гарибальди, — сформировав два фронта, они целых два месяца оказывали в горах сопротивление османской армии и войскам курдов. Однако это восстание было потоплено в крови: турецкие войска уничтожили 7 000 армян; в селении Талворик в один день (4 мая) было зверски убито 3 000 человек. С марта по май 1904 года на равнине Муш погибло еще 6 000 армян.

21 июля 1905 года молодая армянка по имени Рубина из партии Дашнакцутюн совершила покушение на Абдул-Гамида; покушение окончилось провалом, и в результате были убиты десятки армян. Однако тремя годами позднее деспотическому режиму «кровавого султана» суждено было прекратить свое существование.

Оппозиция ненавистному режиму усиливается и со стороны турецкой интеллигенции. Многие оппозиционеры уже давно предпочитают работать в изгнании. Как мы уже говорили в 1889 году в Париже младотурки создают националистическую политическую партию «Единение и прогресс» (по-турецки *Иттихад ве Теракки), с* программой обновления Османской империи. Эта партия встречает все больше сочувствия в Турции, причем не только среди интеллигенции, но также среди

чиновников и военных; она организует свой центр в Салониках.

Находясь в оппозиции «кровавому султану», младотурки получают поддержку армянских партий.

В июле 1908 года младотурки с помощью турецкой армии Македонии совершают государственный переворот. Абдул-Гамид заключен в тюрьму в Салониках и вынужден вновь ввести в действие либеральную конституцию 1876 года, отмененную им в 1878 году. Османская империя становится конституционной монархией, закон признает и гарантирует свободу личности и абсолютное равенство всех османских подданных.

Конец деспотического режима поначалу с воодушевлением приветствует вся Европа и, разумеется, армяне Турции, России и диаспоры. Ведь они поддерживали младотурок, которые всегда представлялись либералами. В работе первой палаты парламента младотурок принимают участие 10 представителей армянской общины. Высшие руководители партии Энвер и Талаат наносят визиты в армянские школы и церкви, и повсюду их встречают по-братски; армянские священники посещают мечети. Впервые армянам разрешается носить оружие и служить в армии. Более того, правительство поощряет вербовку армян. Одним словом, у армянского народа возрождается надежда.

Но крайний национализм младотурок приведет к еще более тяжелым последствиям, чем те, которые породил обскурантистский режим Абдул-Гамида.

Пантюркизм младотурок

Османская империя в период наибольшего расцвета своим благосостоянием была обязана установившемуся соотношению между численностью турецкого населения и христианских меньшинств[16]. Члены христианских общин, которые были богаче и образованнее турок, приносили пользу империи как своим участием в государственном управлении, так и в качестве вкладчиков в казну, поскольку с них государство собирало большую часть налогов. Но султаны, забирая в самом нежном возрасте христианских мальчиков в янычары, а девочек в гаремы, позаботились об ограничении демографического роста христиан, в то время как турецкое население непрерывно росло.

Таким образом, христианские народы, уменьшаясь количественно и подвергаясь постоянной дискриминации, все же имели право на существование — хотя бы потому, что это было в интересах самой империи. А теперь приход к власти младотурок полностью изменил ситуацию.

Придя к власти, Энвер немедленно, уже в июле 1908 года, заявил: «Сегодня больше не существует правительства произвола. Мы все братья. В Турции больше не будет болгар, греков, сербов, румын, мусульман или иудеев. Живя под одним небом, мы все горды тем, что мы османы»[17]. Так светский османизм младотурок противопоставлялся «старому» теократическому деспотизму султана. Тем не менее эта официально провозглашавшаяся цель создания современного и открытого для Европы османского государства вскоре свелась к жалкой шовинистической идее о Турции, которой будут править одни турки. В действительности это вырождение было логичным: утверждение, что в Турции больше не будет различий по национальному и религиозному признакам, отнюдь не означало равенство прав и свобод, а напротив — отрицание всякой возможности автономии для национальных и религиозных меньшинств и в конечном итоге отрицание самих этих групп как таковых. Османская самобытность, которую отстаивало новое правительство, начинала все больше совпадать с турецкой.

Более того младотурки желают не только ассимилировать или истребить все нетурецкие меньшинства Османской империи; они предаются новой безумной мечте о великой Турции, которая будет простираться от Босфора до центральной Азии и объединит все тюркские народы, то есть имеющие древнее тюркско-татарское происхождение, — азербайджанцев, туркменов, узбеков, киргизов, казахов, татар.

Так осуществился переход от фундаменталистского панисламизма Абдул-Гамида и от османизма времен начала деятельности младотурок к тому, что впоследствии стали называть пантюркизмом лидеров Иттихада[18]. Такой грандиозный экспансионистский план, конечно же, не мог осуществиться без расчленения Российского и других государств, под властью которых находились многие тюркские народы. Для достижения своих целей в отношении России Турция находит себе могущественного и весьма заинтересованного союзника — Германию. Главным препятствием на пути к созданию пантюркистского государства становится само существование армянского народа, живущего на территории, расположенной как раз между турками и их восточными братьями — на территории, которая в начале века оказывается разделенной между двумя великими враждующими империями — Османской и Российской.

Такая форма национализма была очень удобна правителям: ответственность за любой неуспех можно было легко переложить на «внутреннего врага», а собственный народ держать в нищете и неведении. Кроме того, народу давалось анестезирующее

средство, которым становится заманчивый и далекий идеал — построение Великого Турана. Во имя этой цели на второй план отодвигалось всякое недовольство властями и навязывалось простое и надежное истолкование событий, которое не допускало сомнений и было основано на четком противопоставлении: друг — враг, мусульманин — христианин, турок — армянин.

Новая мечта сразу же захватила турецкое население: появились пантуранистские ассоциации, стали организовываться поездки, установились контакты с «тюркскими братьями», барды и поэты воспевали новый идеал... Сделав идеологический выбор в пользу пантюркизма, Иттихад проявил большие стратегические способности. Действительно, только такая простая и банальная идеология, как крайний национализм, в соединении с великой мечтой-утопией могла быть понята и принята народом, доведенным до нищеты и пребывавшим в невежестве. Таким образом, младотурки, вдохновляясь фанатичной идеей и следуя простому расчету, продолжили печальное дело Абдул-Гамида II. Но с еще большим упорством и ожесточением[19].

31 марта 1909 года в результате государственного переворота Абдул-Гамид возвращает себе власть в Стамбуле; однако остальная территория страны остается под контролем младотурок, которым 27 апреля, все также опираясь на армейские подразделения Македонии, удается вновь занять столицу. В дни кризиса, когда султан имеет кажущееся превосходство, стамбульские армяне помогают младотуркам, укрывают их и оказывают поддержку.

Тем временем в Киликии разворачивается новая трагедия: посреди хаоса, возникшего в результате государственного переворота и последовавшей за ним реакции младотурок, в городе Адане, а затем и в остальной части провинции вновь начинаются массовые избиения армян.

Одни воспринимают это как последние удары агонизирующего чудища, которым представлялся режим Абдул-Гамида; другие считают, что это первые массовые убийства, организованные новой властью. Возможно, что обе версии были верны, то есть что приспешники султана начали резню, а младотурки с удовольствием ее завершили.

В самом деле, не успел Абдул-Гамид вернуться к власти в Стамбуле, как в Адане распространились слухи о том, что султан призывает всех наказать неверных. В последующие дни началось избиение армянского населения. Но массовые убийства начались после 14 апреля, то есть после того дня, когда правительство младотурок под предлогом наведения порядка прислало в город

военные отряды. Именно солдаты младотурок совершили большую часть убийств, которые потом приписывались «кровавому султану». Армяне со своей стороны старались верить — скорее не по здравому размышлению, а потому, что хотели надеяться, — что это дело рук уходящего режима. Как бы то ни было, менее чем за год в Киликии было уничтожено около 30 000 армян.

Надежды и тревоги довоенного периода

В 1912 году Османская империя потеряла Македонию и почти всю Фракию. Опасаясь дальнейшего распада империи, младотурки усилили борьбу против самых активных и представляющих для них угрозу меньшинств, и прежде всего против армян. Кроме того, в результате двух балканских войн (1912-1913) сотни тысяч мусульманских беженцев покинули потерянные районы европейской части империи; чтобы разом решить две проблемы, правительство направляло эти толпы обездоленных и озлобленных против христиан людей как раз в районы Малой Азии, преимущественно населенные армянами.

Начиная с 1913 года, истинными правителями Турции становятся Талаат Бей и Энвер-паша — до того никому не известные личности: Мехмет Талаат прежде работал служащим на почте в Константинополе, Исмаил Энвер жил в Германии, а затем был военнослужащим в Салониках. К ним присоединяется Ахмет Джемаль, и чуть позже эти три «сильных человека» установят диктатуру, создав своего рода военный триумвират: Талаат будет министром внутренних дел, Энвер — министром войны, а Джемаль — морским министром[20].

Новое правительство Турции все более решительно ориентируется на Германию, в то время как внутри страны старается ослабить нетурецкие этнические группы (греков, арабов, македонцев и т.д.). Как и Абдул-Гамид, младотурки, получив при захвате власти поддержку армянских партий, тем не менее в первую очередь нападают на армян. Так же как и султан, они прежде всего используют для этого кочевников-курдов.

Тем временем, в начале 1912 года новоизбранный католикос Геворг V попросил известного армянского общественно-политического деятеля из Египта Погоса Нубара[21] повлиять на державы, чтобы они потребовали от Порты положить конец беззакониям, чинимым против армян.

Два года страны «Тройственного Согласия», или *Антанты,* т.е. Англия, Франция и, больше всех, Россия, оказывают сильное

дипломатическое давление с целью добиться в Османской империи реформ в пользу армян[22]. Тем не менее, постоянные несогласия между тремя государствами, которые преследуют разные интересы, позволяют турецким чиновникам медлить. Против этих реформ по-прежнему выступает Германия, которая хочет сохранить империю такой, какая она есть, чтобы превратить ее в свою колонию. Прибытие в Константинополь немецкой военной миссии вызывает негодование стран Антанты; тогда немцы сдают свои позиции, согласившись не препятствовать проведению реформ в пользу армян.

Итак, 8 февраля 1914 года великий визирь подписывает «Соглашение по армянским реформам» с представителем русского царя. Проект реформ предусматривает назначение двух иностранных генеральных инспекторов, представителей нейтральных государств (вначале считалось, что они будут из скандинавских стран), которые должны следить за тем, как соблюдаются нормы Берлинского трактата в двух новых провинциях Ван и Эрзерум, в которые вошли все провинции (*вилайеты*) турецких армян.

В апреле 1914 года оба инспектора назначены: это голландец Вестененк и норвежец Хофф. Казалось бы, для турецких армян начинается новое время.

Но не успел Хофф прибыть по назначению в провинцию Ван (в июле 1914 года), как разразилась Первая мировая война. 1 августа 1914 года Германия объявляет войну России. На следующий день правительство Османской империи заключает тайный договор с Германией, что явно говорит о ее скором вступлении в войну; и действительно, объявляется мобилизация. В тот же самый день младотурки реорганизуют специальный отряд политической полиции, называемый «Специальной организацией» (*Тешкилат-и-Махсуса*), которая подчиняется министерству войны. Цель этой организации — заложить реальную основу для осуществления пантюркистского проекта, заключавшегося в создании моноэтнической, исламской Турции, населенной исключительно турками, границы которой охватывали бы территории всех тюркских народов.

Немногим ранее, в июле-августе, лидеры Иттихада встречаются с представителями партии Дашнакцутюн, собравшимися на конгрессе в Эрзеруме, и предлагают им, в случае возможной войны между Россией и Турцией, разжечь восстание российских армян, чтобы облегчить проникновение турецких войск в царскую империю. Взамен правительство

обещает осуществить формирование независимой Армении. На это предложение лидеры дашнаков отвечают, что в случае войны между двумя империями армяне и той, и другой стороны останутся верными странам, гражданами которых они являются, и будут сражаться в их армиях. Иттихад, конечно же, расценивает этот отказ как решение армян поддерживать Россию.

Через несколько дней после объявления Германией войны Армянский Католикос Геворг V пишет из Эчмиадзина представителю царя на Кавказ, а затем самому царю в Петербург, чтобы напомнить им об армянском вопросе и побудить Россию напасть на Турцию[23]. Николай II отвечает Католикосу, что благосклонно расположен к его стаду. Однако впоследствии инициатива католикоса обратится против армян, которых турки также и на основании этой переписки обвинят в заговоре с русскими.

Уже в августе турецкое правительство выдворяет из страны недавно прибывшего норвежского инспектора Хоффа. Спустя немногим более двух месяцев Турция уже воюет бок о бок с Германией, а младотурки используют сумятицу, вызванную войной, для того, чтобы раз и навсегда «решить» армянский вопрос.

В это же время «Специальной организации», которой руководят двое врачей, Мехмет Назым и Бехаэддин Шакир, поручается освободить Анатолию от нетурецких этнических меньшинств. «Специальная организация» пользуется неограниченной властью, прибегает к помощи полиции и армии, имеет связи с министерством внутренних дел и управляется непосредственно партийными лидерами.

Для «освобождения» Анатолии Организация учреждает «отряды исламской милиции», состоящие из так называемых *чете*. Это, в сущности, банды разбойников, набранных в основном из курдов или освобожденных из тюрем преступников, которым за оказание такой «услуги» государство дарует амнистию.

Так начинается заключительная, безусловно самая ужасная, фаза первого геноцида XX века.

Армяне в начале Первой мировой войны

С начала Первой мировой войны история армянского народа неожиданно начинает развиваться как бы в ускоренном темпе. Все события с конца 1914 до конца 1920 года — мировая война, геноцид, большевистская революция, отделение стран Кавказа от России, первое турецкое нашествие, война с Турцией, рождение и закат независимой Армянской республики, второе турецкое

нашествие, аннексия Армении Советской Россией — не только по причине своей трагичности, но и быстроты, с которой они следовали одно за другим и нагромождались друг на друга, перевернули историю более чем трехтысячелетнего народа Арарата; они изменили плотность и распределение его населения и на долгое время определили его судьбу.

Подсчитано, что в 1914 году, до войны и геноцида, во всем мире было около 4 100 000 армян[24]. Из них 2 100 000 жили на территории Османской империи, 1 700 000 — на территории Российской империи, 100 000 — в Персии и 200 000 — в других странах мира. На территории Восточной Армении, входившей в Российскую империю, проживало 1 300 000 армян, а в Западной Армении и Киликии, которые подчинялись Турции, — 1 400 000. Как в российской Армении, так и в турецкой жило много людей и других национальностей. Городами же с наибольшей численностью армянского населения были Константинополь и Тифлис; значительными с точки зрения численности населения и его влияния на экономику и культуру были также армянские общины в Баку и Смирне.

Турция вступила в войну как союзница Германии 2 ноября 1914 года. В том же ноябре 1914-го года, после нападения Турции на Россию без объявления войны, русские проникают в турецкую Армению. Армянские подданные Османской и Российской империй действительно служат в армиях своих стран. 60 000 армян Османской империи зачислены в состав турецкой армии. Число армян, мобилизованных в русскую армию, намного больше: возможно, их около 200 000[25]. Такая диспропорция объясняется тем, что, как мы уже видели, в Османской империи армяне только что получили право служить в армии. В России же они подлежали призыву почти тридцать лет. Так или иначе, только третья часть армянских солдат, подданных России, будет сражаться на Кавказе, остальных же направят на австро-венгерский фронт. Кроме тех, кого мобилизовали царские власти, по меньшей мере 5 000 добровольцев из российской Армении вербуются в армию для освобождения страны от турок. Некоторые армяне диаспоры также добровольно записались в ряды бойцов Антанты[26].

Первые результаты войны для османских войск оказались катастрофическими. Энвер, возглавлявший многочисленную армию, не принял в расчет суровость зимы на армянском высокогорье. Его солдаты, ослабленные сильным холодом и болезнями, в декабре 1914-го и январе 1915 годов терпят сокрушительное поражение: 70 000 из них погибают в бою (по

другим источникам, 90 000), 12 000 попадают в плен. Потери же русской армии составляют 20 000 человек. Турецкое правительство тут же находит себе оправдание, а также козла отпущения, обвинив в разгроме своей армии армян: оно объявляет, что турецкие армяне строят козни против государства и готовы присоединиться к русским. Таким образом, не будучи способно одолеть внешнего врага, турецкое правительство фабрикует себе врага «внутреннего», на которого можно направить недовольство народа — такова самая банальная и, к сожалению, самая распространенная военная хитрость, применяемая при различных диктатурах в моменты кризиса.

На армян обрушивается ненависть разочарованного и разгневанного мусульманского населения. Правительство играет не только на национальных, но и на религиозных чувствах. В конце ноября объявляется *джихад* — священная война. По всей Турции совершаются разного рода насилия по отношению к армянам. Но армяне не только подвергаются неконтролируемым нападениям со стороны населения, но и оказываются объектом истребления по плану, разработанному правительством и тщательно им выполняемому. Действительно, в первые же месяцы года начинается систематическое уничтожение армян, задуманное Талаатом, Энвером и Джемалем.

Уже в январе 1915 года османские правители обезоруживают и расстреливают большое число армян — офицеров и солдат, служивших в их армии. 25 февраля министр Энвер издает постановление о лишении оружия всех солдат армянской национальности, которых направляют в рабочие отряды. В этих отрядах армянские «солдаты-рабочие» *(амеле табури)* трудятся как каменобойцы, которые прокладывают путь армии, и даже используются в качестве вьючных животных, неся на плечах артиллерийские орудия через труднопроходимые горы Кавказа. Множество таких разжалованных армянских солдат умирают от чрезмерного напряжения, холода и тяжелого труда в самые первые месяцы года. Затем, ближе к лету, начнутся их массовые расстрелы.

Трагедия 1915 года

Между декабрем 1914-го и первыми двумя месяцами 1915 года руководители партии младотурок дают намного более решительный ход уже имеющему место геноциду армян, чтобы раз и навсегда покончить с «внутренним врагом». В январе 1915 года на закрытом совещании партии обсуждаются конкретные планы истребления: присутствующие в полном составе лидеры

партии и государства единогласно голосуют за «полное уничтожение всех армян, не исключая ни одного человека».

Сразу после этого запрещаются все армянские организации и газеты, закрываются армянские школы, предприятия, магазины. Под предлогом нового призыва ранее объявленные негодными к военной службе армянские мужчины мобилизуются и сразу ликвидируются. Во всех провинциях начинается поиск оружия у армянского населения; обыски сопровождаются грабежами, пытками, всевозможным насилием. В разных местах власти арестовывают армянскую интеллигенцию — духовенство, писателей, врачей, общественных деятелей.

Желая развязать себе руки, 13 марта власти распускают парламент под тем предлогом, что некоторые депутаты и члены сената разгласили тайные сведения, касающиеся Специальной организации. В соответствии же с действовавшей конституцией в отсутствие парламента законы могли издаваться правительством.

В том же месяце партия дает указания о высылках. Первыми высылаются армяне из города Зейтун. Таким образом, депортация начинается в районах, весьма отдаленных от фронта и от России, что доказывает ложность оправданий, данных позднее Иттихадом.

В первых числах апреля в город Ван прибывает новый турецкий губернатор, уже приобретший печальную известность жестокостью, с которой преследовал христиан. Это Джевдет Бей, зять Энвера-паши, прозванный «коновалом из Башкале» за изобретение нового метода пытки: прибивания к ступням жертв-армян лошадиных подков... При нем сразу же начинаются неслыханные зверства по всей провинции. 7 апреля население восстает под предводительством Арама Манукяна и изгоняет турецких руководителей и солдат. После этого город немедленно подвергается осаде курдских войск и обстрелу турецкой артиллерии. Когда из-за недостатка продуктов питания и боеприпасов положение восставших становится критическим, на помощь приходит русская армия, которая с большим числом армянских добровольцев из России 16 мая освобождает Ван.

Русские назначают Арама Манукяна губернатором области. Однако Ван сохранит автономию только до лета: в конце июля 1915 года русские уйдут из Вана, забрав с собой от 200 000 до 300 000 армянских беженцев.

Тем временем турки незамедлительно используют восстание в Ване, чтобы оправдать высылку и другие насильственные меры, предпринятые правительством против армян. Уже в апреле 1915 года министр внутренних дел Талаат издает постановление, в

котором армяне объявляются «российскими агентами и врагами Османской империи». Это постановление получает одобрение министра войны Энвера и морского министра Джемаля. Так, весной экзекуции и высылки принимают массовый характер. Часто, чтобы навести ужас на население, многих армян из разных провинций Анатолии арестовывают и вешают на многолюдных площадях.

В ночь с пятницы 23-го на субботу 24 апреля (а затем с 24 по 28-е) в Стамбуле арестовывают многих представителей армянской интеллигенции: более 600 писателей, художников, адвокатов и представителей духовенства. Их обвиняют в том, что они якобы были зачинщиками восстания в Ване. Операция продолжается и в последующие дни, а через месяц число заключенных армян достигает 2 345. Среди них поэт Даниэль Варужан, а также депутат парламента и писатель Григор Зограб, который всегда был в хороших отношениях с самим Талаатом. Их отвозят подальше от столицы, к центру Анатолии, и убивают. Армянское население Турции, лишенное интеллигенции, духовных пастырей и политических деятелей, оказывается обезглавленным.

24 апреля войдет в историю армянского народа как черный день: армяне всего мира каждый год вспоминают *Мец Егерн* — «Величайшее Злодеяние», причиненное их народу, посвящая этот день размышлениям и устраивая манифестации, чтобы напомнить миру о трагедии, которую всегда замалчивали. В этот день Армянская Церковь молится о жертвах геноцида, о всех тех, кто был убит в 1876-1923 годы.

Геноцид армянского населения, продолжающийся со времен Абдул-Гамида II, теперь достигает беспрецедентных масштабов и темпов. После описанных событий депортация армян разворачивается повсеместно. Повсюду она проходит по одному и тому же сценарию: сначала подвергаются аресту именитые граждане, у них под пытками вырывают признания в поступках, которых они не совершали, и в заговорах против государства. Затем отдается приказ о депортации населения; редко этим несчастным дают несколько дней или часов для того, чтобы собрать вещи; взрослых мужчин немедленно расстреливают за городом, а женщин, детей и стариков «депортируют».

Хотя в Турции дипломатический корпус союзных и нейтральных государств находился почти исключительно в Стамбуле и Смирне, где насилие против армян тщательно скрывалось, иностранные коммерсанты и особенно миссионеры в небольшом числе присутствовали повсюду. Благодаря этому до Европы и Соединенных Штатов стали доходить сведения о том,

что происходит. Правительство Германии, союзное Турции, всеми силами старалось делать вид, что ни о чем не ведает, и пыталось скрыть преступления Иттихада. Однако благодаря солдатам и миссионерам слухи об истреблении армянского населения дошли и до немецкой общественности.

24 мая по инициативе России страны Антанты потребовали, чтобы Турция прекратила убийства армян. Одновременно в Петербурге, Париже и Лондоне опубликовали декларацию, в которой происходящие события были названы «преступлениями против человечества и цивилизации». Три державы, подписавшие декларацию, предупредили турецкое правительство, что будут считать его членов и вовлеченных в эти преступления местных руководителей лично ответственными за них[27].

Лидеры Иттихада своеобразно ответили на это требование: 27 мая они решили просто узаконить уже давно проводившееся истребление армян. Пользуясь отсутствием парламента (предварительно распущенного партией), само правительство принимает закон, обнародованный 1 июня, который легализует совершение зверств: под тем предлогом, что армяне якобы собираются восстать, закон предписывает их массовое «временное переселение» в другие места — не уточняя, в какие. В действительности целью высылки было полное уничтожение: армян отправляли «в никуда», как оговаривал сам Талаат в служебных телеграммах к своим подчиненным — областным губернаторам.

Сотни тысяч армян погнали к пустыням Сирии и Месопотамии. Одних уничтожали в начале долгого пути, других убивали, или они умирали от истощения и непосильных лишений, не дойдя до пустыни. Мужчин вешали, отрубали головы, сжигали живьем, варварски пытали, калечили, четвертовали, расстреливали, женщин насиловали и продавали, детей похищали и тоже продавали в рабство.

А между тем турецкое население на глазах у представителей власти безнаказанно грабило и разоряло дома и имущество высланных. В конце концов, государство просто конфисковывало всю собственность армян — несмотря на то, что они были всего лишь «временно переселены».

В пути высланным приходилось терпеть всевозможное насилие и жестокость со стороны турецких солдат. Часто сопровождающие всадники-конвоиры опережали депортируемых, чтобы оповестить местных курдов о приближении колонны, состоящей из одних женщин, стариков и детей; немногим спустя банды разбойников нападали на беззащитных людей. Некоторые матери-армянки, приходя в ужас от того, что им довелось

увидеть, совершали самоубийства вместе со своими детьми. По пути, по которому следовали караваны, оставались трупы, сваленные в кучи, повешенные на деревьях, на фонарных и телеграфных столбах. Во время перехода через реки конвойные бросали в воду детей и подростков, а тех, кто выплывал, добивали выстрелами из ружей.

Лишь небольшая часть высланных добиралась до распределительного центра в Алеппо — это был последний этап перед пустыней. И, наконец, многие из тех, кто достигал пустыни, умирали от лишений, голода, жажды и эпидемий, становились жертвами разбойников и банд кочевников, завербованных правительством. Совсем немногие спаслись благодаря помощи сирийцев, а также бедуинов, которые укрывали стариков и женщин, усыновляли детей.

Изорванная одежда некоторых из выживших армян свидетельствовала об их прежнем богатстве; иные из этих вынужденных обитателей пустыни учились в лучших университетах Европы, жили в Лондоне и Париже, знали несколько языков и вращались в высших слоях общества различных стран...

Сразу после трагической даты 24 апреля, уже в мае 1915 года, депортации подверглись армяне из восточной Анатолии, исключая Ван, занятый русскими: из Трапезунда, Эрзерума, Битлиса, Диарбекира. Ведь официально переселение мотивировалось близостью русского фронта. За три месяца восточная Анатолия была очищена от армян: уже в августе область объявили «освобожденной» от неудобного присутствия... своих исконных жителей.

Во второй фазе геноцида массовая высылка распространилась на западную Анатолию, Киликию и турецкую часть Фракии. Для переселения армян из этих районов невозможно было ссылаться на близость фронта. Но геноцид, приведенный в действие, уже не нуждался в прикрытии; турецкие власти заботились исключительно о скорейшем достижении своей цели. Так наконец высылка охватила всех проживавших в Турции армян без различия, за исключением жителей Смирны и Константинополя.

Вторая волна депортированных также прошла через Алеппо, откуда их отправляли на восток, к пустыне, расположенной вдоль берегов Евфрата, или на юг — к сирийской пустыне. Почти все 200 000 человек, прибывшие в лагерь Дейр-эл-Зор в Месопотамии, умрут от жажды и лишений. До сирийских лагерей Хамы, Хомса и окрестностей Дамаска дошло около 120 000 человек. Те из них, кто выживет к концу войны, вернутся в

Киликию. Но здесь они встретят смерть в 1920 году от рук новых палачей, кемалистов.

Депортация армян в основном завершается к концу года. А в первой половине 1916 года по приказу правительства уничтожаются все, кто находится на стоянках и в распределительных лагерях.

В некоторых местах высылка заменялась варварством другого рода. В Трапезунде женщин и детей топили в Черном море. В Муше солдаты турецкой армии руководили ордой курдов, которые, переходя из дома в дом, устраивали резню, убивая всех армян топорами.

Отдельные армянские города и селения оказывали яростное сопротивление: Ван, Шатах, Шапин-Карахисар, Муса Даг (Джебель Муса), Урфа.

Один из ярких примеров армянского сопротивления описан австрийским писателем Францем Верфелем в романе *Сорок дней Муса Дага* (1933). 30 июля 1915 года от 4 000 до 5 000 армян, живших на северном побережье Сирии, решили противостоять высылке и обосновались на горе Муса, построив там укрепления. Они полтора месяца выдерживали осаду турецких войск, несмотря на огромное неравенство сил. Несколько сот боеспособных воинов из числа осажденных давали отпор сменяющим друг друга и количественно увеличивающимся подразделениям регулярной армии (последнее насчитывало 15 000 солдат), оснащенным артиллерией. В конце концов, когда турки, отрезав все пути сообщения и изолировав мятежников, уже думали уморить их голодом, их спасли два французских военных судна, которые проплывали мимо и увидели надпись на знамени: *Christians in distress: rescue* («Христиане в опасности: спасите нас!»). Французы разбомбили позиции турок, взяли на борт 4 000 выживших армян и благополучно довезли их до Порт-Саида[28].

Свидетели геноцида и защитники армян

Многочисленны и ужасающи свидетельства о геноциде, дошедшие до нас благодаря дипломатам и другим иностранцам, жившим в то время в Турции[29]. Это прежде всего секретные документы немецких и австрийских дипломатов[30], которые, будучи союзниками турок, прекрасно знали обо всем происходившем. Некоторые немцы, ставшие свидетелями массовых убийств, по долгу службы молчали, а другие активно критиковали политику невмешательства своего правительства[31].

Леденеет кровь в жилах от донесений собственному

правительству Генри Моргентау — американского посла в Константинополе с1913 по 1916 годы — и американских консулов в разных турецких городах: Оскара Хайзера в Трапезунде, Джессе Джексона в Алеппо и особенно Лесли Дэвиса в Харпуте, городе в центральной Анатолии, который был одним из главных пересылочных пунктов для депортируемых армян. Посол Моргентау не только регулярно и подробно информировал Вашингтон о депортации и избиениях армян, но и неоднократно пытался вступиться за преследуемых перед турецким правительством, в том числе в ходе личных бесед с Энвером и Талаатом.

В своих *Мемуарах,* опубликованных в 1918 году[32], он рассказывает о разговоре с Талаатом, во время которого виновник депортаций внезапно спросил его: «Почему Вы так интересуетесь армянами? Вы еврей, а эти люди — христиане. Мусульмане и иудеи лучше понимают друг друга. Вас здесь хорошо принимают. Зачем же Вы протестуете? Отчего не позволите нам делать с христианами все, что нам угодно?» Моргентау ответил: «Вы, кажется, не поняли, что я нахожусь здесь не в качестве иудея, но как посол Америки. И обращаюсь к Вам не от имени какой-либо нации или религии, но во имя человечности. Предположим, что несколько армян вас предали: неужели это может быть причиной для того, чтобы уничтожать целый народ и заставлять страдать женщин и детей». «Это неизбежно, — заявил Талаат. — Нас упрекают в том, что мы не делаем разницы между виновными и невиновными армянами; но это невозможно: сегодняшние невиновные завтра станут виновными»[33].

Уже 16 июля 1915 года Моргентау в своем донесении госсекретарю в Вашингтон прямо и решительно говорил о «кампании национального истребления», направленной против армян. В *Мемуарах* он ясно показывает несостоятельность приводимого правительством объяснения депортации «временным переселением армян по причине войны». «Абсурдно заявление правительства о том, что турки движимы искренним намерением переселить армян на новые места, а эти душераздирающие подробности очень хорошо показывают истинную цель Энвера и Талаата: полное и абсолютное истребление армян». И далее: «Когда османские власти отдали приказ о депортации, они предопределили смерть целой нации; они хорошо это знали и во время наших встреч даже не пытались это скрыть». Описывая немыслимые зверства, совершенные во время депортации армян в 1915 году, Генри Моргентау заявляет: «Я уверен, что мировая история не знает столь ужасающих случаев». Крестовый поход против альбигойцев в XIII веке,

«сицилийская вечерня», жертвы испанской инквизиции времен Торквемады, изгнание евреев из Испании Фердинандом и Изабеллой, «все эти преследования, — утверждает он, — ничто в сравнении с теми, которые учинили против армян»[34].

В числе дипломатических работников того времени, давших важные свидетельства об избиениях армян, был Джакомо Горрини, итальянский консул, который работал в Трапезунде с 1911 по 1915 годы. Горрини, в чей консульский округ входило большинство армянских *вилайетов* Османской империи, лично наблюдал, бессильный что-либо изменить, за депортацией армян в последний месяц своего пребывания в Трапезунде. В июле 1915 года, вследствие вступления Италии в войну против Австро-Венгрии, союзницы Турции, он был вынужден спешно покинуть страну. Его путешествие было полно невероятных приключений, и до Рима он добирался почти целый месяц. Здесь он через несколько дней дал газете «Мессаджеро» интервью, в котором открыто, без обиняков, разоблачил «явное нарушение самых священных прав человека», совершенное правительством младотурок по отношению к армянскому населению: депортации, кровопролития, разного рода беззакония. Это интервью имеет большое значение, поскольку представляет собой первое публичное заявление о событиях 1915 года, сделанное дипломатом. Из его текста мы узнаем, что за один только месяц — со дня публикации декрета об интернировании армян в Трапезунде 24 июня до отъезда самого Горрини 23 июля — армянское население города уменьшилось с 14 000 до нескольких десятков человек.

По окончании войны, 14 ноября 1918 года, Джакомо Горрини подготовил сборник материалов по армянскому вопросу для итальянской делегации на Конгрессе в защиту мира с целью предложить создание независимого армянского государства путем соединения армянских территорий бывшей Османской империи и территории бывшей российской Армении. В 1918 году он был назначен послом Италии в первой Армянской Республике (1918-1920). После ее краха и советизации Армении Горрини в 1922 году вернулся в Рим, был отправлен на пенсию и долгое время официально не занимался проблемами международной дипломатии и политики. В 1940 году он написал новое воззвание, сделав тем самым последнюю попытку обратить внимание общественности к армянскому вопросу.

Армянским вопросом занимался известный английский государственный деятель лорд Джеймс Брайс. Он сделал

достоянием мировой общественности факты избиений армян в 1894-1896 годах, признавая ответственность за это Великобритании. Затем правительство Его Величества поручило ему как специалисту по армянскому вопросу собрать документы о беззакониях, чинимых по отношению к армянам. Для этого он прибег к помощи молодого историка Арнольда Тойнби-младшего, ставшего впоследствии знаменитым историком благодаря своим работам по сравнительному изучению цивилизаций. В октябре 1915 года, выступая в Палате лордов, Брайс заявил, что «почти весь» армянский народ, живший в Турции, был уничтожен, и добавил: «История не знает подобных случаев со времен Тамерлана»[35]. В то же самое время Тойнби сдал в печать в Нью-Йорке книгу, которая проливала свет на текущие события, происходящие в Турции[36].

В 1916 году Брайс представил правительству свой отчет: собрание около 150 свидетельств очевидцев, достойных доверия, о все еще продолжающихся кровопролитиях. Входящие в отчет документы, которые доказывали убийство «около 800 000 армян», были немедленно преданы гласности, собранные в «Синюю книгу» с подзаголовком: «Как обходятся с армянами в Османской империи»[37]. Книга состоит из 550 страниц, содержит несколько вводных текстов, краткое изложение истории Армении и свидетельства, разделенные по *вилайетам* и городам.

Подобно Моргентау, Горрини, Брайсу, Тойнби и другим, во время избиений армян или сразу после них некоторые выдающиеся мыслители и общественные деятели выступили в защиту армян и предприняли решительные действия, чтобы сделать эти события известными, оказать давление на международные организации и найти конкретные решения для помощи беженцам. В числе наиболее активных из них, помимо уже упомянутого Франца Верфеля, были: во Франции писатель Анатоль Франс, деятель социалистического движения Жан Жорес и ученый Фредерик Маклер; в России — политический деятель Петр Милюков, общественный деятель и писатель Максим Горький, дипломат и юрист-международник Андрей Мандельштам а также поэты Юрий Веселовский, Валерий Брюсов, Сергей Городецкий; в Германии — пастор и общественный деятель Иоганнес Лепсиус, деятель рождающейся компартии Роза Люксембург и писатель Армин Вегнер; в Великобритании — видный государственный деятель Уильям Гладстон; в Польше — общественный деятель и писатель Богдан Гембарски; в Швейцарии — богослов Макс, принц Саксонский; в Норвегии — великий филантроп, исследователь Арктики и дипломат Фритьоф Нансен.

Самые важные прямые свидетельства о геноциде, не принадлежащие дипломатам, дали двое немцев: пастор Иоганнес Лепсиус и молодой офицер Армин Вегнер.

Иоганнес Лепсиус, сын известного египтолога Карла Рихарда Лепсиуса, был евангелическим пастором и миссионером. В 1895 году он основал миссионерское общество *Deutsche Orient Mission* (Немецкая ближневосточная миссия), а весной 1896 года побывал в тех местах, где незадолго до этого была совершена ужасная резня, организованная Абдул-Гамидом II (1894-1896). При поддержке американских, немецких и швейцарских сотрудников и благодетелей общества он открыл в Турции, Болгарии и Персии несколько приютов. Затем свою миссионерскую организацию он преобразовал в филантропическую под названием *Armenisches Hilfswerk* (Армянская благотворительная организация). Оказывая всяческую помощь армянам (а также сирийцам и всем преследуемым османским правительством, включая курдов и турок), он параллельно, начиная с августа 1896 года, активно собирал, публиковал и распространял в Германии и в других странах Запада документы, обличающие беззакония, которые совершались против армян в Османской империи. 18 его статей того же года под общим названием «Правда об Армении» легли в основу его книги *Армения и Европа. Обвинение против великих христианских держав и призыв к христианской Германии,* выдержавшей за два года (1896-1897) семь изданий.

Пастор Лепсиус поддерживал отношения с армянами Константинополя и с руководителем армянской национальной делегации Погосом Нубаром и стал одним из самых крупных специалистов по армянскому вопросу на Западе. В 1912-1914 годах с ним часто консультировались политики и дипломаты, его приглашали на различные международные конференции и встречи, посвященные этой теме. Одновременно в Германии его деятельность встречала все возраставшее противодействие со стороны официальных политических кругов.

Летом 1915 года, в то время как шла депортация, осуществляемая младотурками, Лепсиус поехал в Стамбул, где отчаянно — но, к сожалению, безрезультатно — пытался непосредственно повлиять на высшую государственную власть, чтобы остановить геноцид. О его знаменитом разговоре с Энвером 10 августа 1915 года, основываясь на свидетельстве самого Лепсиуса, рассказал Франц Верфель в романе *Сорок дней Муса Дага.*

В сентябре 1915 года Лепсиус опубликовал в Швейцарии статью «Истребление целого народа», а в 1916 году в Германии за

свой счет и в обход цензуры опубликовал *Сообщение о положении армянского народа в Турции*[38]. К тому времени, когда полиция вмешалась с намерением изъять книгу из обращения, он уже лично распространил 20 000 экземпляров. Для того, чтобы иметь возможность продолжать свои действия в защиту армян, он два года работал в нейтральной Голландии. Вернувшись в Германию по окончании войны, он в 1919 году переиздал свое *Сообщение* с дополнениями и под новым заглавием — *Дорога смерти армянского народа*[39] — и одновременно опубликовал чрезвычайно важное по своей значимости собрание 444 немецких дипломатических документов за 1914-1918 годы, которые отражали положение армян в Турции[40]. В 1921 году его пригласили в качестве свидетеля и специалиста по армянскому вопросу на процесс против Согомона Тейлиряна, убившего Талаата. Главным образом благодаря его показаниям процесс, как мы еще увидим, стал для широкой общественности Германии первым осуждением геноцида, не считая богослужебного поминовения армянских жертв, организованного в Берлине в мае 1919 года немецко-армянским Обществом Лепсиуса и монахами Венского монастыря Мхитаристов[41].

Армину Вегнеру — молодому прусскому офицеру немецкого Красного Креста, который предоставил прямые свидетельства и многочисленные фотографические доказательства резни 1915 года, — посвящена настоящая книга. Более подробно о его жизни и подвиге мы расскажем в следующей главе. Завербовавшись в немецкую армию санитаром-добровольцем, в апреле 1915 года А. Вегнер был в составе войск направлен на Ближний Восток с назначением в союзную Турцию. Здесь в июле и августе он использовал любую возможность отлучиться, чтобы расследовать обстоятельства убийств армян, о которых постоянно слышал. Осенью он пересек Малую Азию сопровождая фельдмаршала Колмара фон дер Гольца, который с 1883 года служил в Османской империи военным советником по модернизации турецкой армии.

Армин Вегнер видел колонны депортированных и, невзирая на запреты турок, посещал лагеря беженцев, собирал свидетельства и делал фотоснимки. В 1915 и 1916 годах он вел дневник и посылал письма родственникам и знакомым, описывая в них страшные события, очевидцем которых он стал. В мае 1916 года по просьбе турок, перехвативших несколько писем, он был арестован немцами в Багдаде. Его направили на службу в барак с больными холерой. Вскоре он тяжело заболел и был переведен в Константинополь. Здесь он сумел передать материалы,

относящиеся к истреблению армян, в американское посольство. И, наконец, в декабре 1916 года его репатриировали.

По возвращении на родину Вегнер продолжал поддерживать связь с И. Лепсиусом и другими свидетелями геноцида и стал одним из главных защитников армян. В феврале 1919 года Армин Вегнер написал длинное письмо американскому президенту Вудро Вильсону, который стал самым высокопоставленным защитником армян на международной политической арене — к сожалению, не услышанным. В нем Вегнер описывает зверства, свидетелем которых он стал и о которых он не только имел право, но считал своим моральным долгом рассказать. В том же году Вегнер собрал свои письма и дневниковые записи, которые вел в Месопотамии, в книгу, назвав *ее Дорога без возврата*[42]. Многие материалы нашего издания взяты из этой книги.

В Берлине на процессе против Согомона Тейлиряна Вегнеру не разрешили выступить в качестве свидетеля по причине его политических взглядов: его обвиняли в связях с коммунистами. Однако он написал знаменитое предисловие к сборнику документов процесса, опубликованному в том же 1921 году. В конце следующего года, после тяжелых событий, произошедших в Смирне, Вегнер написал воззвание в защиту прав армян под названием *Крик с Арарата*[43]. Оба текста приводятся в настоящей книге.

Во время фашизма он с большим мужеством защищал евреев: лично написал письмо-обращение фюреру, в результате чего был арестован, избит в гестапо и провел пять месяцев в разных концентрационных лагерях. Кроме того, он потерял возможность в течение долгих лет публиковать свои произведения, покинул родину и остаток жизни провел в добровольной ссылке в Италии[44].

Завершение геноцида и кемалисты

Геноцид, достигший своей кульминации в 1915 году, продолжался и после войны. Не удовлетворившись изгнанием почти всего армянского населения из Западной Армении, Киликии и остальной территории Османской империи, сначала младотурки, а затем кемалисты стали нападать и на Восточную Армению, движимые все той же пантюркистской мечтой об объединении народов тюркско-татарского происхождения. Здесь мы лишь кратко упомянем об этих событиях, в той мере, в какой они непосредственно касаются геноцида, а в отношении собственно военно-политических фактов сделаем отсылку к книге, написанной нами ранее[45].

Американский посол Моргентау писал в своих мемуарах, что после высылки армян в 1915 году Талаат сказал ему «Мы уже освободили местность от трех четвертей армян. Надо с ними покончить, иначе нам придется опасаться мести. Мы не хотим больше видеть армян в Анатолии; они могут жить в пустыне, но больше нигде». «La question arménienne n'existe plus» («Армянского вопроса больше не существует»), — сказал опять же Талаат, по свидетельству Лепсиуса, уже 31 августа 1915 года немецкому послу князю Эрнсту Гогенлоге-Лангенбургу.

Тем не менее, примерно год спустя, в июне-июле 1916 года правительство отдало распоряжение руководителям на местах покончить с немногими армянами, еще остававшимися в Турции. И в самом деле, в начале 1917 года правительство считает

проблему армян в Анатолии официально «решенной».

Общее число жертв геноцида только за два года (1915-1916) составило примерно 1 500 000. Так Западная Армения потеряла большую часть своего коренного населения.

Но великие потрясения на международной политической арене делают еще более трагическим положение армян в Турции и в России. Октябрьская революция 1917 года вносит хаос в русские войска, многие из которых отводятся с территорий, оккупированных во время войны. В конце 1917 года советское и младотурецкое правительства заключают перемирие; однако уже через несколько месяцев военные действия возобновляются. Наконец, 3 марта 1918 года центральноевропейские державы (Германия и Австро-Венгрия) и их союзники турки подписывают мирный договор с Советской Россией в Брест-Литовске.

По условиям договора Россия освобождает все территории, отвоеванные у Турции во время войны, а также округа Ардаганский, Карсский и Батумский, отошедшие к Российской империи еще в1877-1878 годах. Договором устанавливалось, что Советская Россия «не будет вмешиваться в новую организацию государственно-правовых и международно-правовых отношений» Ардаганского, Карсского и Батумского округов, и «предоставит населению этих округов установить новый строй в согласии с соседними государствами, в особенности с Турцией». А Германия, Австро-Венгрия и их союзники «намереваются определить будущую судьбу» всех освобожденных от России территорий «по согласованию с их населением».

В действительности, без всякого выявления воли населения Турция попросту захватила все земли, из которых ушли русские. Ситуация для местных армян, избежавших во время войны высылки благодаря присутствию русских, становится критической, и многие из них действительно погибнут от рук младотурок (а затем кемалистов). В Ардагане с марта по май 1918 года младотурки убивают более 9 000 человек; в Караклисе в мае — еще 4 000; в Ахалкалакской области до конца года жертвами турецкого насилия, голода и эпидемий становятся 40 000 человек.

Первая мировая война между тем близится к завершению. После Брест-Литовского мирного договора Турция уже не воюет на кавказском фронте; кажется, должен наступить конец, по крайней мере, страданиям, причиняемым турками армянам России. Но именно под давлением Турции 9/22 апреля 1918 года провозглашается независимая от России Закавказская республика. И тут, пользуясь тем, что Восточная Армения только что отделилась от Советской России и, следовательно, больше не

может рассчитывать на поддержку русских, в мае 1918 года Турция нападает на новое государство. За неделю боев (с 21 по 28 мая) армянскому гражданскому населению и солдатам удается отразить турецкое нашествие у Сардарапата, написав тем самым одну из самых героических страниц своей истории[46].

В середине сентября войска младотурок, но прежде всего местное азербайджанское население, истребляют армянскую общину в Баку, со зверской, неслыханной жестокостью уничтожив от 20 000 до 25 000 человек. Вот что написано в «Меморандуме тифлисских общественных организаций в дипломатические миссии в Закавказье»: «Ужасы при взятии города не поддаются описанию. Разнузданные воинские части и озверевшие банды врывались в дома армян, убивали, насиловали, грабили и уничтожали. Очевидцы рассказывают о таких ужасах, от которых леденеет кровь, рассказывают о ребенке, сосавшем в течение трех дней грудь убитой матери, о грузовике, вывозившем из сиротского приюта беженцев детские трупы, об изнасиловании дочерей на глазах родителей и жен на глазах мужей, которых после этого убивали»[47].

Направив большие силы на Кавказ для захвата Баку, Турция терпит тяжелое поражение от англичан в Палестине и от французов в Македонии. В октябре младотурецкое правительство уходит в отставку, а лидеры младотурок спешно бегут из Стамбула; таким образом, 30 октября 1918 года Турция капитулирует, заключив Мудросское перемирие со странами Антанты. Согласно условиям капитуляции, Турция освобождает Закавказье и Киликию, куда под протекторатом французов возвращается около 150 000 армянских беженцев, выживших в пустыне Сирии или еще находившихся в лагерях — например, в Алеппо. Наряду с французскими войсками в этом районе стоит гарнизоном Восточный Легион, особый корпус армянских добровольцев со всего мира, основанный в 1916 году армянином — известным политическим деятелем из Египта Погосом Нубаром. Так, в Киликии вновь открываются школы и церкви, брошенные в момент массового переселения.

Но конец Османской империи и рождение современной Турции в результате захвата власти движением Мустафы Кемаля (впоследствии его назовут Ататюрком — по-турецки «отец турок») вовсе не улучшают положение армянского населения.

В начале своей политической карьеры, в январе 1919 года, Кемаль на словах резко осуждает зверства, совершенные предыдущим правительством младотурок, но ни разу конкретно

не говорит об убийствах армян. Все так же на словах он гарантирует армянам безопасность в Анатолии. Однако свой первый кабинет он формирует из министров Иттихада, и очень скоро как в его словах, так и в действиях ясно проявится ненависть и к армянам, и к грекам. 23 июля того же 1919 года он публично заявит, что Турция принадлежит только туркам и что армяне и греки не получат ни пяди турецкой земли. С конца года он обосновывается в Анкаре, откуда ему удается навязывать свои решения теперь уже слабому правительству Константинополя, а также султану.

И действительно, массовые убийства армян продолжаются по всей Турции. В 1919 и 1920 годах неоднократные выступления турок ослабляют присутствие французов, занявших Киликию. В 1920 году Франция отказывается от протектората и начинает с большой поспешностью отводить свои войска из Турции. Наконец, в 1921 году, после конференции в Лондоне, пересмотревшей Севрские соглашения, Франция официально возвращает Киликию новой турецкой власти — кемалистам[48].

Уход французов вызывает панику среди армянского населения, и оно начинает массово покидать область. Однако многим армянам не удается избежать насильственной смерти от турок (некоторые историки говорят о 50 000 жертв в 1919-1922 годах, другие полагают, что их было 20 000-22 000). В течение первых двух месяцев 1920 года в городе Марате турки совершают несколько набегов, убивая французских солдат и уничтожая множество армян.

В ночь с 12 на 13 февраля французский гарнизон под прикрытием темноты покидает город, за ним следует несколько тысяч армян. Никто не предупреждает остальное армянское население, и на следующий день турки его истребляют. Погибает 9 000 человек, многие из них сгорают живьем в городской церкви; еще 2 000 убивают при попытке догнать французские войска, иные, избежав турецкого насилия, замерзают или умирают от непосильного напряжения, убегая через горы, где температура воздуха достигает -20°C. В киликийском городе Аджине в один день (15 октября) было убито б 000 человек.

Массовое переселение армян, выживших в Киликии, завершается в 1921 году в последние два месяца года, когда (после договора от 20 октября) становится ясно, что Франция полностью выведет свои войска из Турции, почти 60 000 армян оставляют свои дома и имущество туркам и уходят[49]. Когда в январе 1922 года последние французские солдаты покидают Турцию, там уже почти не остается армян. Турки оскверняют

армянские кладбища, забрасывают камнями бывших учеников французских школ. Некоторые из новых киликийских беженцев укрываются в Сирии, другие от ненависти турок бегут еще дальше: в Соединенные Штаты, Францию и другие страны.

В марте 1920 года турки и азербайджанцы совершают новый ужасный погром в городе Шуши. Шуши был очень важным культурным центром армянской жизни в Карабахе: с XIX века там был свой монастырь, свои церкви, театр, больница, епархиальная школа, выходили книги и журналы на армянском языке. В конце XIX века армяне составляли более 60 процентов населения города. Всего за один день, 22 марта, тюркская ярость разорила тысячи армянских домов, разрушила многие церкви, библиотеки, типографии; ее жертвами стали более 30 000 человек. Так кемалисты повторили в Шуши то, что младотурки содеяли в Баку.

Смирна — древний греческий город, основанный в XI веке до н. э., в котором, по преданию, родился Гомер, — хотя и входила с 1424 года в Османскую империю (и была переименована турками в Измир), еще в начале XX века была более чем наполовину населена греками. В мае 1919 года греческие войска заняли город, а в следующем году по условиям Севрского договора Греции было поручено управление всей областью.

Но греческая оккупация еще больше возбудила экстремистский национализм кемалистов. За один год, с весны 1921 по весну 1922 года, они изгнали греческое население Анатолии, в точности повторив схему геноцида армян. Затем, в сентябре и октябре 1922 года, они устроили в Смирне беспрецедентную резню, истребляя и греков, и армян. Армян сначала арестовывали и грабили, потом кемалисты поджигали армянские кварталы, уничтожая десятки церквей и школ и множество народу. Тысячи людей в ужасе сбегались на волнорезы в порту. С нескольких кораблей, принадлежавших странам Антанты, наблюдали происходящее, но никто не решался вмешаться. Тех, кому каким-то образом удавалось выйти в море, — женщин, детей и стариков — топили турецкие корабли.

Но на этом кошмар не кончился. Позднее американский консул в Смирне Джордж Хортон напишет: «Ататюрк начал новую травлю армян: наполнив железнодорожные вагоны женщинами и детьми, он приказал засыпать их углем, а затем поджечь...»

Трудно сказать точно, сколько армян подверглось зверствам кемалистов во время погрома в Смирне; погибших было около 10 000.

Сожжением армянского квартала в Смирне в октябре 1922

года и массовыми убийствами его населения геноцид был завершен. Кемалисты поставили последнюю точку в решении армянского вопроса, почти полностью избавив себя от присутствия армян.

Число жертв террора последних лет правления младотурок и начала власти кемалистов не установлено. Суммируя имеющиеся в распоряжении достоверные данные, можно убедиться, что к жертвам геноцида и войны добавилось еще 400 000 армян, которые были убиты турками или умерли от голода и лишений в период с 1918 по 1922 год в Киликии, во всей Турции и в Армении.

Итоги геноцида и его виновники [50]

События 1915 года, ответственность за которые несут младотурки, стали логическим развитием предыдущих фактов насилия и кульминацией всего процесса геноцида, начатого еще Абдул-Гамидом и доведенного до конца кемалистами[51].

Почти за пять десятилетий на рубеже XIX и XX веков жертвами геноцида армян, осуществленного турками с 1876 по 1923 годы с пиками в 1894-1896, 1909 и 1915-1922 годах, стало более двух миллионов человек. Все они погибли во время депортации от голода, жажды и эпидемий, умерли в пустынях Сирии и Месопотамии или были жестоко убиты безумными в своей смертельной ненависти приспешниками Абдул-Гамида II, младотурками и кемалистами, их наемными убийцами, фанатиками-фундаменталистами и разъяренной толпой.

Сегодня в Турции, если не считать Стамбула, где есть армянская община, насчитывающая от 50 000 до 60 000 человек, уже практически не осталось армян. Армяне, пережившие геноцид, присоединились к общинам диаспоры, находившимся на Ближнем Востоке, а затем многие из них эмигрировали во Францию, Соединенные Штаты, Канаду, Австралию, СССР... Так диаспора, которая с древности была постоянным явлением армянской истории, после Величайшего Злодеяния приобрела неслыханные размеры. Действительно, со времени геноцида и потери территорий Западной Армении (1920) армянский народ оказался приговоренным в своем подавляющем большинстве жить вне исторической родины, быть рассеянным по всему миру.

Политическая ответственность турецкого государства за преступление геноцида против своих же подданных установлена Парижской мирной конференцией в 1920 году. Эта ответственность в первую очередь лежит, разумеется, на тех, кто замыслил и организовал геноцид, а это были члены триумвирата

младотурок (Талаат, Джемаль[52] и Энвер) и Мустафа Кемаль, а до войны - Абдул-Гамид II.

Трудно установить, в какой мере депортация и массовые убийства 1915 года —безусловно, задуманные заранее — были ускорены конкретными обстоятельствами, такими как неудачи турецких войск в начале войны или восстание армян в Ване. Турки систематически уничтожали компрометирующие их документы. И все же, принимая во внимание техническую отсталость Турции того времени, быстрота, с которой властям удалось депортировать около половины армян империи, заставляет думать, что в 1915 году был приведен в исполнение предварительно согласованный и детально разработанный план[53].

Если говорить об уголовной ответственности физических лиц, то основную ответственность за депортацию несет Талаат-паша. Он лично и под строгим секретом принимал решения относительно армянского вопроса; их исполнение поручалось затем Специальной организации, возглавляемой врачами Назымом и Бехаэддином Шакиром. Официально обнародованные распоряжения правительства часто опровергались секретными приказами, которые отдавал лично Талаат. Бывший почтовый служащий, Талаат имел дома телеграфный аппарат. Официально он приказывал карать виновных в насилии против армян во время «переселения», успокаивая таким образом союзников-немцев и дипломатов, и одновременно из дома посылал шифрованные телеграммы с противоположным содержанием. Частные распоряжения он передавал не только по телеграфу, но и через партийных работников: они показывали губернаторам письменные решения министра внутренних дел, ставшего к концу войны великим визиром, а затем документ уничтожали; иногда приказы передавались только устно.

Кроме турецких властей и их подчиненных, которые часто не только выполняли приказы, но и проявляли излишнее усердие, позволяя себе всякого рода крайности, виновно было, к сожалению, и невежественное население, манипулируемое политическими лидерами, ослепленное фанатизмом, в том числе религиозным.

В отличие от геноцида евреев, проводимого Гитлером и нацистским режимом, в геноциде армян принимало активное участие гражданское население. Руководителям государства помогала исполнять их план толпа, которая завладевала имуществом депортированных и убитых армян.

Неприятие и нетерпимость к представителям этнических

меньшинств, обычно более богатым и просвещенным, чем турецкое население, намеренно подстрекались и использовались идеологами пантюркизма. Затем был объявлен джихад, что создало атмосферу «охоты на армян», в процессе которой было дозволено все: красть, поджигать, насиловать, пытать, калечить, убивать...

Нужно, однако, сказать, что в отдельных случаях турецкие губернаторы и руководители областных администраций отказывались подчиняться приказам об истреблении армян, особенно неофициальным и устным, хотя прекрасно знали, что они так или иначе исходят от Талаата. Министерство внутренних дел, разумеется, увольняло их, а партия и Специальная организация угрожали им и даже посягали на их жизнь[54].

К самым известным случаям «гражданского неповиновения» (по крайней мере частичного) государственных служащих следует отнести действия турок Найма Сефа Бея и Али Суад Бея. Наим Сефа был последним секретарем генерального депортационного комитета Алеппо и начальником концентрационного лагеря в Мескене. Отчасти из жалости и отчасти из корысти он помог бежать нескольким армянским семьям, не подчинился некоторым приказам о депортации и отказался убивать армянских священников. После прибытия в Алеппо англичан и отхода турок он передал армянскому журналисту Араму Антоняну, которому прежде помог избежать депортации, официальные документы правительства, содержащие приказы об уничтожении армян. Эти документы ему надлежало уничтожить; Антонян же впоследствии их опубликовал[55]. Спасаясь затем от арабов, которые хотели взять его в плен, Наим Сефа нашел убежище именно у армян: из благодарности за помощь, оказанную армянам, его укрыла богатая семья Мазлумянов, владельцев известного отеля «Барон» в Алеппо (бывшего долгие десятилетия местом отдыха «сливок» Османской империи), а также отеля «Виктория» в Бейруте[56].

Али Суад был губернатором области Дейр-эл-Зор, где находилось несколько лагерей смерти. Он защищал депортированных от набегов арабских разбойников и не подчинялся однозначным приказам своего руководства об их отправке в пустыню, давая им возможность строить себе жилища и торговать. Он дал работу множеству армян и превратил свой дом в приют для армянских детей. Таким образом он заслужил славу «доброго губернатора», и его даже называли «армянским патриархом». Во время его правления многие депортированные армяне, собравшиеся в окрестностях Дейр-эл-Зора, образовали относительно «процветающую» (если здесь применимо это слово) общину, настоящий город с армянским руководством и

начальством. Однако это оказалось фатальным для депортированных: когда в июле 1916 года Али Суад был отстранен от должности (и, как говорят, убит), по приказу его преемника банды арабов и чеченцев, набранные специально по этому случаю, в кратчайшие сроки и с величайшей жестокостью истребили около 200 000 армян.

Помимо этих случаев неисполнения приказов государственными служащими, занимавшими достаточно высокие посты, бывало, что и простые граждане, турки и курды, в период депортаций укрывали армян[57]. И это тем более достойно похвалы, поскольку правительство грозило суровыми мерами наказания всем, кто помогает армянам, защищает их или прячет. Известны случаи, когда армянские женщины перед депортацией поручали своих детей дружелюбно настроенным турецким семьям.

Важно, что и свидетель геноцида Армин Вегнер не обвинял в жестокости турок как народ. В письме к президенту Вудро Вильсону он писал: «Я не обвиняю простой народ этой страны, чья душа глубоко честна; но я думаю, что каста властителей, направляющая его, никогда за всю историю не будет способна сделать его счастливым». Вегнер покинул Турцию в декабре 1916 года и уже не увидел, что радикальная смена «касты властителей» Турции, — то есть приход к власти Мустафы Кемаля — к сожалению, не только не решила национальный вопрос армян, греков и других меньшинств, но и не облегчила условия жизни самих турок. Напротив, кемалисты с еще большим размахом манипулировали чувствами толпы и с не менее трагическими последствиями, чем во времена младотурок.

В значительной мере причиной преследований, которым подвергались армяне в ходе их долгой истории, начиная с битвы при Аварайре, была, безусловно, их христианская вера. Именно поэтому некоторые полагают, что Мец Егерн — это столкновение между исламом и христианством. В действительности ни «кровавый» Абдул-Гамид II, ни неверующие младотурки, ни, конечно же, Мустафа Кемаль, считавший ислам «гирей на ноге турецкого народа», не руководствовались в своих действиях религиозными мотивами.

Само провозглашение джихада в начале войны было обращено не против армян, а против внешних врагов Османской империи, христиан: русских, французов и англичан. Но эти последние находились на фронтах или на оккупированных территориях, а единственные иностранцы-христиане, присутствовавшие в тот момент в империи, были немцы, союзники правительства. Поэтому от джихада пострадали те

христиане, которые были подданными султана, и в первую очередь сильная и внушающая подозрения община армян, разделенная между двумя враждующими империями.

Однако, если геноцид и не был непосредственно вызван религиозными причинами, приверженность армян к христианской вере фактически определяла их судьбу: тех армян, которые согласились принять ислам, действительно пощадили. В современной Турции есть граждане, которые узнали о своем армянском происхождении уже будучи взрослыми: в годы преследований их родственники стали мусульманами, чтобы спасти свои жизни. Геноциду также не подвергались и малочисленные общины давно исламизированных этнических армян, которые существуют в Турции по сей день[58].

Религиозная мотивировка была для турецких властей скорее лишь прикрытием для осуществления геноцида. Младотурки и кемалисты умело использовали религиозный фанатизм и ненависть темного народа против *гяуров,* то есть «неверных» армян.

Во всяком случае армян, бежавших из Турции, хорошо принимали практически во всех исламских государствах Ближнего Востока. Армянские беженцы, гостеприимно и великодушно встреченные арабами, стали жить в совершенном согласии с ними как полноправные граждане этих новых государств[59]. Мусульманские духовные лидеры арабских стран открыто осудили действия Турции в 1915 году как абсолютно несовместимые с исламской этикой.

Немаловажным является вопрос об ответственности великих держав за события, произошедшие в Турции за весь период геноцида. В действительности вина за страшные преступления лежит отчасти и на союзниках трех сменивших друг друга правительств Турции: на Великобритании за истребление армян в конце XIX века, на Германии и Австро-Венгрии за массовые убийства, совершенные младотурками[60], на большевистской России за кровопролития, устроенные младотурками (в Карсе в 1918 году), и кемалистами (в Карсе же в 1920 году и в Киликии и Смирне в 1921-1922 годах). Великобритания, Франция, Италия и Соединенные Штаты, несомненно, несут ответственность за свою политику попустительства по отношению к кемалистам, которая проявилась и в отказе от Севрского договора.

Мировые державы, не союзные Турции, с одной стороны, неоднократно выражали протест турецким властям. С другой стороны, они не предприняли никаких серьезных мер для того, чтобы вынудить Турцию провести реформы или прекратить убийства. Не следует забывать о том, что условия крайней

бедности, в которых находилась Османская империя в годы своего заката, ее экономическая зависимость от разных европейских стран делали вполне возможным оказание на нее политического давления.

И, наконец, как страны Антанты, так и другие державы, а также международные организации предпочли «умыть руки», отстраниться от армянского вопроса. В XX веке на развалинах Османской империи возникло несколько независимых арабских государств. Их становление означало для Турции огромный стратегический и экономический урон. Но Турция с рождением Армении понесла бы более серьезную потерю. Прежде всего потому, что значительная часть территории Анатолии перешла бы к независимому армянскому государству. Кроме того, это государство в силу своего географического положения разрушило бы всякую мечту о пантюркизме, что в действительности и произошло, когда появилась советская Армения.

Но европейские державы, приложившие много усилий к созданию арабских государств на землях, которыми одно время владела Турция, не сделали абсолютно ничего ради основания независимой Армении. Дело в том, что поступить справедливо с армянами, предоставив им территорию, на которой они жили тысячелетиями, то есть создать единое государство из Западной и Восточной (советской) Армении, означало бы, кроме всего прочего, еще и выступить против Советской России. К тому же державы Антанты опасались, что в случае образования нового армянского государства оно подпадет под влияние сильного соседа, что в конце концов приведет к приращению советской территории. Со своей стороны большевики, оставляя кемалистскому правительству Западную Армению, стремились обеспечить себе союз с новой Турцией против Запада.

Вот почему в течение всего XX столетия армяне видят, как на всех континентах рождаются новые государства, но никто из власть имущих не хочет серьезно заниматься армянским вопросом.

Церковь и геноцид

В трудные годы геноцида Церковь была вместе с народом и разделяла с ним его судьбу. 24 апреля 1915 года вместе с интеллигенцией Константинополя были арестованы и многие духовные лица. Впоследствии, до начала депортаций, по всей Анатолии были повешены сотни священников. Как мы уже говорили, очень часто мерзости, совершаемые турками и курдами в армянских городах и селениях, сопровождались осквернением,

поджогом и разрушением церквей. Разумеется, была также экспроприирована собственность Церкви, разграблены ризницы, изъята утварь, уничтожены бесценные рукописи, церковные типографии, школы, издательства, приюты, больницы...

Во время депортаций духовенство было почти полностью уничтожено. Но присутствие священников в караванах депортируемых, в распределительных лагерях и в пустынях, подтвержденное многими свидетелями, имело для людей огромное духовное значение. Часто священники могли только хоронить погибших, но депортированные чувствовали, что мать-Церковь поддерживает их в страдании и сопровождает на этом последнем пути.

Армин Вегнер в одном из своих писем писал: «Ближе к вечеру я сел с одним священником — отцом Арсланом Дадшадом у входа в его палатку и попросил его рассказать о перенесенных страданиях, о восьмистах семьях, вместе с которыми он был депортирован, о тысячах людей, похороненных им в пустыне, среди которых было 23 священника и один епископ. Их глаза кричат мне: "Ты немец и союзник турок... Значит, правда, что и вы этого хотели!" Я опускаю взгляд. Как мне ответить на их обвинения? Священник вынимает из кармана маленькое распятие, завернутое в тряпку, и благоговейно целует его, и я не могу удержаться, чтобы тоже не поднести к губам этот крест, ставший свидетелем такой боли и стольких человеческих страданий».

В 1918 году несколько священников сопровождали армянских добровольцев Восточного Легиона, который после войны прибыл в Киликию с французами. Им тоже предстояло покинуть территорию в момент эвакуации французских войск.

В 1909 году, после Малахии Орманяна, Армянским Константинопольским Патриархом становится Егише Дурян (1860-1930), филолог и брат поэта Петроса Дуряна. очень энергичный человек, в прошлом епископ Смирны (1904-1908). В 1911 году он оставил кафедру и в течение десяти лет работал учителем в разных армянских школах города. В 1921 году его выбрали Патриархом в Иерусалиме, где он до самой своей смерти (1930) был духовным ориентиром для всей Армянской Церкви в период, когда ее престолы в Константинополе и Эчмиадзине переживали глубокий кризис.

После ухода Патриарха Дуряна и до 1915 года еще два Патриарха занимали кафедру в Константинополе. В 1915 году была отменена армянская Национальная Конституция, а годом позднее турецкое правительство упраздняет Армянский Константинопольский Патриархат и Сисский Католикосат и дает

Армянскому Иерусалимскому Патриарху титул «Католикос Всех Армян Турции», разрешая в Константинополе лишь присутствие одного только викарного епископа. Затем, в 1919 году, по окончании периода смятения, армянский Патриархат возобновил свою деятельность во время оккупации Стамбула странами Антанты; в дальнейшем его право на существование будет оговорено в статьях Лозаннского договора, касающихся прав национальных меньшинств в Турции.

Несмотря на то, что во второй половине XIX века с принятием армянской Национальной Конституции светская власть Армянского Константинопольского Патриарха была сильно ослаблена, до 1915 года в его ведении еще находились целый *миллет* (то есть армянская община всей Турции) и общины Балкан, в целом около пятидесяти епархий и столько же епископов. Сотни церквей, монастырей и, в особенности, большое число армянских школ подчинялись непосредственно Патриарху.

Сегодня армянский Патриархат в Стамбуле сохраняет моральный авторитет, считаясь четвертым престолом после двух Католикосатов и Патриархата в Иерусалиме; однако он стал самым бедным Патриаршим престолом во всей Церкви. Ему доверено духовное окормление армян Турции и Крита. Число приходов невелико, нет своей семинарии, но есть много армянских школ. Турецкое правительство усиленно ограничивает всякую деятельность армянского Патриархата, как, впрочем, и всякой другой христианской общины: чинит серьезные бюрократические препятствия при реставрации церковных зданий, получении наследств и пожертвований, запрещает любые публичные религиозные манифестации, закрывает церкви в провинции, превращая их в мечети или разрушая. Закон предписывает, чтобы Патриарх был гражданином Турции. Сегодня с Патриархом сотрудничают всего два епископа и меньше тридцати священников. Армянская община Стамбула по традиции тесно связана с Церковью и имеет, наряду с Алеппской общиной, самый высокий процент верующих, которые ведут регулярную церковную жизнь. Однако около 70 процентов армян в Турции уже не знают языка своих отцов; кроме того, община уменьшается по причине эмиграции.

Католикосат Сиса также прошел через потрясения во время геноцида. После ухода французских войск из Киликии в 1922 году он недолго находился в Сирии, затем в 1930 году обосновался в городе Антелиасе на окраине Бейрута, в Ливане. Патриархат Иерусалима уступил ему юрисдикцию над Ливаном и Сирией, затем к ним добавился Кипр. Только позднее в его

юрисдикцию войдут также общины Греции, Ирана, Кувейта, две американские епархии и одна канадская.

В сумятице, вызванной геноцидом, исчезает католикосат Ахтамара, который, впрочем, уже давно пришел в упадок.

От геноцида пострадали также армянские католики и протестанты. Они потеряли тысячи верующих и сотни священников. Только немногим протестантам удалось избежать гибели благодаря вмешательству американского посольства; посольства других стран и апостольский нунций спасли нескольких католиков: до войны это делали в основном французы, а затем — австро-венгры.

Папа Бенедикт XV, который с самого начала сурово осуждал Первую мировую войну, дважды (в 1915 и 1918 годах) лично писал султану Магомету V о том, что он в ужасе от услышанных им рассказов об истреблении армян, и просил его вмешаться. 6 декабря 1915 года во время публичного выступления Папа перед всем миром осудил уничтожение армян, а в августе 1917 года направил ноту воюющим сторонам, говоря о необходимости положить конец войне и о создании независимой Армении как одном из неотъемлемых условий достижения мира[61].

По возвращении из ссылки Патриарх Константинопольский Завен в апреле 1919 года написал Бенедикту XV письмо, в котором благодарил его за эти выступления[62]. Многие протестанты в Америке и Европе осуждали резню, взывая к международной общественности и оказывая сильное давление на правительства своих стран[63]. Говоря о солидарности и сострадании различных Церквей по отношению к пострадавшим, нужно отметить тот факт, что Папа Римский приютил в своей летней резиденции в Кастельгандольфо тысячи армянских девочек-сирот, а несколько протестантских общин самоотверженно трудились в лагерях армянских беженцев, оказывая несчастным посильную помощь[64].

Огромное участие в судьбе выживших армян, рассеянных по всему миру, принял крупный норвежский натуралист и исследователь Фритьоф Нансен. Прославившись благодаря своим исследованиям Северного полюса, он посвятил себя дипломатической деятельности. Назначенный Лигой Наций главным уполномоченным по организации репатриации военнопленных всех национальностей, он в 1920-1921 годах сумел вернуть на родину сотни тысяч людей. Он занимался и беженцами: учредил паспорт для лиц без гражданства, так называемый «паспорт Нансена». Им воспользовались, в числе

других беженцев, тысячи армян в первый период своей жизни в диаспоре. Во время страшного голода в России Нансен возглавлял международную организацию по оказанию помощи голодающим и спас от смерти миллионы людей.

В последние годы жизни, желая вывести великие державы из состояния безразличия к судьбе армян, он написал книгу в защиту армянского вопроса, ставшую впоследствии знаменитой[65]. Затем он пытался от имени Лиги Наций организовать работы по повышению урожайности некоторых засушливых районов Армении. С целью исследовать на месте возможность искусственного орошения, а также изучить вопрос об устройстве армянских беженцев, Нансен во главе специальной комиссии в 1925 году поехал в Армению[66]; но проект был блокирован самим Советом Лиги. Так или иначе, в 1928 и 1929 годах Нансен добился репатриации нескольких десятков тысяч армянских беженцев.

В 1922 году он получил Нобелевскую премию Мира за то, что «при полной политической независимости ему удалось превратить любовь к ближнему в самую действенную в мире силу».

Признание факта геноцида и армянский терроризм во второй половине XX века

Со строго юридической точки зрения действия Турции по отношению к армянам в1876-1923 годах соответствуют тому, что международное право определяет как геноцид[67]. Условия конвенции ООН от декабря 1948 года «О предотвращении преступлений геноцида и наказании за них» в точности применимы к совокупности преступлений, насильственных действий, депортаций и массовых убийств, запланированных и осуществленных тремя различными правительствами конца Османской империи[68].

Как мы уже говорили, факт геноцида армян был признан; политическая ответственность турецкого государства и уголовная ответственность физических лиц были установлены Парижской мирной конференцией в 1920 году.

И все же, в течение почти всего XX века большинство современных государств хранило молчание и демонстрировало почти полное безразличие по отношению к геноциду армян. И это несмотря на в основном единодушную оценку событий, данную в тот период дипломатами разных стран (в том числе немцами, союзниками турок)[69]; несмотря на то, что некоторые государства встали на сторону армян уже в ходе геноцида;

несмотря даже на то, что русское, английское и французское правительства уже 24 мая 1915 года выпустили совместную декларацию (о которой мы уже упоминали), заявив, что эти факты являются «преступлением против человечества и цивилизации» и что «союзные правительства... возлагают личную ответственность за эти преступления на всех членов турецкого правительства, а также на тех его местных представителей, которые окажутся причастными к подобной резне».

Армяне, особенно принадлежащие к диаспоре, делали все возможное для того, чтобы страны мира признали факт геноцида. Ощущение разочарования и безнадежности при виде полного отсутствия интереса великих держав и международных организаций к проблеме признания геноцида и возмещения ущерба за одну из самых больших несправедливостей XX века мучило не одно поколение армян. Внуки выживших в пустыне испытывали попеременно то горечь обманутых ожиданий, то ярость перед лицом всеобщего безразличия к проблеме геноцида.

В начале 70-х годов Ливан вступает в полосу кризиса, который за несколько лет перерастает в гражданскую войну. Эта война будет продолжаться очень долго. И именно в лоне многочисленной армянской общины Ливана, вдвойне подавленной как чувством разочарования по причине равнодушия мира к армянскому вопросу, так и кризисом в Ливане, зарождается армянский терроризм. Искрой, положившей начало этому явлению, стала в 1975 году шестидесятая годовщина самых ужасных событий геноцида; несколько армян решили сами восстановить справедливость.

Еще до этого, 23 января 1973 года, в Лос-Анджелесе старый армянин Гурген Яникян, переживший геноцид, убивает генерального консула Турции Мехмеда Байдара и вице-консула Бехадыра Демира. Он был первый, кто прибег к насилию против турецких государственных служащих, решив таким способом напомнить миру, что был армянский геноцид, о котором слишком долго молчали.

Начиная с 1975 года формируются две террористические организации. Одна из них называется «Мстители за геноцид армян»: это вооруженная рука партии Дашнакцутюн, которая организовывает покушения на турецких дипломатов за границей и, как правило, не посягает на чьи-либо жизни помимо них. Вторая — «Армянская секретная армия освобождения», сокращенно АСАЛА (от англ. ASALA, *Armenian Secret Army for the Liberation of Armenia)* — набирает своих членов из армянской молодежи Бейрута, связана с Организацией Освобождения

Палестины и устраивает покушения в Турции и за рубежом на представителей различных турецких обществ и частных лиц[70].

Террористические акты этих двух организаций совершаются в 70-е и в начале 80-х годов в разных городах мира: в Вене, Париже, Бейруте, Цюрихе, Риме, Афинах, Брюсселе, Лондоне, Мадриде, Женеве, Франкфурте, Гааге, Милане, Амстердаме, Берне, Марселе, Лионе, Лос-Анджелесе, Нью-Йорке, Страсбурге, Сиднее, Копенгагене, Тегеране, Лозанне, Оттаве, Дортмунде, Бостоне, Лиссабоне, Роттердаме, Люксембурге и даже в Восточной Европе (в Болгарии, Югославии) и в самой Турции (в Стамбуле, Анкаре, Измире, Сасуне); среди наиболее нашумевших акций — взятие турецких дипломатических представительств, заграничных филиалов турецких банков и турецкой авиакомпании. Эти действия неожиданно обращают внимание мира к армянскому вопросу и в целом вызывают изумление и интерес: до этого времени о геноциде армян фактически ничего не было известно широкой общественности многих стран.

С другой стороны, некоторые покушения, организованные АСАЛА, порождают во многих местах в мире общее недовольство, направленное против армян. Так происходит при покушении в Орли в июле 1983 года. По причине терроризма внутри армянских общин диаспоры возникают серьезные разногласия. Кроме этого, со временем покушения дают турецкому государству возможность предстать перед общественным мнением в роли жертвы. Впрочем, на этом армянский терроризм прекращается.

Армянская Церковь ясно выражает свое отношение к террористическим действиям. В 1984 году Всемирный Совет Церквей заявляет: «Армянская Церковь, в соответствии с той ролью, которую она играет в общинах армян во всем мире, естественным образом является выразителем и проводником протеста армян в связи с геноцидом 1915 года и их призыва к справедливости. Она неоднократно высказывала свое неодобрение по поводу действий армянских террористических групп. В то же время она пыталась привлечь внимание общественного мнения к тому факту, что эти действия являются печальным последствием непрекращающейся трагедии народа, которому отказано в самой элементарной справедливости — в признании того факта, что против него было совершено чудовищное преступление».

Армянский терроризм 1975-1983 годов, безусловно, вновь привлек внимание широкой общественности к армянскому вопросу. Однако первое авторитетное признание геноцида после этих событий исходит от церковных кругов и в гораздо большей

степени является результатом усилий Армянской Церкви, чем эмоционального воздействия террористических актов. В августе 1983 года Всемирный Совет Церквей в Ванкувере просит международные инстанции признать факт геноцида армян. Именно летом 1983 года заканчивается мандат (1975-1983) вице-президента центрального комитета Всемирного Совета Церквей Гарегина II, католикоса Киликийского, который впоследствии станет Католикосом Всех Армян под именем Гарегина I. Деятельность католикоса Гарегина и обоих престолов Армянской Церкви вместе с усилиями дипломатов диаспоры, привела к тому, что в 80-е и 90-е годы удалось добиться признания геноцида многими странами и международными организациями.

«Постоянный трибунал народов», заседавший в Сорбонне (Париж) 13-16 апреля 1984 года, официально объявил, что армяне стали жертвой геноцида со стороны турок во время Первой мировой войны. Резолюция трибунала гласит: «Истребление армянского населения, включающее в себя депортацию и массовые убийства, безусловно является преступлением геноцида в соответствии с конвенцией от 9 декабря 1948 года "О предупреждении преступления геноцида и наказании за него". Правительство младотурок виновно в этом геноциде по фактам, имевшим место с 1915 по 1917 годы. Геноцид армян - это "международное преступление", за которое турецкое государство должно принять на себя ответственность, не уклоняясь от нее под тем предлогом, что существование этого государства не было непрерывным»[71].

2 июля 1985 года специальный докладчик «Подкомиссии ООН по предупреждению дискриминации и защите меньшинств» господин Б. Уайтэкер квалифицировал события, произошедшие в Турции в 1915 году, как геноцид; 18 июня 1987 года Европейский парламент в Страсбурге также признает факт геноцида и потребует от Турции его признания в качестве условия ее вхождения в Европейское Сообщество[72].

Сегодня некоторые страны мира и международные организации официально признали и осудили факт геноцида армян. Это Уругвай, Канада, Кипр, Европейский парламент, Аргентина, Россия, Греция, Ливан, Бельгия, Франция, Швейцария и 36 штатов США[73]. Признание геноцида этими странами и институтами имело место в основном в двух последних десятилетиях XX века.

Заявлением Государственной Думы от 14 апреля 1995 года Российская Федерация признала геноцид — лишь по прошествии восьмидесяти лет после его самых страшных событий. Последними из европейских стран, осудивших геноцид, стали

Франция и Швейцария. Французский парламент 29 января 2001 года единогласно принял закон, открыто обвиняющий турок в геноциде против армянского народа; в ответ Анкара немедленно отозвала турецкого посла из Парижа, и в течение нескольких месяцев отношения между двумя странами оставались напряженными. 16 декабря 2003 года швейцарский парламент принял резолюцию, признав геноцид армян; турецкое правительство и на этот раз стало угрожать применением дипломатических и экономических санкций.

Политика отрицания со стороны Турции

Современная Турция так и не признаёт ни факта геноцида, ни отдельных случаев массовых убийств. После падения Османской империи, а затем и роспуска правительства младотурок многие из них бежали в Германию, а некоторые впоследствии нашли убежище в России. С февраля 1919-го по январь 1920 года в Константинополе под настоятельным давлением великих держав правительством Османской империи были организованы процессы по делам о массовых убийствах армян. 6 июля 1919 года суд приговорил к смертной казни «за вовлечение Турции в мировую войну и организацию массовой депортации и избиения армян» министра внутренних дел Талаата, военного министра Энвера, министра военно-морского флота Джемаля и министра просвещения, генерального секретаря партии младотурок доктора Назыма[74].

Хотя на процессах виновники были формально осуждены, целью судов было прежде всего оправдание турецкого государства и народа в целом. Так или иначе, большинство осужденных — члены правительства и военные — уже пребывало за границей. Турция потребовала у Германии их выдачи, но получила отказ. В конце концов, очень скоро новые руководители государства — кемалисты аннулировали все вердикты. Из виновников геноцида только врач Назым, один из его идеологов, был повешен турецкими властями; но он был казнен отнюдь не по причине участия в геноциде армян, а за попытку покушения на Мустафу Кемаля.

И все же главные виновники преступлений не избежали казни. В начале 20-х годов партия Дашнакцутюн сформировала организацию армянских карателей под названием «Немезис», члены которой убили Талаата в Берлине 15 марта 1921 года, Джемаля-пашу — в Тифлисе 25 июля 1922 года, создателя Специальной организации Бехаэддина Шакира — в Берлине 17 апреля 1922, а также ответственных за кровопролитие в

Трапезунде, за погромы в Баку и Шуши. За короткое время было убито и несколько других лидеров Иттихада.

Процесс по делу Согомона Тейлиряна, казнившего Талаата и арестованного на месте преступления, проходил в Берлине в июне 1921 года. В соответствии с уголовным кодексом Германии того времени Тейлиряна, совершившего намеренное убийство, следовало приговорить к высшей мере наказания. К тому же жертвой был живший в изгнании бывший глава правительства союзной с Германией страны, что еще более отягчало вину обвиняемого. Однако прозвучавшие на процессе показания выживших жертв и свидетелей геноцида, (в их числе был пастор Иоганнес Лепсиус) так потрясли присутствовавших, что суд полностью оправдал Тейлиряна. Таким образом, «потерпевшая сторона» и обвиняемый поменялись местами, и процесс против Тейлиряна превратился в процесс против Талаата. Впервые перед лицом мировой общественности была дана подлинная оценка действиям младотурок.

Тема геноцида армян все еще фактически является табу в нынешней Турции. Его историческая подлинность обычно отрицается, несмотря на большое количество неопровержимых доказательств, опубликованных во всем мире. Документы тех времен (телеграммы турецкого правительства с приказами об экзекуциях и депортации), которые были тщательно изучены и признаны достоверными во всем мире, объявлены фальшивыми. Фотографии открытых ям со сваленными в них человеческими телами объясняются тем, что это якобы турки, ставшие жертвами армянского насилия[75].

Официально признается только вынужденная временная депортация армян в 1915 году, которая объясняется так: поскольку шла война и наступала русская армия, армян пришлось переселить, чтобы помешать им оказать поддержку противнику. Таким образом, ответственность за решение «досадного армянского вопроса» (по выражению турецкого делегата на Лозаннской конференции Исмета Иненю), то есть за «переселение», которое турецкое правительство «было вынуждено организовать», в конечном счете перекладывается на русских, якобы намеревавшихся использовать армян как своих агентов. Такова по сей день официальная версия турецкого правительства.

Ложность такой интерпретации фактов бросается в глаза, даже если просто обратить внимание на хронологию геноцида. Прежде всего, ясно, что он начался уже во второй половине XIX века и в течение всей своей первой фазы (1876-1914) развивался в мирное время (за исключением 1877-1878 годов), задолго до

первых предвестников мировой войны. Как методически организованная акция, геноцид в 1915 году вошел в новую фазу, которая началась с депортации армян из Зейтуна и арестов армянской интеллигенции в Стамбуле: это были две армянские общины, которые находились очень далеко от русского фронта и не имели тесных связей с Россией.

К тому же в рамках всеобщей мобилизации постепенно все армянские мужчины в возрасте от 18 до 60 лет были призваны в османскую армию. Как мы видели, уже в начале войны они были обезоружены, их использовали в рабочих отрядах и в конце концов уничтожили. Так что армянские общины, которые турецкое правительство депортировало якобы по соображениям военной безопасности — чтобы они не присоединились к противнику, — в действительности состояли почти исключительно из женщин, стариков и детей.

Об этом свидетельствуют даже официальные лица (дипломаты и военные) из числа немецких союзников. «В отсутствие мужского населения — почти все они были призваны в армию — как женщины и дети могут служить угрозой?» — пишет в рапорте своему правительству уже в июле 1915 года немецкий консул в Алеппо. А вот что сообщает своему германскому военному начальству немецкий полковник Станге, командующий подразделением Специальной организации: «За исключением незначительной части, все здоровые армянские мужчины были призваны в армию. Поэтому не могло быть никакой особой причины опасаться действительного *(подчеркнуто в оригинале. — Дж. Г.)* восстания».

Наконец, отстаиваемый турецкими властями аргумент о «временном переселении» довольно плохо сообразуется с конфискацией имущества армян, осуществленной ими после депортации. Кроме всего прочего, решение о возвращении депортированных так никогда и не было принято — «временное переселение» с самого начала было задумано как окончательное и безвозвратное…

В действительности турецкие власти воспользовались войной для исполнения задуманного ранее и хорошо организованного плана: они хотели избавиться от армян, чтобы осуществить пантюркистскую мечту об объединении всех тюркских народов в одно моноэтническое и моноконфессиональное государство. Доказательством может служить тот факт, что истребление армян началось еще до войны и продолжалось долгое время после окончания конфликта. Политика турок в течение всего этого периода и после него была вполне последовательной: они

стремились подавить одно за другим этнические меньшинства — армян, греков, болгар, курдов.

Отрицание действительности и историческая память

Турки не ограничиваются отрицанием факта геноцида — они хотели бы стереть саму память об армянах в современной Турции. Так, турецкое государство субсидирует исторические исследования (как турецких авторов, так и подставных лиц на Западе), направленные на отрицание геноцида. Но при этом оно претендует на большее — пытается переписать историю, сведя к минимуму историческое присутствие армян в Анатолии. Например, турецкие гиды, проводящие экскурсии по городу Ани (столице средневековой Армении, которая всего 19 лет была оккупирована Византией перед тем, как ее завоевали сельджуки), представляют его как греческий город, ставший турецким...

Армяне не одно тысячелетие жили на территориях, которые османы стали завоевывать начиная с XVI века. Защитники права турок на завоевание этих изначально армянских земель доходят до немыслимых фантазий, утверждая, будто турки произошли от хеттов. С турецких географических карт исчезают такие топонимы, как «Армянское нагорье», и заменяются такими названиями, как «Восточная Анатолия»...

За стремлением турок отрицать все и вся стоят прежде всего опасения, что мировое общественное мнение может потребовать от Турции возмещения материального ущерба или возвращения Армении территорий. Действительно, согласно конвенции ООН «О неприменимости срока давности к военным преступлениям и преступлениям против человечности» (от 26 ноября 1968 года), геноцид является преступлением, срок ответственности за которое не истекает, сколько бы ни прошло времени с момента произошедших событий. В частности, в том, что касается уголовной ответственности физических лиц, совершивших это преступление, даже в случае их смерти вопрос об их ответственности остается в силе. Кроме того, смерть виновников геноцида не лишает его жертвы и их потомков права на возмещение ущерба; такое право незыблемо. Однако турецкое правительство в 1927 году приняло закон, запрещающий въезд в Турцию армянам, выжившим после депортации, и с тех пор всегда официально отказывало пережившим геноцид и их потомкам в праве вернуться на свои земли и вновь вступить во владение своим имуществом или получить соответствующую компенсацию[76].

В любом случае, основной принцип права заключается в том, что преступление продолжается до тех пор, пока продолжаются его последствия. С такой точки зрения, как полагают некоторые специалисты в области права, преступление, совершенное с 1876 по 1923 годы, будет продолжаться, пока армянские земли будут оставаться оккупированными, а имущество тех, кто их населял, присвоенным[77]. Так геноцид продолжает совершаться на психологическом, нравственном и культурном уровнях как покушение на саму самобытность народа. «Парадоксальным образом существование выживших людей делает положение в определенном смысле еще более трагическим, поскольку геноцид продолжает или может продолжать воздействовать на человека как постоянно кровоточащая рана в коллективной памяти жертв. Продолжение геноцида — проблема, которая касается не только непосредственно выживших людей и их детей (второго поколения выживших), но зачастую оказывает весьма реальное и сильное влияние на последующие поколения, пока трагедия продолжает жить в их коллективной памяти»[78].

Признание Турцией геноцида повлекло бы за собой пересмотр отношения к трем турецким режимам: Абдул-Гамида, младотурок и Кемаля. Однако в целом общественность Турции и поныне с почтением относится к памяти руководителей младотурок и особенно кемалистов. Талаат-паша похоронен в Стамбуле на «холме мучеников», а память Ататюрка, отца современной Турции, являющегося непререкаемым авторитетом, остается неприкосновенной.

К тому же однозначный и окончательный отказ от пантюркизма кажется сегодня еще менее вероятен, чем в недавнее время, так как после отделения тюркских республик от СССР идеология пантюркизма, хоть и в видоизмененной форме, вошла в новую стадию. И, наконец, признание преступных деяний турок против армян, одно время бывших турецкими гражданами, как «преступления против человечности» может иметь серьезные последствия для современной Турции. Не следует забывать о том, что до настоящего времени в Турции не решена проблема курдов, и курдский вопрос — при всем его отличии от армянского, в частности в силу кочевого образа жизни этого народа — в результате признания геноцида армян так или иначе получил бы косвенную поддержку во всем мире.

И тем не менее, если до сих пор турецкие власти всячески пытались отрицать геноцид армян и предать забвению эти события, то в самое последнее время среди гражданского

турецкого общества появляются робкие, но значимые признаки интереса к армянскому вопросу. Молодое поколение турецких историков, социологов, политологов (особенно те из них, которые учились за границей) начинает пересматривать отечественную историю и в связи с этим по-другому относится к вопросу о геноциде армян. Живущий за рубежом турецкий исследователь Танер Акчам (Taner Akçam), автор многочисленных работ по армянскому вопросу, уже давно выступает за признание Турцией геноцида. Эту позицию более или менее открыто разделяют некоторые преподаватели в университетах Стамбула, Анкары и других городов.

Скончавшаяся в 2002 году правозащитница и издатель Айше Нур Сарисезен Зараколу (Ayşe Nur Sarisözen Zarakolu) и ее муж Рагип Зараколу (Ragip Zarakolu), начиная с 1993 года, издавали книги зарубежных авторов о геноциде на турецком языке — Ива Тернона *(Армянское табу),* Ваагна Дадряна *(Геноцид с точки зрения национального и международного права),* Франца Верфеля *(40 дней Муса Дага);* за это, вплоть до 1997 года, они подвергались преследованиям и несколько раз были арестованы и заключены в тюрьму. Наряду с многочисленными изданиями, отражающими официальную позицию государства, в Турции на сегодняшний день уже издано и небольшое количество литературы, не отрицающей геноцид. Это переводы иностранных специалистов (например, В Дадряна, *Роль международных организаций в геноциде армян,* 2004), книги Т. Акчана *(Турецкое национальное «я» и армянский вопрос,* 1992; *Права человека и армянская проблема,* 1999; *Пока армянское табу не раскрыто. Есть ли другое решение, чем диалог?,* 2000), работы историков Танера Тимура из Анкары (например, T. Timur, *Турки и армяне. 1915 год и последствия,* 2001), Халила Берктая из Стамбула и других независимых исследователей, работающих в Турции.

Сегодня в турецкой художественной литературе также наблюдается определенный интерес к армянскому вопросу. Известный писатель Орхан Памук (который был турецким кандидатом на Нобелевскую премию) в своем недавно вышедшем романе «Снег» *(Kar,* 2002), действие которого разворачивается в городе Карс, упоминает армянские храмы и здания как свидетельства безвозвратно ушедшего в прошлое периода богатства и культурной активности армянского народа. А романист Кемаль Ялчин в книге «С тобой улыбается мое сердце» *(Seninle Güler Yüreğin),* подробно рассказывает о так называемых «скрытых армянах» — потомках тех, кому удалось избежать массового истребления ценой отказа от национальной и религиозной самобытности.

Но история издания этого произведения, как показал итальянский арменовед А. Феррари, красноречиво иллюстрирует, насколько в Турции отношение к армянскому вопросу остается сложным. «Книга Кемаля Ялчина должна была выйти в свет уже в 2000 году в стамбульском издательстве Doğan, тиражом 3 000 экземпляров; ожидался большой успех и планировалась громкая рекламная акция, включающая показ документального фильма. Однако за несколько дней до ее выпуска издатель сообщил автору, что книга не может быть напечатана из-за полученных "инструкций сверху". Писатель решил опубликовать ее за свой счет в Бохуме (Германия), где он проживает и по сей день. Первое издание было раскуплено очень быстро. За ним последовало второе, и переводы на немецкий, армянский и английский языки. В 2002 году во время приезда Кемаля Ялчина в Стамбул издатель сообщил ему, что он в одностороннем порядке уже расторг договор, и показал нотариальный акт, свидетельствующий о ликвидации всего тиража — 3 000 экземпляров»[79].

Этот сюжет — всего лишь пример силового воздействия, которому часто в Турции подвергаются те, кто осмеливается затронуть столь неудобный для властей вопрос.

Мец Егерн и Холокост

В XX веке современная Турция сыграла в мировой истории особую роль, что обеспечило ей если не симпатию, то, по крайней мере, политическую поддержку части международных организаций. Будучи мусульманским, но «светским» государством, она стала для Запада важной альтернативой исламскому фундаментализму. Помимо этого, как союзник США и член НАТО она явила собой как бы естественный бастион на Ближнем Востоке, защищавший Запад от советского коммунизма.

Конечно, тот факт, что европейские государства и международное общественное мнение в свое время не добились судебного процесса против турецких властей и открыто не осудили первый геноцид XX века, стал одной из причин, породившей в течение всего последнего столетия новые акты геноцида и многочисленные попытки «этнических чисток».

Перед вторжением в Польшу, 22 августа 1939 года, Гитлер говорил главарям III рейха: «Наша сила заключается в быстроте и жестокости. Чингисхан сознательно и с легким сердцем посылал на смерть тысячи женщин и детей. А история видит в нем лишь великого основателя государства. (...) Я отдал приказ специальным подразделениям СС без сожаления и сострадания

посылать на смерть мужчин, женщин и детей польского происхождения и говорящих на польском языке. Только так мы можем получить жизненно важное пространство, в котором нуждаемся. Кто сегодня еще вспоминает об истреблении армян?»

Исследователи часто ссылаются на эти слова для сравнения двух главных геноцидов XX века, хотя слова фюрера формально касаются не уничтожения евреев, а вторжения немцев в Польшу. Однако подлинность этой фразы ставится под сомнение, поскольку она не фигурирует в официальном тексте выступления Гитлера. Тем не менее некоторые историки утверждают, что фюрер не раз говорил об этом[80]. Гитлер был хорошо осведомлен об истреблении армян в Османской империи, так как один из самых близких его соратников в начале нацистского движения, Макс Эрвин фон Шойбнер-Рихтер, был вице-консулом Германии в Эрзеруме во время геноцида. Шойбнер-Рихтер написал несколько дошедших до нас ужасающих рапортов о событиях в Эрзеруме.

В любом случае, даже если бы эти слова и не были произнесены вслух, то, несомненно, таким мог быть ход мысли тех, кто несет ответственность за истребление евреев, цыган и других народов во время Второй мировой войны. Эти слова являют собой яркий пример того, как злодеяние одних, не получившее должного осуждения мировой общественности, развязывает руки другим палачам и приводит к еще большим бедам и страданиям невинных людей. Геноцид армян стал предшественником Холокоста, предупреждением миру о надвигающейся опасности фашизма, но, к сожалению, не услышанным.

Впоследствии Армин Вегнер ясно видел связь между двумя главными геноцидами XX века. Он писал: «В начале двадцатых годов, когда свидетель этих ужасов, предполагая, что нечто подобное может произойти и на Западе, проиллюстрировал увиденное множеством фотографий и всеми документами, какие смог собрать в лагерях смерти, жители Германии и соседних стран, узнавшие об этом, испытали страх, но все же подумали: "Аравийская пустыня — она так далеко!.."»

Существует много параллелей между самой страшной фазой геноцида армян — депортациями и резней 1915-1923 годов — и геноцидом евреев в период нацизма[81]. И то, и другое преступление совершено во время больших конфликтов (мировых войн) — так, чтобы они были менее заметны и чтобы вмешательство других стран оказалось маловероятным и затрудненным. Во многих аспектах партия младотурок и

Специальная организация сравнимы с нацистской партией и СС как своими действиями, так и формой взаимоотношений между собой; технически депортации производились военизированными отрядами, подконтрольными только партии, при этом правительство делало вид, что оно непричастно к совершаемым зверствам.

В обоих случаях примечательны внутренняя дисциплина исполнителей и одновременно введение в заблуждение государственной администрации. Общей чертой является и использование националистической идеологии, а также создание в обществе атмосферы вражды к преследуемым, обвиняемым в заговорах против государства. Наконец, идентичен сценарий осуществления геноцида: от выбивания под пытками признаний участия в заговорах до ареста интеллигенции, немедленной казни молодых людей и всех способных оказать сопротивление и депортации остальных.

Но геноцид армян обладает и уникальными чертами, отличающими его от геноцида евреев. Он был первым геноцидом таких масштабов в ряду (к сожалению, длинном) подобных ему преступлений[82]; он был, несомненно, и самым продолжительным[83]. Но главное его отличие от Холокоста в том, что Мец Егерн имел место на исторической родине преследуемого народа, в Западной Армении, где армяне жили более трех тысяч лет. Одним из результатов геноцида, кроме истребления населения, была утрата Арменией примерно девяти десятых частей ее земель, а также вынужденное рассеяние по всему миру немногих выживших.

Западная Армения, которую международное сообщество сегодня признает турецкой территорией, являет собой колыбель древнейшей армянской цивилизации и всегда была ее родиной; здесь возвышается гора Арарат, под сенью которой она возникла, здесь расцветали древние столицы Тушпа, Ван, Тигранакерт, Ани. Это значит, что армянский народ был не только почти полностью уничтожен, но и вынужден покинуть землю, на которой всегда жил.

«Всякому, кто занимается армянским вопросом, — пишет Б.Л. Зекиян, — сразу же становится очевидным полное *искоренение* целого народа из его родной земли, из страны его предков, где его самобытность, язык, культура и таланты непрерывно формировались и находили свое выражение на протяжении трехтысячелетней истории. Самой характерной особенностью такого искоренения нам представляется то, что речь никоим образом не идет только о фактически сложившемся положении

вещей, но о подлинном изживании *де юре* и абсолютно насильственном с собственной земли: это условие изгнания постоянно обновляется»[84].

Попрание истории и культуры армян

Геноцид вырвал с корнем, попрал трехтысячелетнюю культуру Армении. Исчезновение армян с исторической родины означало также исчезновение их городов, церквей, школ, библиотек, монастырей, университетов. Огромный урон геноцид нанес армянской и мировой литературе: во время грабежей, пожаров, которые следовали за депортацией, были уничтожены древнейшие и уникальные рукописи. Благодаря благоговейному отношению армян к своей письменности удалось спасти лишь небольшую часть древних книг: порой депортируемые тайно закапывали их глубоко в песок, двигаясь по своему страшному пути в пустыне.

Начиная с 1920 года, Турция преобразовала в мечети сотни армянских церквей и монастырей, разрушила или позволила превратить в руины вековые памятники армянской культуры. К моменту вступления Османской империи в войну в 1914 году в Турции существовало 210 армянских монастырей, 700 соборов и 1639 приходских церквей. По статистике 1974 года из 913 еще известных в Турции армянских церквей 464 было полностью уничтожено, 252 превращено в руины и только 197 оставлено в относительно хорошем состоянии. В последующие десятилетия многие другие памятники армянского искусства, оставшиеся на турецкой территории, были разрушены.

Среди исчезнувших с лица земли или разрушенных церквей и монастырей были центры, существенно важные для армянской и мировой культуры: например, монастыри, усеявшие берега озера Ван, подобные монастырю, в котором жил и творил Григор Нарекаци[85]; в плачевном состоянии находятся шедевры архитектуры — знаменитые церкви города Ани или такая жемчужина средневековья, как церковь Святого Креста в Ахтамаре. В таком же заброшенном и осквернённом состоянии пребывают армянские памятники культуры на территориях, отданных советской властью Азербайджану, например, в Нахичевани[86].

Турция боится немого свидетельства шедевров армянской архитектуры. Поэтому она создала районы, закрытые для туристов. С 20-х годов минувшего столетия изучение армянских памятников архитектуры на турецкой территории практически запрещено или, по крайней мере, сильно затрудняется. Местные

историки и искусствоведы прибегают к бесстыдной лжи, приписывая турецкому народу авторство даже всемирно известных шедевров армянской архитектуры.

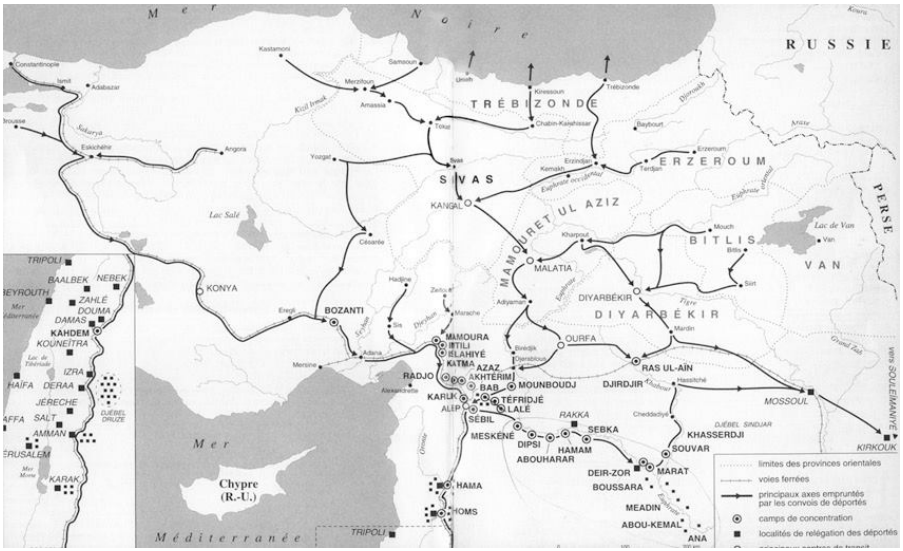
Итак, геноцид армян на рубеже XIX и XX веков не только варварски лишил жизни, заставив пережить немыслимые страдания, два миллиона людей, рассеял выживших по всему миру, лишил народ девяти десятых территории его исторической родины, но и нанес огромный ущерб армянской и мировой культуре. И поэтому тоже он должен расцениваться как преступление против всего человечества.

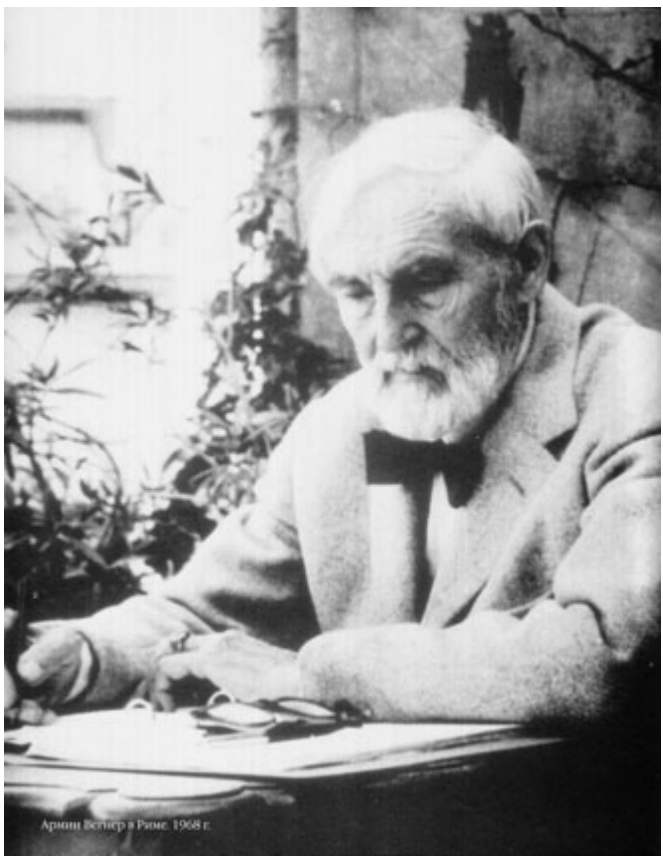
Наконец, помимо гибели огромной части армянской интеллигенции Константинополя в апреле 1915 года, эти страшные события имели и более отдаленные последствия. Так, в 1935 году в Париже умер потерявший рассудок от увиденных во время геноцида ужасов армянский композитор Комитас. По прошествии многих лет он стал еще одной жертвой Величайшего Злодеяния; и кто знает, скольких людей, неизвестных историкам, постигла подобная судьба...

Комитас умер через 20 лет после событий 1915 года; но уже намного раньше Мец Егерн лишил мировую культуру этого музыкального гения, навсегда погасив его талант. Действительно, после всех ужасов, свидетелем которых он стал в Константинополе, Комитас больше не сочинял[87]. И мог ли он? Одаренный необычайно восприимчивой и тонкой душой, этот гениальный музыкант и святой священник трагически пережил то, о чем Армиу Вегнер писал своей матери из Турции: «Могу ли я еще жить? Имею ли еще право дышать, строить планы на будущее, которое кажется столь фантастически нереальным, когда вокруг меня бездна мертвых глаз?»

На следующих страницах — карта геноцида армян, подготовленная Ремоном Кеворкяном, директором библиотеки имени Нубаряна при Армянском Всеобщем Благотворительном Союзе, Париж.

Карта геноцида (подготовленная Р. Кеворкяном)





Армин Вегнер в Риме. 1968 г.

Армин Вегнер

Кем был Армин Т. Вегнер?

Семья А.Вегнера. 1890-е гг.

Армин Вегнер — фермер. Силезия, 1903 г.

Армин Вегнер — грузчик в порту. Марсель, 1913 г.

Армин Теофил Вегнер родился в Вуппертале (Вестфалия) 16 октября 1886 года и умер в Риме 17 мая 1978 года.

Доктор юридических наук, писатель и поэт Вегнер был глубоко потрясен трагедией армянского народа, очевидцем которой он стал в османской Турции. Немалую часть своей жизни он посвятил борьбе за права человека, а свое литературное и поэтическое творчество — поискам истины о самом себе и о людях.

Семья и полученное воспитание

Отец Армина Т. Вегнера, Густав Вегнер, происходил из семьи с суровыми прусскими традициями, тогда как мать, Мари Вегнер, урожденная Витт, участвовала в феминистских и пацифистских движениях конца века.

В своих автобиографических сочинениях Армин Т. Вегнер упоминает три эпизода, наложившие неизгладимую печать на его жизнь. Прочитанное ему отцом описание массового избиения

армян в Турции в 1895-1896 годах; дружба со школьным товарищем, евреем, с которым его связывало присущее обоим сознание своего отличия от других; и, наконец, героический поступок, который он совершил, бросившись в Рейн, чтобы спасти тонущую девочку.

В годы формирования личности определились особенности его нравственного кодекса: тяга к независимости как проявление протеста против авторитарности отца, общественная деятельность с целью служения людям и гражданское мужество[88].

В этом свете следует смотреть на ранние попытки Вегнера начать работать (с 1903 по 1909 год он временно прекратил учебу и занялся крестьянским трудом), на его скитания по Европе (в 1913 году он работал грузчиком в марсельском порту), и на посещение литературных кафе, общение с либералами и левыми диссидентами. Получив аттестат зрелости, он начал изучать юриспруденцию и политологию в Цюрихе, Париже, Берлине и Бреслау где в 1914 году получил диплом о высшем образовании, написав научный труд на тему *Забастовка в уголовном праве.*

Военный опыт и Ближний Восток: трагедия армянского народа

Когда разразилась Первая мировая война, Вегнер добровольно поступил на военную службу санитаром. Зимой 1914-1915 годов он служил в Польше и был награжден Железным Крестом. В апреле 1915 года, после заключения военного союза Германии с Турцией, его направили на Ближний Восток как члена немецкой медицинской службы. В июле-августе он использовал время отпусков для того, чтобы тщательно проверять доходящие до него из разных источников слухи об истреблении армян. Осенью того же года младший лейтенант Вегнер пересек Малую Азию в составе эскорта фельдмаршала фон дер Гольца, командующего 6-й османской армией в Турции.

Письма, написанные Вегнером родным и знакомым в 1915 и 1916 годах, представляют собой исполненный горечи дневник о «дороге без возврата», по которой шел армянский народ. По этим письмам можно проследить этапы продвижения Вегнера по Ближнему Востоку: Константинополь, Рас-Ул-Айн, Моссул, Багдад, Вавилон, Раким Паша, Каликие, Абу Чаррера, Абу Кемаль, Дейр-эл-Зор, Ракка, Мескене, Алеппо, Кония и снова Константинополь.

Обходя строжайшие распоряжения турецких и немецких

властей, запрещающие распространение какой-либо информации о происходящем и пересылку корреспонденции и фотографий, офицер Вегнер собирал записи, документы и письма, делал сотни снимков в лагерях для ссыльных армян. Через консульства и посольства других стран ему удалось отправить часть материала в Германию и Соединенные Штаты.

После обнаружения тайных путей, по которым Вегнер передавал свою корреспонденцию, он был арестован немцами по требованию турецкого командования. Письмо, написанное матери в мае 1916 года, в котором он резко критиковал Германию за союз с турками, было перехвачено немецкой цензурой, после чего его направили на службу в холерные бараки: «Армин Т. Вегнер должен быть использован таким образом, чтобы у него пропало всякое желание бродить по Багдаду».

Тяжело заболев, Вегнер в октябре 1916 года уехал из Багдада в Константинополь. Он увез с собой спрятанные в поясе фотопластинки, отснятые им и другими немецкими офицерами, со сценами уничтожения армян, которые он вынужден был наблюдать будучи не в силах что-либо изменить. В декабре того же года его отозвали в Германию.

Гражданская и литературная деятельность

Во время проведенного на родине отпуска, и особенно после окончательного возвращения в Германию, Вегнер несколько раз встречался с пастором Иоганном Лепсиусом, основателем «Deutsche Orient Mission» (*Немецкой миссии на Востоке*), которому передал большой фотографический материал. С целью распространения сведений об армянской трагедии он вступил в контакт с Вальтером Ратенау, будущим министром иностранных дел Веймарской Республики, с издателем Гельмутом Герлахом, а также с инакомыслящими журналистами.

С 1918 по 1921 год Вегнер участвовал в пацифистских и антимилитаристских движениях, одновременно продолжая заниматься литературным и поэтическим творчеством. В январе 1919 года в Берлине вышло первое издание сборника писем из Турции, озаглавленное «Дорога без возврата. Мученичество в письмах» (*Der Weg ohme Heimkehr. Ein Martyrium in Briefen*). Это было полное драматизма свидетельство о геноциде армян и о его собственном трагическом опыте жизни на Ближнем Востоке.

Literarische Gesellschaft, Giessen.

Sonntag, den 3. Oktober 1920, nachmittags 5 Uhr, in der neuen Aula der Universität

ARMIN T. WEGNER

aus Wernigerode.

»MUSIK DER ZEIT«

(Eigene Dichtungen)

VORTRAGS-FOLGE:

I. Teil.

Seid immer Freund und Gast in meinem Hause / Der Jüngling / Das Waarenhaus / Die Schlachthallen / Der Tag der Häuser.

II. Teil.

Die Steppe / An mein Zelt / Die Austreibung der Menschheit / Der Teppich / ~~Ich scheide mich von Euch~~ / Gold! / ~~Ihr Dichter auf den Tribünen~~ / ~~Hymne an den Tod~~.

III. Teil.

Welt, du kannst mich nicht verwunden! / ~~Der Dreiklang~~ / Alle Häuser stehen hell in der Sonne / Zwiegespräch im Bett / Der Triumph der Mutter.

(Aenderungen vorbehalten.)

Eintrittskarten

zu Mk. 5.—, Mk. 4.—, Mk. 3.— (sämtlich nummeriert) im Vorverkauf in der Musikalienhandlung E. Challier und an der Abendkasse. Studentenkarten nur im Vorverkauf beim Hausverwalter der Universität zu Mk. 2.—, gegen Vorzeigen der Ausweiskarte. Die Mitglieder der Literarischen Gesellschaft und des Bundes zur Pflege von Musik und Literatur erhalten im Vorverkauf gegen Vorzeigen der Mitgliedskarte auf allen Plätzen 1 Mark Preisermässigung.

Nächster Dichterabend Sonntag, den 7. November:

Ernst Zahn aus Göschenen in der Schweiz.

Афиша с программой вечера поэзии А.Вегнера. Стихи читает автор. 3 октября 1920 г.

Сборник статей о Вегнере-поэте. На обложке — портрет поэта, выполненный Э.Орликом. 1920 г.

Входной билет на конференцию А.Вегнера. Цюрих, 16 мая 1923 г.

23 февраля 1919 года в атмосфере надежды, возникшей в

связи с политической позицией, занятой американским президентом, защитником прав народов, в берлинской газете «Berliner Tageblatt» было напечатано *Открытое письмо к Президенту Соединенных Штатов Вудро Вильсону,* которое представляет собой один из наиболее важных опубликованных документов, касающихся армянского вопроса. Однако призыв Армина Т. Вегнера к созданию независимого армянского государства не привел ни к каким результатам.

В 1920 году А. Вегнер женился на еврейской писательнице Лоле Ландау, и в 1923 году у них родилась дочь Сибилла.

В 1921 году в Берлине состоялся судебный процесс над Согомоном Тейлиряном, армянским студентом, который потерял семью во время геноцида армян в 1915 году. Желая отомстить за своих родных и свой народ, он убил Талаата-пашу министра внутренних дел правительства младотурок, отдававшего приказы об истреблении армян. В ходе процесса Армии Т. Вегнер не мог дать показания о трагических событиях, невольным очевидцем которых он был, по причине своих политических взглядов. Благодаря показаниям других свидетелей неармянского происхождения (Лепсиуса и Нансена) Согомону Тейлиряну был вынесен оправдательный приговор. Документы процесса были собраны в книге *Процесс Талаата-паши,* предисловие к которой написал А. Вегнер. Как и в письме к президенту Вильсону, он подчеркнул разницу между ответственностью правительства Турции и турецкого народа, заявив, что последний «никогда бы не запятнал себя подобным преступлением». В подтверждение этому Вегнер привел примеры неподчинения (такое поведение сегодня называют «гражданским неповиновением») турецких должностных лиц, отказывавшихся исполнять приказы по истреблению армян.

В 1922 году Вегнер призвал общественность защищать права армян, опубликовав статью под названием «Крик с Арарата» (*Der Schrei vom Ararat*), а в 1924 году начал писать роман, так и оставшийся незаконченным, о трагедии армянского народа и об Армении XX века, который должен был быть озаглавлен *Изгнание.* Впоследствии он оспаривал у Франца Верфеля, автора книги *Сорок дней Муса Дага,* замысел создания художественного произведения на тему геноцида армян[89].

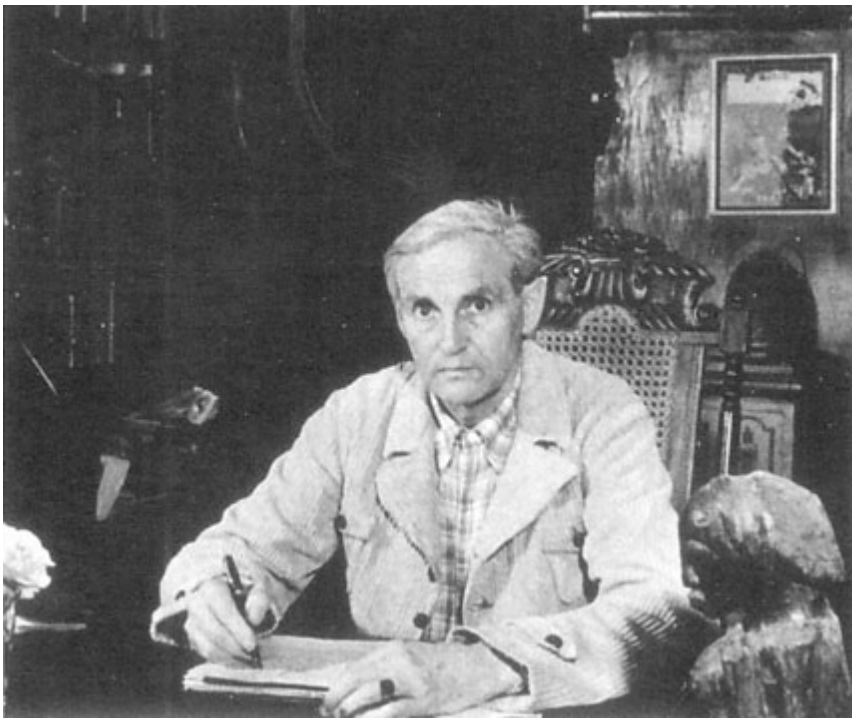
Тюремное заключение

В последующие годы А. Вегнер развил еще более активную деятельность как писатель и борец за гражданские права: он

писал романы, ставшие популярными, рассказы, статьи, проводил конференции в пацифистских кругах Европы, много ездил. В 1927 году его пригласили в Москву, и это дало ему возможность впервые посетить Армению, в которой с 1920 года установилась советская власть.

Армин Вегнер с первой женой, поэтессой Лолой Ландау. 1923 г.

Статьи о Вегнере.



Армин Вегнер за рабочим столом. Позитано, Италия, 1938 г.

Армин Вегнер со второй женой, скульптором Иреной Ковалиской. 1947 г.

В Германии возникновение национал-социалистических движений означало для Вегнера изоляцию как мыслителя и как человека. Его считали «большевистски мыслящим интеллигентом», предателем идеалов германского национализма и вместе с еще семьдесят одним писателем внесли в черный список по разряду «Беллетристика», составленный министерством образования и пропаганды фашистской Германии.

11 апреля 1933 года, сразу после первого указа о запрещении коммерческой деятельности евреев, Армин Т. Вегнер написал открытое письмо Адольфу Гитлеру и отправил его в Мюнхен, в «Коричневый дом». Содержание этого письма — решительный протест против бесчеловечных антиеврейских действий режима. За этот мужественный поступок, но прежде всего потому, что он был известен как «фанатик пацифизма» и «сочувствующий левым», его арестовали, бросили в подвалы гестапо, где он был избит и заключен в тюрьму.

Оказавшись в тюрьме, Вегнер прошел через три

концентрационных лагеря: Ораниенбург, Бергермор и Лихтенбург. Весной 1934 года, после приблизительно пяти месяцев заключения, его освободили. Он уехал к своей жене в Англию, но вскоре она эмигрировала вместе с дочерью в Палестину. В 1939 году они развелись по обоюдному согласию. В этой связи Вегнер писал: «Германия отняла у меня все: дом, успех, свободу, работу, друзей, родной край и все, что было мне особенно дорого. Наконец, Германия отняла у меня жену. И эту страну я продолжаю любить, несмотря ни на что!»

Добровольное изгнание в Италии

В 1936-1937 годах Вегнер переехал в Италию. Сначала он поселился в Виетри (где встретил художницу еврейского происхождения Ирену Ковалиску с которой уже был знаком в Берлине и которая в 1945 году станет его женой), затем обосновался в Позитано, на неаполитанском побережье.

С принятием расистских законов 1938 года в Италии стала исчезать атмосфера относительной терпимости. По случаю визита Гитлера, в целях безопасности фюрера, Вегнер вместе с другими политическими иммигрантами был арестован — хотя и всего на несколько недель. У Вегнера начался период депрессии. Вновь давали о себе знать психологические травмы, полученные во время заключения, а тяжкое бремя изоляции он переживал как потерю писательского самосознания.

На следующий день после вступления Италии в войну Герберт Капплер приказал арестовать Вегнера и заключить в лагерь Потенцы. Однако Вегнеру удалось добраться до Рима, где как гражданин Германии он обратился прямо в посольство: приказ на арест был отменен.

В 1941 году у Вегнера родился сын Миша. С 1941 по 1943 год он преподавал немецкий язык и литературу в Германской Академии в Падуе. В документах Академии он зарегистрировался как А. Тео Вегнер, и это, как ни удивительно, позволило ему остаться неузнанным.

В 1943 году, после первого ареста Муссолини, Вегнер вернулся в Позитано, где прожил до 1955 года, за исключением коротких периодов, проведенных в Риме и Стромболи (небольшой остров с действующим вулканом на юге Сицилии, где он жил в старинной башне). Для того чтобы сводить концы с концами, Вегнеру пришлось продать часть своих вещей. Несмотря на присущий ему дух космополитизма, внутренняя связь с немецкой культурой была столь глубока, что он так и не сумел адаптироваться к жизни в эмиграции и долгое время не мог

осуществить свои литературные замыслы.

Вернувшись впервые в Германию в 1952 году после долгого отсутствия, он ощутил некую отчужденность по отношению к своей стране, что сделало невозможным его окончательное возвращение. В 1956 году он переехал обратно в Рим. В 1965 году отмечалась 50-я годовщина ареста армянской интеллигенции в Стамбуле (24 апреля 1915 года) — знаковой даты, символизирующей весь процесс геноцида. Событие привлекло внимание прессы и вызвало интерес к фотографиям, сделанным Арминой Т. Вегнером на Ближнем Востоке. Потрясающие по силе выражения, фотографии отличались высоким художественным уровнем, «соединяя в себе достоинство и страдание». По этому случаю Вегнер опубликовал очерк о событиях 1915 года, озаглавленный *Bari luis: Das gute Licht* («Добрый свет»).

Признание

Роль Вегнера как свидетеля геноцида армян и защитника прав армянского и еврейского народов была, наконец, признана на международном уровне. Помимо наград, полученных от его родного города в Федеративной Республике Германии, в 1967 году ему был присвоен титул «Праведника» Израильским институтом и Мемориалом о Холокосте «Яд ва-Шем», а в 1968 году Католикос Всех Армян Вазген I вручил Вегнеру орден Святого Григория в столице Армении Ереване, где одна из улиц носит его имя.

Вегнер посвятил последние годы жизни литературному творчеству и свидетельству о геноциде армян в разных городах Европы и Соединенных Штатов. Его деятельность пролила свет на первый геноцид XX века: ранее неизвестные эпизоды и прежде всего фотографии из его фотоархива навсегда останутся в истории. В поэме *Der ate Mann* («Старик») он писал: «Моя совесть призывает меня к свидетельству. Я глас изгнанных, вопиющий в пустыне»[90].

Перед смертью Вегнер позаботился о передаче всех своих литературных произведений Архиву немецкой литературы города Марбаха в Федеративной Республике Германии.

תעודת כבוד
ATTESTATION

Le présent Diplôme atteste qu'en sa séance du 23 mai 1967 la Commission des Justes près l'Institut Commémoratif des Martyrs et des Héros Yad Vashem a décidé sur foi de témoignages recueillis par elle de rendre hommage à

ARMIN WEGNER

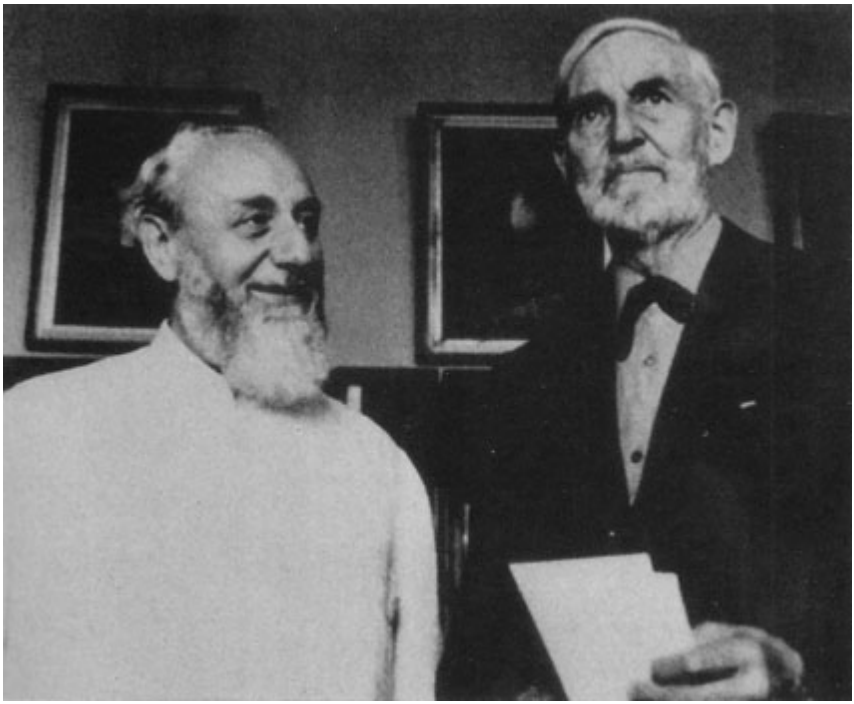
qui, au péril de sa vie a sauvé des Juifs pendant l'époque des persécutions. de lui décerner la Médaille des Justes et de l'autoriser à planter un arbre en son nom dans l'Allée des Justes sur le Mont du Souvenir à Jérusalem.

ותעודת לתעודה שביישיבתה
מיום י"ב אייר תשכ"ז
הוועדה מיוחדת לענין
חסידי אומות העולם שליד
רשות הזכרון יד ושם של
יסוד יהדות שהוקמה לחכת
לחת כבוד וזכר ל
ארמין וגנר
על אשר בשעת חשיקת
באיחופם של נפשות
בכפו בתקופת יהודים
עדפים ע"י רדפיהם ול-
הענין לו את המדליה
לחסידי אומות העולם ול
הרשות לו לנטוע
בשמו בשדרת הקדושים
אומות העולם
הזכרון בירושלים.

Fait à Jérusalem, Israël, le
20 juin 1967

נתן היום י"ב סיון תשכ"ז
בירושלים, ישראל

Документ о признании Армина Вегнера «праведником», выданный ему Институтом Яд ва-Шем. 1967 г.



Армин Вегнер с Католикосом Всех Армян Вазгеном I. Эчмиадзин, 1968 г.

Армин Вегнер умер в Риме в возрасте 92 лет 17 мая 1978 года. В 1996 году часть его праха была перенесена в Армению и похоронена под Ереваном в Цицернакаберде в стене Мемориала, посвященного жертвам геноцида. В Стромболи, на потолке его кабинета в башне, вырезаны такие слова: «Нам поручено дело, но не дано выполнить его до конца».

Анна Мария Самуэлли[91]

Великое время лжи[92]

Приехав из Турции в Германию на время короткого отпуска в октябре 1915 года, Армин Т. Вегнер встретился с издателем Гельмутом фон Герлахом и другими известными лицами, чтобы попытаться дать ход информации о трагедии армянского народа. В 1926 году Герлах опубликовал приведенную ниже статью (Der Weltbühne, *Charlottenburg, 1926, S.82).*

В октябре 1915 года мне нанес визит Армин Т. Вегнер, с которым я прежде не был знаком. Он только что приехал из

Турции и глубоко потрясен увиденными там зверствами, которым подвергали армян.

Охваченные фанатизмом турки творили нечто неописуемое. Мы, немцы, должны каким-то образом воспрепятствовать их бесчеловечным действиям, если не хотим, чтобы на нас указывали как на сообщников, поскольку мы союзники турок. Я решил изучить этот вопрос и нашел в швейцарской немецкоязычной прессе полное подтверждение услышанному. Религиозные деятели всего мира пытались остановить истребление христианского народа. Я видел отчеты немца Лепсиуса, сопровождаемые ошеломляющей, леденящей душу документацией. Нет никаких сомнений: самые ужасные события, порожденные мировой войной, происходили в Турции. Наш союзник систематически, по приказу министерства, истреблял армянский народ: мужчин, женщин, детей. Не щадили никого и ничего. Факты были столь чудовищны, что даже страстный милитарист Поль Рорбах — кстати, хорошо знавший высокоразвитую культуру армянского народа — отказался продолжать пропаганду войны, которую до того проводил с большим рвением, потому что счел совершенно недопустимым то, что учинялось по отношению к армянам.

Но Германия по-прежнему хранит молчание. Цензура не дала нам и рта раскрыть. На пресс-конференции было сказано, что нам «нежелательно» говорить о преследованиях армян. Нельзя защищать все, что творится в Турции, но нельзя и осуждать: прежде всего из уважения к союзнику, поскольку он очень обидчив и не терпит вмешательства в его внутренние дела. Следовательно, лучше всего молчать.

Однако молчали не все. Газета «Deutsche Tageszeitung» напечатала безобразную подстрекательскую статью против армян. После этого сам представитель Министерства иностранных дел потерял терпение. Граф Ведель заявил на пресс-конференции о своем сожалении по поводу такого пренебрежения к правде. Мы все знали, что в Турции что-то происходит — что-то безусловно ужасное. И нам не следовало бросать вызов всему миру, выдвигая обвинения против жертв насилия. Большинство немцев так никогда и не узнало о том, что было известно всему миру: что наши союзники, турки, были гонителями народов, и притом самыми жестокими.

Гельмут фон Герлах

Когда армяне умирали, немцы отводили глаза

Выдержка из интервью с Арминоном Т. Вегнером, которое было проведено Мартином Руни в декабре 1972 года в Риме. Полностью оно опубликовано в книге, посвященной Вегнеру, в год столетия со дня его рождения[93].

Руни: В1915 и 1916 годах ты, Армин, был свидетелем высылки армян в пустыню. Своим открытым письмом к Вудро Вильсону ты привлек внимание мировой общественности к этим зверствам. Рассказывает ли твоя книга *Дорога без возврата* непосредственно об этих событиях?

Вегнер: Случилось так, что фельдмаршал фон дер Гольц вместе с турецким и немецким офицерами ехал на машине через пустыню, направляясь в Багдад более короткой дорогой, а его офицерский корпус (подчиненные ему помощники и врач) следовал в том же направлении, но намного медленнее. Когда вечером или ночью мы останавливались для отдыха, часто проходили мимо лагерей, где беззащитные армяне, изгнанные в пустыню, ожидали медленной смерти. Турки всячески отрицали существование этих лагерей. Немцы здесь не проезжали и делали вид, будто их нет. Я был единственным, кто там побывал, хотя это и было опасно для здоровья, так как среди беженцев распространялись многие болезни. И это являлось одной из причин, почему немцы предпочитали туда не ходить. Во-первых, будучи союзниками Турции, им не хотелось замечать этого, а во-вторых, они боялись болезней и инфекций.

Но я часто заходил в лагеря и делал десятки снимков этих гонимых людей. Армяне подарили мне свою долговечную дружбу, потому что я постоянно принимал участие в их судьбе. В то время я ездил в отпуск в Берлин и побывал в Министерстве иностранных дел, где обо всем знали, но, как мне сказали, ничего не могли поделать. Я старался связаться со многими известными людьми. Некоторые отказывались со мной встретиться, узнав о причине моего визита, которую я заранее указывал в письменной форме. Другие принимали меня: например, знаменитый Максимилиан Харден, который предложил поставить в известность императрицу, подчеркнув религиозную сторону вопроса — ведь речь шла о христианском народе. Таким способом он надеялся добиться каких-нибудь результатов, но все оказалось напрасно. И я, вернувшись назад, был вынужден бессильно наблюдать ужасный конец этих людей. По железной дороге или с помощью других средств передвижения они толпами прибывали в последний город на краю пустыни, Алеппо.

Мэр Алеппо был гуманным человеком, и он телеграфировал

министру внутренних дел Талаату: «Сюда прибыли тысячи высланных армян. Что мне с ними делать?» Талаат же, будучи заклятым врагом армян, ответил такой телеграммой: «Цель высылки — никуда». Это еще одно слово, которым называли пустыню. И это слово я использовал в эпиграфе, написав предисловие к книге *Процесс Талаата-паши.* Это был процесс, состоявшийся в Берлине после войны, когда армянин Согомон Тейлирян, переживший высылку, убил Талаата на одной из улиц Берлина.

Руни: Одно из твоих писем, приведенных в книге *Дорога без возврата,* было перехвачено цензурой. Из-за этого письма тебя и отозвали назад в Германию?

Вегнер: По возвращении в Германию меня арестовали немцы, потому что турки обнаружили, что я занимался армянским вопросом. Кроме прочего, я взял письма высланных в пустыню и тайно привез их в Константинополь, спрятав в одежде. Затем через американское посольство переслал их в Америку — страну, которая тогда еще не вступила в войну. Но турки узнали об этом, и их очень рассердил тот факт, что кто-то заинтересовался этой проблемой. Я также наладил связь с Иоганнесом Лепсиусом, известным немецким востоковедом[94], который занимался армянским вопросом с 1895 года, когда произошли массовые убийства армян при султане Абдул-Гамиде II. Я посылал Лепсиусу почтовые открытки, например, такого содержания: «Я побывал в Дейр-Эл-Зоре и других местах в пустыне, но не нашел никаких армянских ковров». Подобные выражения использовались для прикрытия, чтобы открытки не перехватывала цензура.

Фотографии

...В последние дни я сделал много фотографий. Мне сказали, что сирийский палач Джемаль-паша запретил снимать в лагерях беженцев под угрозой смертной казни. Я храню эти ужасающие обвинительные снимки. В лагерях Мескене и Алеппо я собрал много писем-прошений и спрятал их у себя в рюкзаке, ожидая возможности передать их в американское посольство в Константинополе, потому что почтовая служба не доставит их по назначению. Я знаю, что тем самым иду на государственную измену, но я рад хоть как-то, пусть совсем немного, помочь этим несчастным и считаю это самым важным из всего, что когда-либо делал...

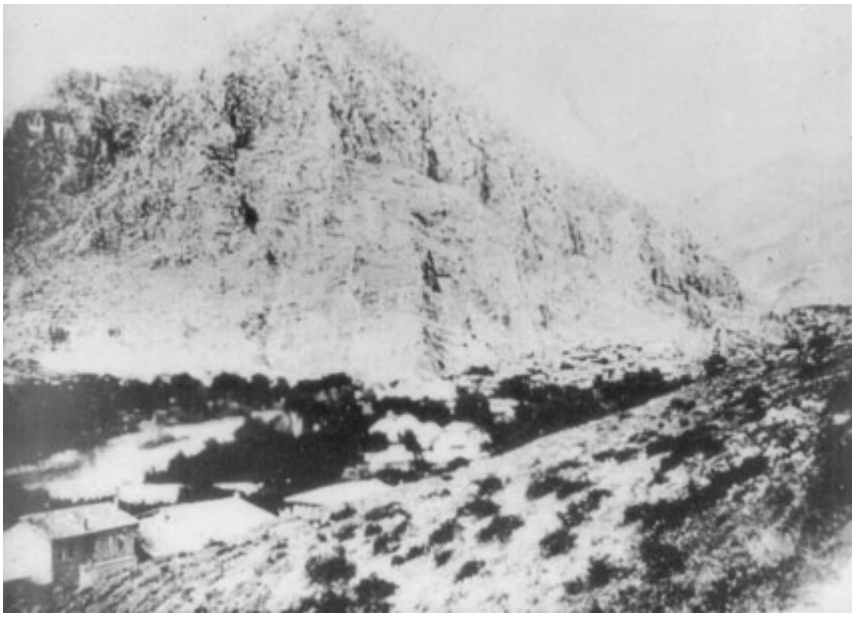
Опубликованные здесь фотографии были сделаны Арминoм Вегнером и другими немецкими офицерами в 1915-1916 годах. Они взяты из архива Вегнера и любезно предоставлены его сыном составителю данного издания. Большинство исторических фотографий было передано самим Арминoм Вегнером в распоряжение братьев С. и А Серапян и Г. и В. Памбакян из армянской общины Италии во время посещения им «Армянского дома» в Милане в апреле 19б8 года. Выбирая фотографии, составитель исключил некоторые из них, руководствуясь принципом гуманности и здравого смысла. Существует множество других фотографий Вегнера, передающих факты еще более

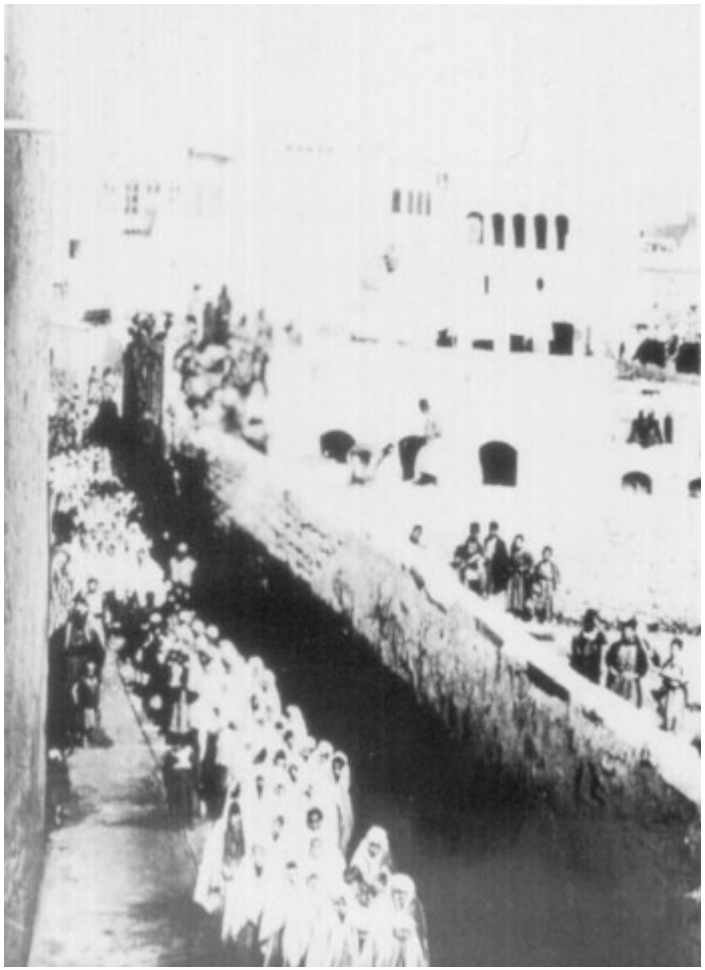
шокирующей жестокости.

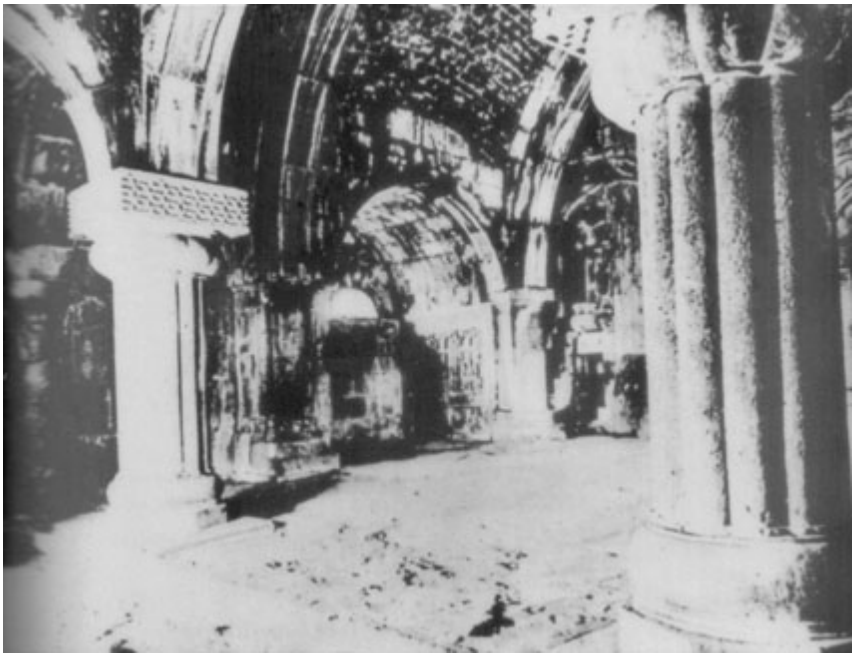
Подписи, сопровождающие фотографии, принадлежат перу Армина Вегнера. Перевод А Рыжевской и Н. Гололобовой.

Места обитания армян

...Из своих жилищ, в которых они жили более двух тысяч лет, из всех частей страны, с каменистых высокогорных перевалов, с берегов Мраморного моря и из пальмовых оазисов юга армяне изгнаны в эту пустынную котловину под предлогом — звучащим как издевательство над человеческим разумом — необходимости найти им новое место жительства...

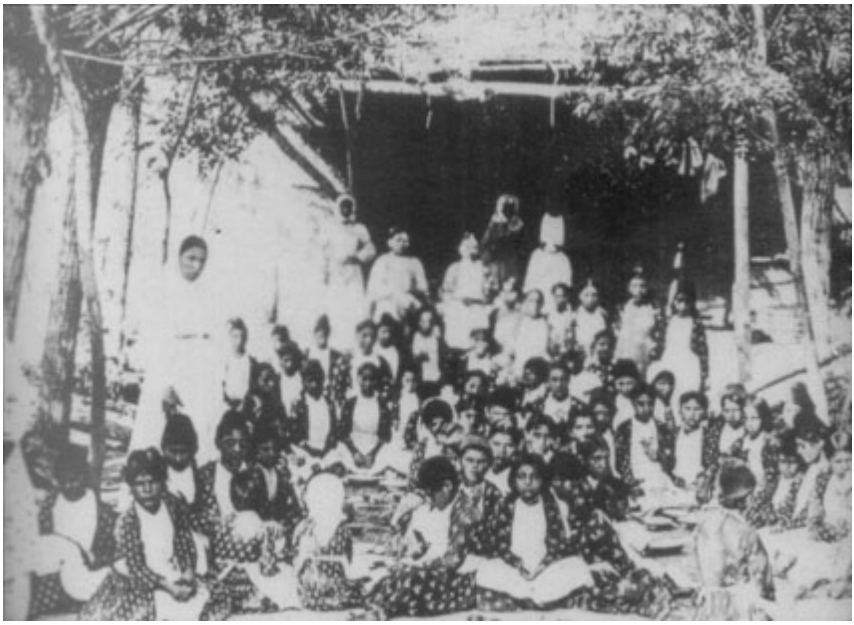






Армянские женщины

...Это люди, говорившие на всех языках земли; их жены и дочери привыкли сидеть в качающихся креслах за изящно накрытым столом, а не скорчившись возле ямы, вырытой в песке пустыни...



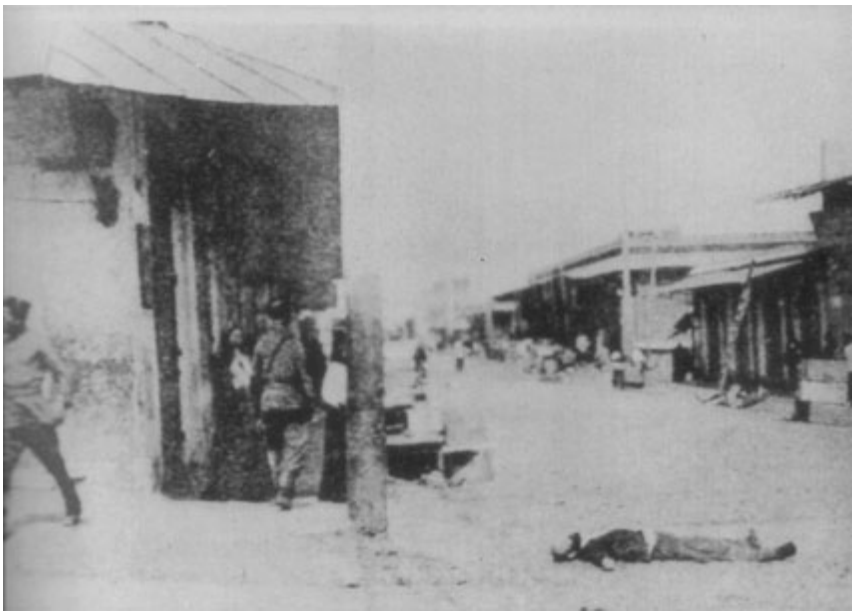
События, предшествующие трагедии

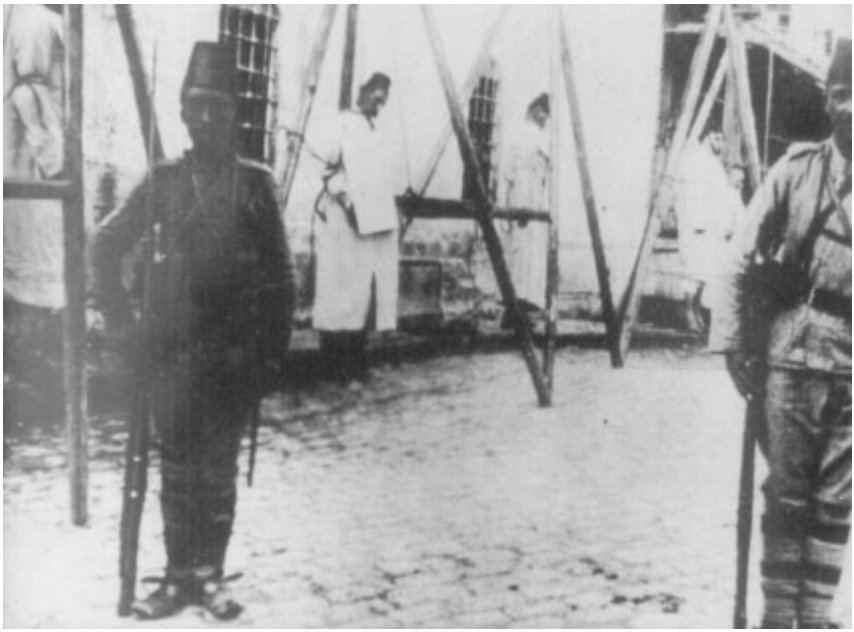
...Я не обвиняю простой народ этой страны, чья душа глубоко честна; но я думаю, что каста властителей, направляющая его, никогда за всю историю не будет способна сделать его счастливым, после того как она полностью уничтожила нашу веру в их способность стать цивилизованными и навсегда лишила Турцию права управлять сама собой...

Многие тысячи армян силой обращены в ислам, тысячи детей похищены, тысячи увезенных женщин превращены в рабынь в турецких гаремах...

Поспешные казни

...Их расстреливали, вешали, травили, резали, душили, топили (...) Они умирали всеми смертями, возможными на земле во все времена...

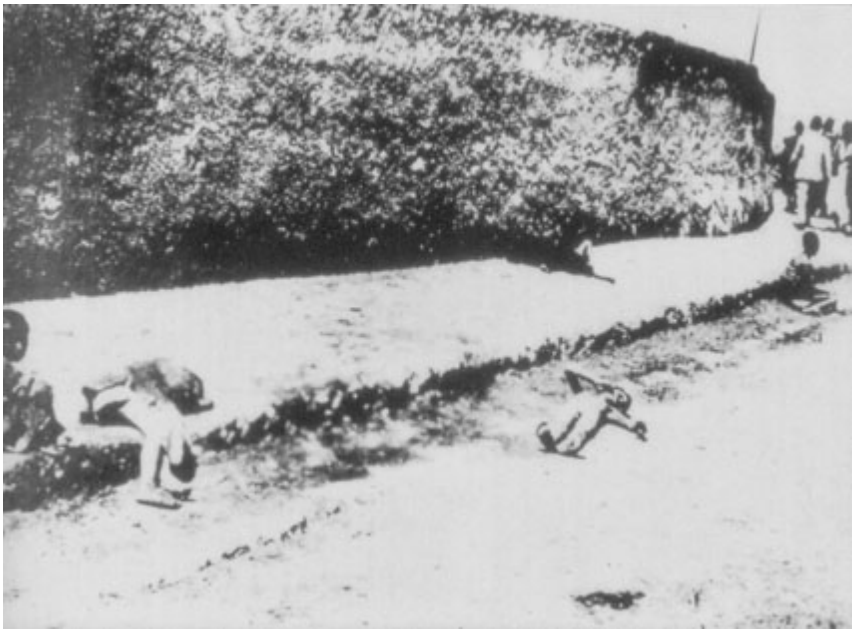




Повешенный армянин на улице Константинополя еще до изгнания армян в пустыню. Дощечка на его груди говорит о том, что он был обвинен в предательстве. Вокруг любопытная толпа: одни испуганы, для других это просто зрелище. На руках у одной женщины ребенок, который наблюдает эту жуткую картину. Рядом с повешенным — турецкий офицер, повернувшийся спиной, наверное, чтобы его не сфотографировали.

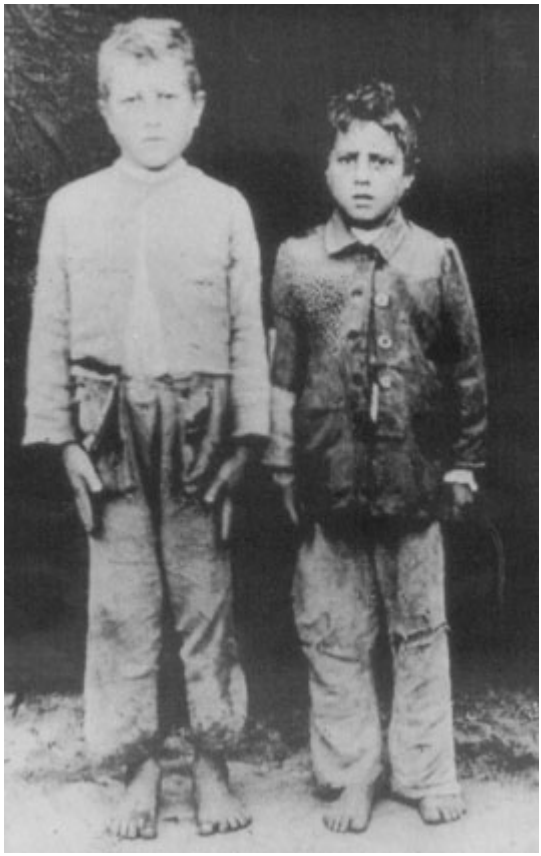
Жертвы и разрушения

...Мужчин убивали во множестве, бросали в реку закованными в наручники и связанными друг с другом веревками и цепями; спускали со склонов гор со связанными руками и ногами; женщин и детей продавали на публичных торгах; стариков и подростков гнали по улицам смертоносными ударами палок на принудительные работы. Навеки замарав руки этими преступлениями, их мучители на этом не останавливались и продолжали преследовать народ, лишенный своих вождей и представителей, выгоняя людей из городов во все часы дня и ночи, поднимая полуодетыми с постели; они жгли селения, разоряли дома, разрушали церкви или превращали их в мечети, уводили скот; у них отбирали осла и повозку, из рук вырывали хлеб, отнимали детей, вынимали золото из волос и изо рта...



Сироты

...Но все это — ничто в сравнении с чудовищным зрелищем множества сирот: их толпа растет день ото дня (...) Некоторые из них непрерывно плакали. Их нестриженые пожелтевшие волосы свисали на лоб, лица были липкими от грязи и слез...



...Эти детские глаза казались непроницаемыми, они ввалились от горя. Дети молча смотрели прямо перед собой, но на их лицах как будто запечатлелся самый горький упрек миру...

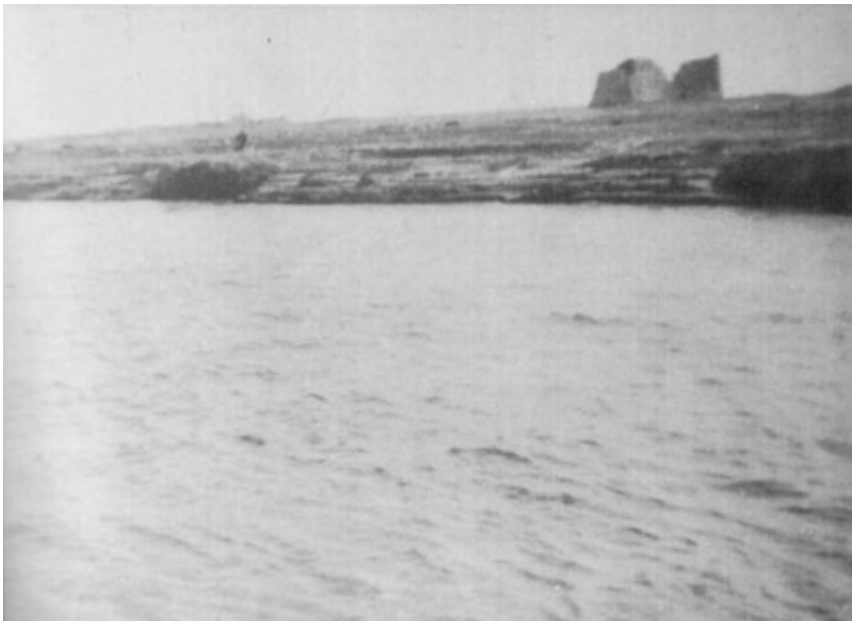
Брошенные армянские сироты. Турецких военных, жандармов и солдат из конвоя не трогали ни слезы самых маленьких, ни невинные взгляды вопрошающих, удивленных глаз. Они хладнокровно высылали и убивали их.

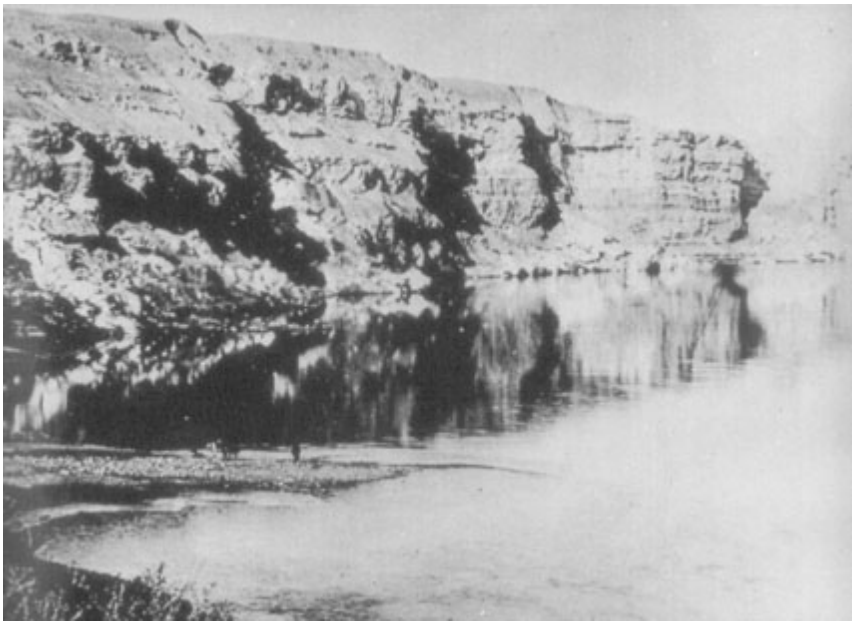
Караваны смерти

...По железной дороге или с помощью других средств передвижения они толпами прибывали в последний город на краю пустыни, Алеппо. Мэр Алеппо был гуманным человеком, и он телеграфировал министру внутренних дел Талаату: «Сюда прибыли тысячи высланных армян. Что мне с ними делать?» Талаат же, будучи заклятым врагом армян, ответил такой телеграммой: «Цель высылки — никуда». Это еще одно слово, которым называли пустыню...

Пересеченная местность

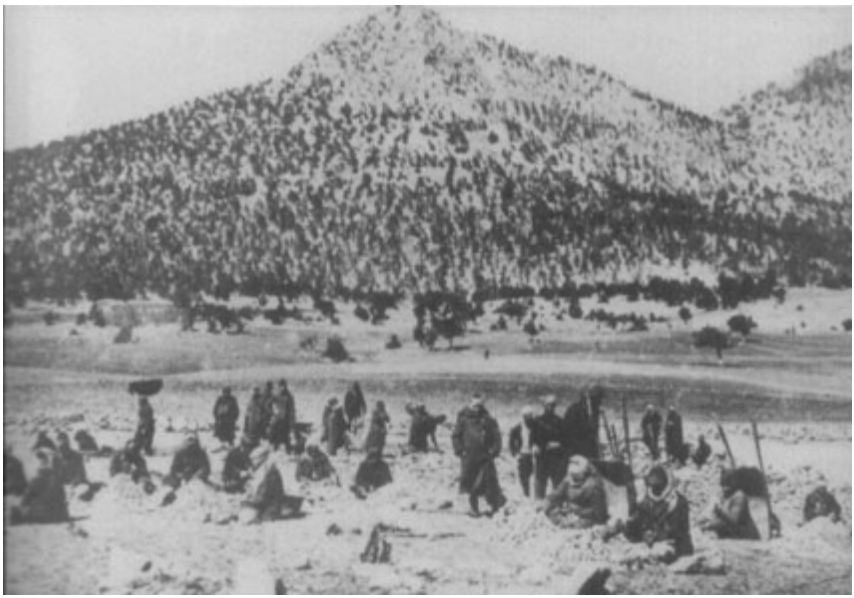
...Но что такое Сибирь по сравнению с пустынями Месопотамии? На обширных пространствах не увидишь ни травы, ни деревьев, ни домашнего скота, и только изредка попадается скудная растительность. Здесь нет людей, хотя бы сколько-нибудь наделенных чувством сострадания. На многие мили тянутся серые глинистые равнины, голые пустыни, камни и скалы, обвалившиеся берега рек, опаленные безжалостным солнцем. Нескончаемые осенние дожди, холодные зимние ночи, оставляющие после себя покров изморози. Кроме двух широких рек, здесь нет других источников воды. В редко встречающихся маленьких деревнях едва кормится горстка арабских бедуинов, которые живут в крайней нищете и на любого постороннего человека смотрят как охотник на желанную добычу...





Исход целого народа

... Под непонятным предлогом войны, который никто не может оправдать, уже поредевшие толпы людей, изнуренных болезнями и лихорадкой, гнали без передышки босиком за сотни миль по дорогам, раскаленным от зноя, через каменистые ущелья, по холмам без дорог к полутропическим болотам, в пустыню, где не было ничего...



...У меня до сих пор стоит перед глазами этот исход целого народа, изгнанного со своей земли...

Дорога без возврата

...Поток отверженных, сотен тысяч беженцев, тянется вдоль перевалов Тавра и Амана. Он замедляет свое течение у подножия гор, разбиваясь на тонкие струйки, и скользит невидимыми колоннами вниз, к равнине, чтобы затем рассеяться и исчезнуть в пустыне. Куда они идут? Куда? У этой дороги нет возврата...

Бегство от смерти. Армянская мать на вершинах Таврских

гор. Ее муж был убит, расстрелян, брошен в тюрьму или сослан на каторгу. У нее на плечах малыш и все имущество, которое она смогла унести с собой: покрывало, чтобы укрываться на время сна и делать из него навес от солнца, и деревянные палки. Головы прикрыты от солнца платками. Сколько еще она сможет нести этот груз? Государство позаботилось о том, чтобы их довезли до подножья Таврских гор на поезде. В 1915 году поезд не мог идти дальше, так как тоннель был еще не достроен. Отсюда беженцы должны были продолжать свой путь пешком.

Лагеря смерти

...Случилось так, что фельдмаршал фон дер Гольц вместе с турецким и немецким офицерами ехал на машине через пустыню, направляясь в Багдад более короткой дорогой, а его офицерский корпус (подчиненные ему помощники и врач) следовали в том же направлении, но намного медленнее. Когда вечером или ночью мы останавливались для отдыха, часто проходили мимо лагерей, где беззащитные армяне, изгнанные в пустыню, ожидали медленной

смерти. Турки всячески отрицали существование этих лагерей. Немцы здесь не проезжали и делали вид, будто их нет. Я был единственным, кто там побывал, хотя это и было опасно для здоровья, так как среди беженцев распространялись многие болезни. И это являлось одной из причин, почему немцы предпочитали туда не ходить. Во-первых, будучи союзниками Турции, им не хотелось замечать этого, а во-вторых, они боялись болезней и инфекций...

Лагерь беженцев в пустыне. И это только начало изгнания. Одежда уже обветшала. Платье одной из женщин порвано на плече, и видно, что под ним надето еще одно. Многие армяне — как мужчины, так и женщины — надевали на себя несколько слоев одежды, так как знали, что им предстоит долгий путь.

Семья армян закрывается от палящего осеннего солнца несколькими покрывалами.

...Я видел обезумевших людей, поедавших собственные экскременты, женщин, жаривших трупы своих новорожденных детей, девушек, разрезающих еще не остывшие тела своих матерей, чтобы найти в кишечнике проглоченное золото, спрятанное таким образом от алчных надсмотрщиков. Многие лежали в развалившихся караван-сараях в кучах совершенно разложившихся

трупов, безразлично ожидая смерти: сколько еще можно было продлевать свою жалкую жизнь, выискивая зерна в лошадином навозе или питаясь травой?

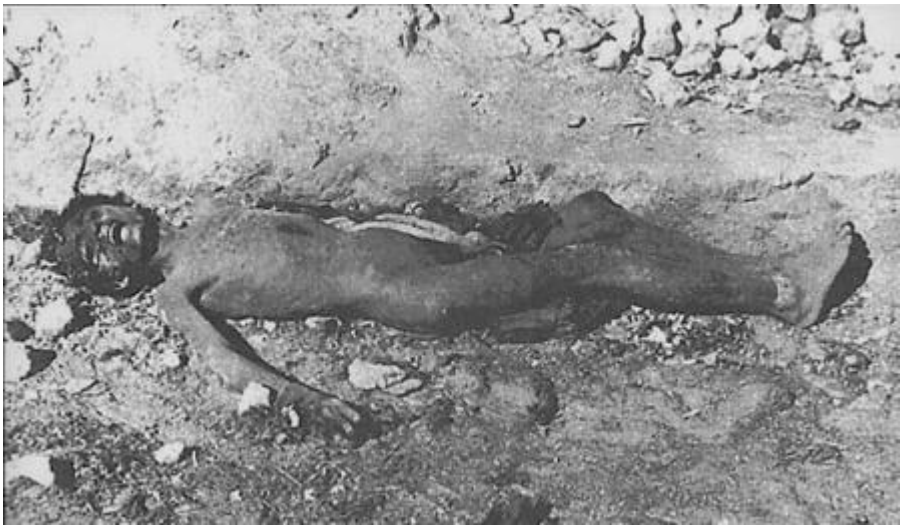
Похороны в пустыне

...Ближе к вечеру я сел с одним священником, отцом Арсланом Дадишдом, у входа в его палатку и попросил его рассказать о перенесенных страданиях, о восьмистах семьях, вместе с которыми он был депортирован, о тысячах людей, похороненных им в пустыне, среди которых было 23 священника и один епископ. Их глаза кричат мне: «Ты немец и союзник турок... Значит, правда, что и вы этого хотели!» Я опускаю взгляд. Как мне ответить на их обвинения? Священник вынимает из кармана маленькое распятие, завернутое в тряпку, и благоговейно целует его, и я не могу удержаться, чтобы тоже не поднести к губам этот крест, ставший свидетелем такой боли и стольких человеческих страданий...

...Я опять слышу голос священника. Он с волнением спрашивает меня: «Может быть, вы встречали армян в городах на берегу Евфрата?» (...) «Мы знаем, что умрем». Он смотрит на свою изорванную рясу и говорит: «Когда-то я был священником, а теперь — я овца, которая идет, чтобы умереть»...

Геноцид

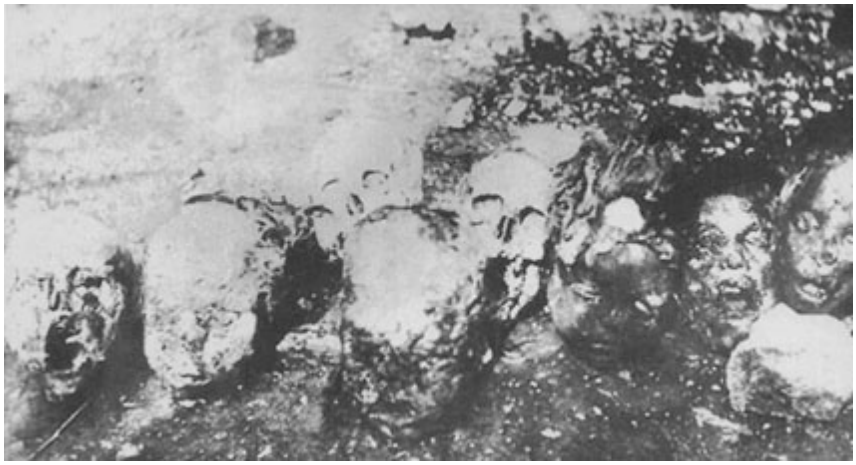
...Так, они погнали целый народ: мужчин и женщин, стариков и детей, беременных женщин и грудных младенцев в пустыни Аравии с единственной целью — обречь всех на голодную смерть...



Тела армянских детей и юношей, скончавшихся от голода, свалены в кучу за стенами арабской деревни. У некоторых забрали одежду; среди мертвых — умирающие, завернувшись в одеяла, чтобы укрыться от ночного холода, дожидаются своей неминуемой смерти.

Их поглотила пустыня

...Я шел в темноте вдоль реки и увидел большую кучу человеческих костей, ссыпанных в яму. Белые черепа, все еще покрытые волосами, тазовая кость, хрупкие ребра младенцев, загнутые, как заколки для волос...



...Последний труп? Мы входим в заброшенную гостиницу, полную грязи и дурных запахов, и видим его, лежащего на спине в дверном проеме. Это тело армянского подростка, отощавшего от голода. Волосы светлые, как солома, тело превратилось в кости, обтянутые кожей, кисти и ступни похожи на деревяшки. Только на левой руке еще остались лохмотья одежды...

...В этой стране жило около двух миллионов армян. Все они были изгнаны: 200 000 из района Эрзерума, 200 000 из Сиваса, 100 000 из поселений Киликии, многие из процветающих городов Анатолии, из Диарбекира, Вана, Исмета, Анкары и Алеппо.

Полмиллиона человек было уничтожено или умерло от голода. Их поглотила пустыня...

Письма с Ближнего Востока

Смерть на Босфоре

В декабре 1918 года берлинский журнал Der Neue Orient *опубликовал длинный текст Армина Вегнера под названием «Смерть на Босфоре». Это письма другу-политику, написанные Вегнером в Константинополе осенью 1915 года, в которых он делится своими мыслями о Турции и о союзе Германии с ней в начале войны.*

1 апреля 1915 года Вегнер был направлен в Константинополь. Летом 1915 года он служил санитаром в полевом госпитале в Родосто (ныне Текирдаг, на Мраморном море) и на корабле-лазарете на Мраморном море возле Галлиполи (или Гелиболу, за Дарданеллами), где какое-то время содержался под арестом за нарушение субординации. Осенью, после краткого отпуска в Германии, он был переведен в немецкую военную миссию в

Константинополь. Здесь он и написал «Смерть на Босфоре», откуда взяты приводимые ниже отрывки. Вегнер датировал свой текст периодом с 3 августа по 10 ноября 1915 года и написал следующее примечание: «Эти письма были написаны осенью 1915 года в Константинополе для Германии, это было время, когда большинство немцев еще верило в то, что нашим мечтам относительно Ближнего и Среднего Востока уготовано счастливое будущее. В них уже тогда предсказывалась ситуация, в наступлении которой сегодня уже нельзя сомневаться».

В этих письмах Вегнер впервые касается депортации и резни армян, а также обвиняет младотурецкие власти в продолжении насилий, совершавшихся при Абдул-Гамиде. 1 ноября 1915 года Армин Вегнер был определен санитаром-помощником фельдмаршала фон дер Гольца и через несколько дней уехал в Багдад в составе его эскорта.

Письма другу-политику
(*отрывки*)

Никто не сможет нести два арбуза в одной руке

Арнауткой[95], 3 августа — 10 ноября 1915 года,
Айо Нуфри, на Босфоре.

[...]

Да, я желал, чтобы немецкие офицеры, проникаясь важностью своих обязанностей и собственной национальной гордостью, надевали светлые военные мундиры, а иногда и радующие глаз привлекательные одежды в османском стиле. Это позволило бы им избавиться от некоторого разочарования, а нам от некоторой враждебности. Со временем они, конечно, научатся этому и окончательно откажутся от большей части своих суждений. От фельдфебеля до адмирала, от командира орудия до немецкого маршала, которые сообща помогают закрыть на задвижку Дарданеллы — дело, которое в истории Турции будет, однако, восприниматься только как «подвиг вечной славы смелых и бессмертных османов, проливающих свою священную кровь за свободу страны», — все они сетуют на неверие в будущее этой нации и страдают от тоски по Германии не меньше, чем от тифа или дизентерии. Так обстоят дела у большинства тех, кто оказывается в этом блестящем городе вечных иллюминаций и религиозных праздников. Они заряжаются вдохновением и

надеждой на будущее, как пироксилином: они заряжаются неизлечимой ипохондрией. Временами в них вселяется надежда, пока их не охватывает уныние, и так продолжается до наступления полнейшего разочарования. И я разражаюсь веселым смехом, когда думаю о бессовестных глашатаях будущего, jeunes commis voyageurs en politique turque[96]. С соломенной шляпой в руке они бродили по приемным военного министерства и салонам Перы[97], а теперь вводят в заблуждение людей, пересказывая неоправданные надежды и пророческие откровения нашей патриотически настроенной прессы. Прессы, в которой общественное мнение Германии умирает в концентрационных лагерях наших цензурных властей от недоедания и от свободы маневрирования.

Не верится также, что мы здесь являемся желанными гостями. Нас принимают любезно и дружественно, как это свойственно восточному человеку, жестом руки приглашающему сесть в мягкое кресло: нас настойчиво упрашивают ничего не делать. Однако в сущности нам не доверяют. К нам с любовью относится анатолийский крестьянин, пострадавший от войны и стремящийся к миру. Однако у турецкого солдата, офицера, государственного деятеля, министра наша нордическая нетерпимость и строгость вызывают отвращение. В этом проявляется инстинкт ненависти и темперамент протеста, как бы ни были велики желание отдельных лиц и далее действовать успешно, а также их убежденность в необходимости нашей помощи в настоящий момент.

[...]

Возможно, ты скажешь, что этот город является воротами на пути к новым странам, мостом к новым привлекательным дорогам, на которые мы выйдем лишь позднее. Однако как часто я стоял на террасах Босфора, на пыльных прибрежных улицах Галлиполи, как на самом краю Европы, и вглядывался в Анатолию. Я видел, как спускались с гор толпы людей, облаченные в пестрые лохмотья, как, держа узлы с бедными пожитками на коленях, они длинными рядами садились на корточки на горячей азиатской земле, чтобы с рассветом наконец получить свое ружье и свою униформу. За этими солдатами я наблюдал в их палатках в разное время, в ходе их трапезы, вслушивался в их странные песни, когда они, втиснутые в железнодорожные вагоны теснее, чем скот, ехали поездами в Галлиполи. В городах азиатского побережья я наблюдал за

армянином, когда он прилежно трудился, за греком, когда он лукавил. В лазарете и дома я с проворством греческих служителей, отличающихся ненадежностью и любовью к безделью, должен был выполнять печальные обязанности, сидел у смертного ложа анатолийских крестьян. И я научился их любить, так как они своей неповоротливостью и широкими бедрами напоминали мне северогерманских крестьян той тяжелой, наклоненной вперед поступью, которая никогда не позволяет забыть, что они всю жизнь шагали за плугом. Впоследствии я почувствовал, как во мне росла тоска по этой стране, будущее которой олицетворяют эти люди. Временами, когда я думаю о тех невообразимых богатствах, которые скрывает эта страна поздно признанных талантов, я не перестаю сожалеть, что не стал сельским хозяином или знатоком сельского хозяйства. И хотя я перепробовал много профессий, у меня временами появляется неодолимое желание стать фермером, строителем дорог или колонистом. Эта страна могла бы олицетворять собой для многих народов полное счастье и конец нищеты.

Но я также знаю, что в тот же самый час, когда я пишу эти строки, по ту сторону пестрых, окружающих ленту Босфора высот, на зеленый кустарник которых я в эти долгие дни часто устремлял испуганный взгляд, расположилась вымершая и обезлюдевшая страна. Знаю, что за этими молчаливыми кулисами разыгрался ужасный кровавый театр, актерами которого выступают трупы, и на его окровавленной сцене, протянувшейся от подножья Кавказа до берегов Тигра, начался новый исход армянского народа в пустыню.

Говорят, что армянские солдаты предали страну, угнетавшую их. Русские оккупировали Ван. Но турок не удовлетворяется тем, чтобы уничтожить предателей и шпионов. Он не устраивает суда — обширная сеть его полицейских учреждений, раскинутая по стране, развалилась. Он не собирается вести расследование, не проводит никаких различий, он словно гусеница шелкопряда обволакивает себя недоверием. Виновата кровь. И он пользуется роковым моментом, когда европейские народы заняты решением собственной судьбы, когда их руки несвободны и обагрены кровью. Он уже полвека жестоко преследует своих вечных внебрачных детей, даже негромкий протест которых вызывает возмущение у людей Запада, обремененных повседневными заботами.

Куда подевалось молодое мужество пробудившейся Турции,

которая, испытывая отвращение к собственным действиям, опомнилась, хвалилась, что остановит развязанное в Сирии Абдул-Гамидом уничтожение народа, а также хвасталась, что залечила раны той варварской бойни, в ходе которой на алтарь Аданы[98] было принесено 20 тысяч человеческих жертв? Но я не стремлюсь докопаться до причин ее действий, которые для нас останутся навсегда непонятными. Я понимаю, что мы здесь сталкиваемся с одним из тех дел, которые неожиданно и непонятно, словно сумасшедший, творит это правительство. И жестоко разрушаются все прекрасные добродетели, не без усилий выращенные нами в сердцах этих людей. Что сказал бы революционер Энвер, если бы из-за него весь османский народ был приговорен к смерти? Или я должен верить голосам, которые мне в ночных беседах шепчут: вся вина на нем? Молодая Турция, обманным образом вселившая в нас огромное доверие к ней, творец магометанского государства, должного стать мусульманской великой державой, предстает в своих собственных владениях не менее дряхлой и болезненной, чем ее более старые предшественники.

Так и будут соседствовать друг с другом обе части между смертью и жизнью. И, как всегда, ислам, использованный и осквернённый ради неблагочестивых целей, здесь также становится прикрытием всех преступлений. Эта религия утратила свою творческую силу и давно перестала проявлять свое господство над благородным магометанином Запада. Он чувствует себя полнейшим европейцем, воспитание которого часто ограничивается ношением новых национальных одежд и другими формальностями. Законы Корана служат ему для охраны и как щит против угроз извне, а если надо, то и для оправдания всяческого произвола, противоречащего принципам гуманности. Однако тайная власть этих законов не затрагивает его души. Они могут быть хороши для грузчика, продавца изюма, для народных масс, для многих сотен тысяч бедняков, которые являются подлинным богатством этой страны. Их трогательные и благочестивые сердца при всей слабости и робости и сегодня святы. Ослепленные суеверием отцов, они лежат скованными во мраке лабиринта, в который привел их Коран с таким удивительным и гибельным безразличием и хладнокровием. Из такого состояния их не сможет пробудить даже священная война. Затвердевшая рука Магомета давит своей тяжестью на этот народ. Его мужчинам не свойственен святой гнев недовольства, пробудивший из вековой спячки массы западного пролетариата. Женщины же этого народа, запертые в деревянных клетках,

подобно пойманным зверям, рожают несвободных и хилых детей. Однако доброе послание нового исламского пророка было бы призвано искупить это проклятие. И тогда проявились бы силы, которые по-иному и творчески преобразовали бы душу народов Магомета в соответствии с новым учением. Его верховный принцип мне изложил один француз: «Ouvrez le harem et fermez le Coran[99]». Этот пророк проклят на то, чтобы никогда не родиться.

Ислам поднял этот народ до высочайших вершин. И я думаю, что его судьба в том, чтобы вновь рухнуть в пропасть со всеми своими старыми нравами и обычаями, со своим искусством, ради которых внуки его создателей начали терять любовь и сочувствие. Бессмертные откровения Востока, которые мы любили и у которых мы учились в нашем детстве, в зрелом возрасте нас изумляют, и мы находим этому подтверждение. Меня охватывает грустное сожаление, когда я вижу, как даже исследователи с помощью забытых и вновь открытых сказок тысячи и одной ночи, с помощью заброшенных храмовых залов крепости Альхамбра, являющихся в действительности арабским творением, хотят доказать, что душа османов способна к обучению. Когда они в прахе столетий разыскивают удивительные остатки прошедших времен и восторженно показывают нам их жалкие следы, они мне напоминают те печальные фигуры, которые бродят по пожарищам Перы и в дымящихся развалинах ищут медь, железо, оконные решетки, ржавые дверные звонки. Они как бы хотят с помощью жалких находок доказать свое состояние, красоту своих домов, давно уничтоженных огнем.

[...]

Но мне казалось, что за обворожительным блеском этих красок и высоких должностей, за противоречивой массой полководцев, сотрудников генерального штаба, офицеров, чиновников я всегда видел одно и то же лицо. Им я не мог отказать в своем восхищении. Меня из их близкого окружения вновь и вновь отталкивала вечная отчужденность. Возникал мир ужаса и уничтожения, который в безумии смерти и в страхе перед теми, кто вместе приносил клятву, прибегал к старому, издавна проверенному средству уничтожения, изгнания и массовой резни. Это средство представлялось в их глазах только законным действием. Оно не воспринималось иначе даже теми, кому пришлось бы от этого пострадать. Они стремились талантливо и прилежно изучать положения нашего права и нашей справедливости, дух нашего солдатства, средства полиции,

достижения науки, успехи техники, суть нашей управленческой системы — и все это ради того, чтобы найти в этих областях новые и более ужасные средства уничтожения. Упоенные быстрым успехом, они были готовы забыть жертвы, принесенные многолетней добротой, предать друзей и еще раз показать нашему не менее удивленному взору одну и ту же пьесу японской бессердечности. Охваченные безумием самоутверждения и ослепленные упрямой мечтой исламского рейха насилия, они убивали армянских подданных и сирийских христиан, разрушали их фабрики и виноградники, их жен и детей отправляли на смерть в пустыню, казнили арабов, вынуждали греков покидать свои города. В их руках нож врача превращался в ужасное и опасное для жизни оружие, и на их губах святая вода нашего духа становилась ядом[100].

Дорога без возврата. Мученичество в письмах

(отрывки)

Книга Дорога без возврата[101] *состоит из писем из Турции и Месопотамии. Она представляет собой самое страшное свидетельство о трагедии армянского народа, ставшего объектом геноцида. Повседневность, заполненная «тысячью рук, протянутых в мольбе» и образующих «живую изгородь, которая плачет, просит и кричит», превратит голос Армина Вегнера в призыв, бессильный вопль, который никогда не сделает его свободным.*

Особенно поражает контраст между первым письмом к родителям от 2 ноября, полным лихорадочного волнения, с трудом сдерживаемой радости в ожидании предстоящих ему новых впечатлений, и остальными письмами, в которых ощущается «шелест смерти», столь близкий, что он уничтожает всякую надежду на жизнь.

Предисловие

Посвящается убеленному сединами любимому другу.
Высокая пальма и крошечный росток исчезли.
Я остался один.
(Из арабского песнопения)

Эти письма говорят о смерти. Некоторые из них адресованы умершим. Я писал их, не зная о том, что когда-нибудь соберу их в книгу. Но зрелище массовых убийств на фоне бледного горизонта выжженной пустыни невольно родило во мне желание хотя бы отчасти рассказать о том, что меня мучает, рассказать не только моим близким друзьям, но и более широкому, невидимому кругу людей. Это желание не оставило меня даже в тот трудный час, когда я написал последнее, прощальное письмо у стен города, окруженный многими милями одиночества, и осознал, что мне придется свести счеты с жизнью.

В то время некоторые из моих писем были опубликованы в Германии, где произвели сильное впечатление и даже вызвали некоторое смятение. Одно из них, перехваченное цензурой, стало причиной того, что меня отозвали из Турции. В силу всего этого, а также из-за моего сострадания и сопричастности к этому несчастному народу ужасную судьбу которого я видел собственными глазами, после возвращения на родину из Багдада мне не разрешили снова поехать в эту страну. Я больше не увидел землю, которую полюбил за ее величественные пейзажи и за огромную боль, пережитую мною на ней. Когда из-за бюрократических проволочек мое возвращение из

Константинополя было отложено, меня арестовали солдаты Германской Военной миссии и продержали на небольшом судне, стоявшем на якоре в бухте Золотого Рога, вплоть до момента моего принудительного отъезда.

Итак, эти письма относятся теперь не только к тем немногим людям, которым они были адресованы. Они стали свидетельством пройденного пути, усеянного страданиями, неудержимого стремления рассказать о сражениях того времени, когда, думаю, лишь некоторые отдельные души умели сказать то, о чем сегодня многие могут говорить громко и ясно. Это правда: старый мир все еще окружает меня.

И мне не суждено было вернуться с той печальной дороги, на которой неведомая судьба меня сохранила. Изменилось ли мое сердце? Или дыхание моей разрушенной родины побуждает меня тщетно искать людей, мысли и обстоятельства, которые я оставил, чтобы никогда не найти вновь?

Берлин, январь 1919 г.
А.Т.В[102].

К родителям

Константинополь, 2 ноября 1915 г.
Написано под горячими лучами осеннего солнца

Когда вы станете читать эти строчки, я уже буду далеко от этой страны. Я отправляюсь в Багдад. Вчера меня назначили в Военную миссию, лишили всех званий, и теперь я всего лишь простой солдат и получаю столь малое жалованье, что и не знаю, как смогу выжить. Буду спать вместе с турецкими солдатами и питаться отбросами, как крыса.

И все же мне повезло. Меня определили санитаром в корпус фельдмаршала фон дер Гольца. Я боролся за это место! В течение пяти дней пытался успокоить учащенный пульс при помощи пантопона и тинктуры валерианы, чтобы меня признали способным выдержать тропический климат. Но меня обуревало душевное возбуждение, лихорадочная жажда придать этой войне новую форму и значение — хотя бы для меня самого, прилагая для начала определенные усилия со своей стороны. Из-за этого мой пульс доходил до более восьмидесяти ударов в минуту, как только я ступал на лестницу, ведущую в здание министерства.

Так или иначе, я справился. И теперь держу штурвал моей жизни в своих руках. Я увижу Багдад, Тигр, Моссул и Вавилон. Я полностью осознаю, какой важный шаг совершил: перестал быть санитаром-добровольцем и сделался таким же солдатом, как все. Моя душа свободна, как птица, меня могут послать в Германию, в траншеи Суассона — со мной могут сделать все, что угодно. В конце концов, в такой долгой войне и мне негоже бесконечно избегать зловещей петли, непрерывно нависающей над нашими головами. Ведь никто не может предвидеть превратностей жизни, которые, во всяком случае, всегда застают меня готовым ко всему, даже к смерти, если так тому быть. Но если дойдет до этого, я погибну сам по себе, а не за родину. Меня крайне печалит невозможность умереть из любви к человечеству! Как бы то ни было, я совершил этот шаг, поставил жизнь на карту в игре за ценности своей души. Я счастлив. Мы отправляемся через неделю.

Видите кавалькаду всадников в развевающихся на ветру папахах, со звенящими саблями, болтающимися погонами и позолоченными лентами на груди? Видите, как они гарцуют по краю пустыни, то пересекая водные потоки, то направляясь к холмам? Среди них худощавая фигура всадника, его голова слегка наклонена вперед. Как хорошо сидит на нем форма! Он офицер? Нет, знаков различия не видно, это обычный солдат. Это ваш сын. Он рад и здесь учиться жизни с позиции подчиненного; ведь мы никогда не видим так остро хорошие и плохие стороны людей, как находясь под их началом. Распахнув глаза, в трепетном волнении ваш сын следует за ними с желанием прощать, полный любви к этой земле и всегда готовый склонить голову перед жизнью.

Еще вчера я был с вами, ныне сижу за этим столом. Еще вчера находился там, в городе, а теперь снова в пути, в новом направлении. Еде окажусь сегодня? А завтра?

Германская Военная миссия
Солдат медицинского корпуса[103]

К монахине из Гюль-Хане Марге В. Бонин,
утонувшей 14 октября 1917 года во рву Трески

В столовом бараке в Рас-Ул-Айне, 26 ноября 1915 г.

Дорогая моя Дистель и вы все, дорогие мои цветы дома Роз! Я будто и сейчас вижу, как Вы, в белом монашеском облачении, проходите по залам, как по великолепному саду. Но розы, цветущие под Вашими руками, — это кровоточащие раны. Какое печальное письмо получил я от Дистель, обычно пребывающей в хорошем настроении, вечно взъерошенной ветром и такой некрасивой! Мне вручили это письмо в поезде в Бофанти, и мне вспомнились ваши лица, немного сконфуженные, когда вы провожали меня на вокзал.

Сегодня мы проехали Аман, два дня назад — гору Тавр.

Ее каменная глыба, поросшая редким хвойным лесом, возвышалась над землей и напоминала нищего, чья кожа обожжена солнцем там, где ее не прикрывает слишком короткая одежда. В грузовике, в котором трясло, как в штормовую погоду на море, мы, покрытые потом, смешанным с дорожной пылью, съехали вниз к призрачной равнине Киликии. Светила почти полная луна. Кто-то заметил дым, поднимающийся от ночных палаток, одиноко стоящих в отдалении на равнине, вдоль светлой полосы, где поблескивали во мраке языки пламени от горящих кустов хлопка. [...] Я никогда так ясно не ощущал себя живым, как в эти дни, несмотря на зрелище окружающего меня несчастья. Повсюду по краям дорог стоят армянские беженцы, голодные и страдающие: живая изгородь, которая плачет, просит и кричит, протягивая в мольбе тысячу рук; мы же проходим мимо с сердцами, исполненными стыда и боли.

Я пишу эти строки, вернувшись после осмотра лагеря беженцев. Везде голод, смерть, болезнь и отчаяние. Стоит запах нечистот и гниения. Из палатки слышны стоны умирающей женщины. Одна несчастная мать разглядела на моем мундире темно-фиолетовую эмблему медицинского подразделения и подошла ко мне с поднятыми руками.

Приняв меня за врача, она из последних сил ухватилась за меня, а у меня нет ни лекарств, ни бинтов, и мне запрещено помогать ей.

Но все это — ничто в сравнении с чудовищным зрелищем множества сирот: их толпа растет день ото дня. На краю лагеря для них вырыли в ряд ямы, покрытые старым тряпьем. Они сидели в этих ямах, голова к голове, мальчики и девочки разных возрастов, брошенные и доведенные до животного состояния,

оголодавшие, не имеющие никакой еды, даже хлеба, лишенные всякой человеческой помощи, прижавшиеся друг к другу и дрожащие от ночного холода. Они держали в окоченевших руках куски едва тлеющего дерева, безуспешно пытаясь согреться. Некоторые из них непрерывно плакали.

Их нестриженые пожелтевшие волосы свисали на лоб, лица были липкими от грязи и слез. Эти детские глаза казались непроницаемыми, они ввалились от горя. Дети молча смотрели прямо перед собой, но на их лицах как будто запечатлелся самый горький упрек миру. В самом деле, судьба как будто поместила на подходах к этой пустыне все ужасы земли, чтобы еще раз показать нам, что нас ожидает. Мне стало так жутко, что я убежал из лагеря с бешено колотящимся сердцем, и, хотя шел по ровной земле, голова у меня кружилась, как будто сама земля должна была вот-вот разверзнуться со всех сторон, образовав пропасть.

Все горные долины, берега всех рек усеяны лагерями отчаяния. Поток отверженных, сотен тысяч беженцев, тянется вдоль перевалов Тавра и Амана. Он замедляет свое течение у подножия гор, разбиваясь на тонкие струйки, и скользит невидимыми колоннами вниз, к равнине, чтобы затем рассеяться и исчезнуть в пустыне. Куда они идут? Куда? У этой дороги нет возврата. Я смотрю им вслед, вижу путь, который мне самому предстоит пройти, и думаю с невероятным и удивительным для меня ожесточением в сердце: «Они исполняют свое предназначение, а ты исполняй свое!»

И вот, я сижу в деревянном бараке. Снаружи дети с неопрятно отросшими волосами накидываются, как голодные звереныши, на выброшенные нами апельсинные корки. Я провожу долгие вечерние часы на маленьких станциях без света или в поездах. И веду со своими попутчиками вполне спокойные разговоры о смерти. С нами несколько стариков-крестьян с юго-запада, посланник из Персии и офицер из чилийского военного штаба.

Есть также люди, которые провели полжизни в колониях или в Китае, немецкие торговцы из Бассоры и Тегерана. Известие о том, что шамасы перекрыли путь вдоль Евфрата, приводит их в наилучшее расположение духа. Они рассказывают тем, кто впервые приехал в эту страну, о пережитых ими самими многочисленных опасностях. У них в запасе роскошное меню из самых интересных видов смерти: бедуины могут привязать тебя к коню и волочить по степи; или ты по простоте душевной пойдешь

к парикмахеру и подхватишь заразную болезнь; можешь съесть великолепную гроздь винограда и умереть от холеры; в щели палатки вползут сороконожки и скорпионы. Еще — гноящиеся опухоли могут уничтожить твое лицо, изуродовать тебе нос, лоб и рот. Курды выпустят тебе кишки, а персы отрежут уши. Обнаженный и смертельно раненный, ты побежишь к Багдаду, иначе твой труп будет валяться на дороге и станет добычей шакалов. Все это говорится со смехом, как будто смерть — самая занимательная тема для беседы. Ты тоже смеешься, потом идешь спать, решив быть осторожным, не пить сырой воды, чтобы тут же обнаружить, что твоя миска вымыта в зловонном пруду, запачканном испражнениями беженцев (...).

8 часов утра,
за три часа до отправления[104]

Карлу Хауптманну

Багдад, 25 января 1916 г.
По эту сторону Тигра

(...) Не следует думать, что в этой пустынной, изголодавшейся стране нет благородных и вдохновенных сердец! Однажды вечером в Алеппо, в доме немецкого торговца, я познакомился с такой изумительной женщиной, каких не встречал уже несколько лет. Она гостеприимна, любезна, соблазнительна и обладает некой тайной властью на этой земле. Ее знают далеко за пределами города. И ей удается оказывать свое магическое влияние даже на турецкое руководство.

Она сидела за столом в своей маленькой гостиной, блестя яркими сережками в ушах, и ловила каждое наше слово. Там же были профессор Колдевен, который открыл воскресший Вавилон, и старый фельдмаршал фон дер Гольц. И кто бы поверил, глядя на всех нас, что снаружи, сразу за воротами города, повсюду лежат трупы армян и что вообще мы находимся в Азии! Маршал фон дер Гольц с трудом поднялся из своего кресла, чтобы пожать мне руку (...)[105].

Завещание в пустыне

Гюго Маркусу

Багдад, 1 февраля 1916 г.

По другую сторону [Тигра]

Почему бы нам не отдавать всегда самое лучшее, чтобы утешить и отблагодарить тех, кто заслуживает нашей любви? Если случится так, что я буду уже не в состоянии это делать, прошу Вас, делайте это вместо меня! Это письмо — духовное завещание. Сколь бы это ни казалось невероятным, теперь, когда я во второй раз выздоравливаю от смертельной болезни, когда пережил угрозу унизительного тюремного заключения и множество немыслимых событий, когда вокруг всякий день таятся невидимые опасности, а воздух наполнен лазаретной отравой, когда пустыня источает на многие мили гнилостный дух падали и человеческих трупов, которые лежат даже у самых ворот города... Что же, теперь и я вынужден поверить в то, что из тысячи надежд судьба осуществляет лишь одну.

Я всегда воспринимал смерть творческой личности как преступление против зарождающейся жизни. Каждый раз во время этой войны, получая известие такого рода, я испытываю чувство смятения, какое охватывает нас, когда мы слышим об убийстве беременной женщины. В период моего выздоровления мне рассказали о том, какой я подвергался опасности, и я подумал: возможно ли, чтобы такая кипучая, живая энергия оказалась всего лишь смертным шелестом? Я никогда не ощущал себя столь далеким от смерти. И даже в те недели, когда я был в пустыне в лагерях армянских беженцев и видел, как они хоронят своих мертвецов, у меня было такое чувство, будто я послан сюда из другого мира, чтобы, вернувшись из этого ада, принести весть о вечной любви (...)[106]

Письмо к матери

Багдад, у пупка мира.
29 марта 1916 г.

Моя любимая мама!

Как описать, сколь сильно волнует меня то, что я еще существую, и эта земля до сих пор не провалилась у меня под ногами, и эти строчки донесут до Вас трепет моего дыхания? Никогда, как в эти дни, не слышал я так ясно вблизи себя шуршание смерти, не ощущал ее молчание, ее холодную улыбку. Я часто думаю: могу ли я еще жить? Имею ли еще право дышать, строить планы на будущее, фантастически нереальное, когда вокруг меня бездна мертвых глаз?

10 марта скоропостижно умер от сыпного тифа наш военный врач, и я по сей день, хотя уже прошли недели, не могу об этом говорить: меня охватывает такая боль, что я теряю покой и способность думать.

Вот уже много месяцев страшная болезнь опустошает эту бескрайнюю и всеми забытую землю. Турецкие солдаты принесли ее с собой через степь из городов Сирии и Малой Азии. Месть армян, чьи разлагающиеся мертвые тела усеивают все дороги в пустыне, все дальше протягивает свою руку, проникая в дома, больницы и палатки живых. Я до сих пор как будто вижу тело, сплошь покрытое маленькими иссиня-красными пятнышками, лежащее вблизи от меня. Наш военный врач, не ведая об опасности, раздел этого человека, чтобы обработать легкую рану. Вскоре он сам заболел: у него началась гнойная инфекция в горле.

Когда я увидел его через несколько дней, он настолько исхудал и ослаб от дизентерии, что был не в состоянии поднять голову. (...)

И вот, я ощущаю отвратительно-приторный запах лекарств и гноящихся ран, который заполнил все палаты лазарета, плыву на пароходе по Тигру из Кут эл Амары и вижу, как к каждому причалу течением прибивает новые трупы и как рядом со мной умирающие надевают на лицо маску смерти, и на меня время от времени накатывает безмолвное, дикое отчаяние: довольно! довольно! (.. .)[107]

Дневник

Сорок дней и ночей обратного пути

(*Записи из дневника*)

Абу Херера, 11 октября 1916 г.

Последний труп? Мы входим в заброшенную гостиницу, полную грязи и дурных запахов, и видим его, лежащего на спине в дверном проеме. Это тело армянского подростка, отощавшего от голода. Волосы светлые, как солома, тело превратилось в кости, обтянутые кожей, кисти и ступни похожи на деревяшки. Только на левой руке еще остались лохмотья одежды. Спускаясь к реке, я нахожу множество могил и бесчисленные следы костров.

Это и есть конечная цель страшной, безжалостной охоты?

У меня до сих пор стоит перед глазами этот исход целого народа, изгнанного со своей земли. В прошлом году я ходил по их лагерям с сердцем, охваченным ужасом. Скоро мы встретим первого беженца. Здесь обочины всех дорог усеяны костями, побелевшими от яркого солнца. В Мадене мы видим первый лагерь. Дети и женщины окружают наши повозки, напирают и ранятся о них в надежде получить ломоть хлеба или дынную корку. В Тибини беженцы устроили небольшой базар: продавцы хлеба, мяса и обуви сидят на голой земле, укрывшись от палящего солнца под рваным полотняным навесом, и предлагают свой товар. В Гаркохе я увидел, как турецкий офицер покупает жареное мясо, и в изумлении подумал: тебя гонят навстречу смерти, а ты в пустыне предлагаешь одному из твоих убийц кусок мяса в обмен на монету!

В Ракке, в грязном и совершенно запущенном лагере, я заметил тринадцатилетнего мальчика. Он потерял мать и братьев, только отец был еще жив. Мальчика звали Манвелом.

Обмотав вокруг головы белую тряпку для защиты от солнца, он на бегу дул в коровий рог и смеялся. Он пробегал мимо голодных, больных и умирающих людей, лежавших неподвижно, близких к помешательству поглощавших собственные экскременты, как еду. У него была хорошо сложенная, еще

крепкая фигура, и мне понравилось открытое выражение его лица. Мне захотелось взять его на свою повозку и увезти в Германию. В какой-то момент, встретив ясный взгляд его темных глаз, я подумал: дорогая мама, ты только что потеряла моего брата, погибшего на войне, и я хочу подарить тебе нового сына! Я попросил отвести меня к его отцу, торговцу из Александретты, которого назначили охранником лагеря, потому что он умел читать и писать. Его лицо осветилось радостью, но он был так изможден, что пребывал в каком-то оцепенении. К тому же, он очень боялся жандармов и опасался за свою жизнь, поэтому не сумел дать никакого ответа на мою просьбу.

Тогда я сам пошел к арабскому надзирателю. Я просидел с ним на циновке два часа и предлагал ему все деньги, какие у меня были. Но мальчика так и не согласились отпустить. Я даже пообещал, что попрошу разрешения увезти мальчика у Хакки Бея, чиновника в Алеппо, ответственного за лагеря. Я снова и снова пожимал им руки, повторяя, что не забуду о них по возвращении в Германию. Манвел дошел со мной до выхода из лагеря. Он хотел попытаться догнать наш караван ночью. Но я боялся, что он попадет под выстрелы жандармских ружей.[108]

Мескене, 15 октября

Ближе к вечеру я сел с одним священником, отцом Арсланом Дадшадом, у входа в его палатку и попросил его рассказать о перенесенных страданиях, о восьмистах семьях, вместе с которыми он был депортирован, о тысячах людей, похороненных им в пустыне, среди которых было 23 священника и один епископ. Их глаза кричат мне: «Ты немец и союзник турок... Значит, правда, что и вы этого хотели!» Я опускаю взгляд. Как мне ответить на их обвинения? Священник вынимает из кармана маленькое распятие, завернутое в тряпку, и благоговейно целует его, и я не могу удержаться, чтобы тоже не поднести к губам этот крест, ставший свидетелем такой боли и стольких человеческих страданий.

Я смотрю на палатки, над которыми вечером вьется дымок, и на яркую луну, восходящую в сумерках над равниной. Все это кажется таким знакомым, что можно вообразить на мгновение, будто передо мной мирная картина. Вот женщины в юбках с фартуками и открытых блузках идут на вечернюю прогулку, издали доносятся крики играющих детей... Но я опять слышу голос священника. Он с волнением спрашивает меня: «Может

быть, вы встречали армян в городах на берегу Евфрата?» (...) «Мы знаем, что умрем». Он смотрит на свою изорванную рясу и говорит: *«Une fois j'étais un prêtre, maintenant je suis un mouton qui va à mourir»*[109].

Я шел в темноте вдоль реки и увидел большую кучу человеческих костей, ссыпанных в яму. Белые черепа, все еще покрытые волосами, тазовая кость, хрупкие ребра младенцев, загнутые, как заколки для волос. На минуту мной овладело черное отчаяние, слезы подступили к глазам, как будто разрушались все надежды, исчезали все маленькие ростки любви, привязывающие меня ко всему живому. Река течет бесконечно, как в сказке, время от времени обрушиваясь с грохотом на размытые комья земли, а я иду по ее берегу, покинутый, как будто я последний человек, оставшийся на земле.[110]

Алеппо, 19 октября
У немецких монахинь

Когда в отдалении, за мягко-волнистой поверхностью земли, выступили темные очертания крепости, лошади ускорили свой бег. Больные заулыбались и стали выглядывать из повозок с проломленными деревянными днищами. Грохоча, повозки катились по каменистой дороге, как корабли, которые, хотя их мачты и сбиты ветром, все же пережили последний шторм. Мы добрались до железной дороги, и теперь у нас снова есть связь со Стамбулом.

Первым делом я навестил сестер-монахинь. Они устроили два дома для армянских беженцев, и эти дома полны детей-сирот, подобранных на дорогах. Большинство из них прибыло из Вана и Эрзерума и скиталось по пустыне больше шести месяцев. В первые недели дом монахинь был так набит детьми, что они рисковали задавить друг друга.

Во время уборки дома в колодце нашли тело маленького ребенка. При невероятном скоплении людей, в сумятице, малыш упал туда и беззвучно ушел на дно. Среди детей прячутся женщины и мужчины. Я начал записывать их истории, прибегая к помощи сестры Беатрис как переводчицы. Они очень ослаблены и боятся новых страданий, поэтому говорят неохотно, и то до определенного момента, пока на них не нахлынет поток страшных воспоминаний: тогда они разражаются слезами.

В последние дни я сделал много фотографий. Мне сказали, что сирийский палач Джемаль-паша запретил снимать в лагерях беженцев под угрозой смертной казни[111].

Я храню эти ужасающие обвинительные снимки. В лагерях Мескене и Алеппо я собрал много писем-прошений и спрятал их у себя в рюкзаке, ожидая возможности передать их в американское посольство в Константинополе, потому что почтовая служба не доставит их по назначению. Я знаю, что тем самым иду на государственную измену, но я рад хоть как-то, пусть совсем немного, помочь этим несчастным и считаю это самым важным из всего, что когда-либо делал.[112]

Кония, 28 октября
В турецкой бане

Сегодня — тридцать девятый день после нашего отбытия из Багдада. Около полудня поезд остановился, и я немного прошелся по осеннему городу. Почувствовав усталость, зашел в заброшенную мечеть, присел на корточки в выемке пола, обхватил руками голову и стал размышлять. Вскоре начали прибывать люди с улицы, в мечеть заходили солдаты. Под куполом порхали две птицы, в стенах здания отдавался эхом голос муллы, прерываемый моментами полной тишины. Обуреваемый стремительным водоворотом чувств, я подумал: где же Ты, Бог? Потом я задремал и проснулся, когда дом молитвы был уже снова пуст; как будто в ответ на мой вопрос прозвучала лишь песня бескрайней пустыни.

Завернутый в белые простыни, я распростерся на лавке в бане. Снаружи доносился приглушенный шум города, с потолка лился голубой свет. Кожу еще щипало от обжигающе горячей мыльной воды, я с удивлением увидел в зеркале свое лицо, обгоревшее на солнце, с отросшей в пустыне бородой. Временами я забывался, погружаясь в сон, и тогда передо мной неистово и устрашающе вставало произведение, которое должно было стать одним из самых беспощадных из всех, что были написаны во все времена о человеческих несчастьях.

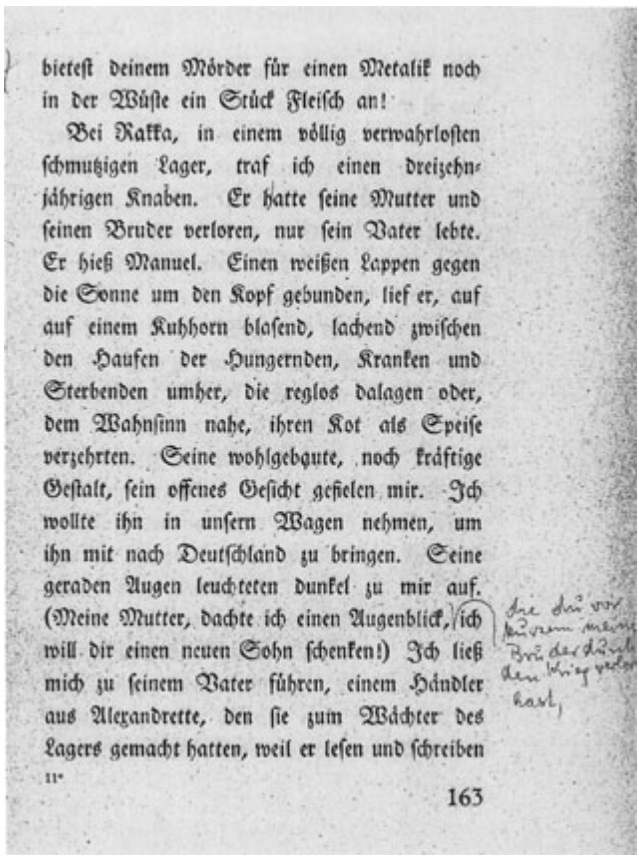
Перед отъездом из Алеппо я пошел в полицию, чтобы подать ответственному за лагеря прошение о Манвеле.

Ответственный находился в своем кабинете — я видел его голову сквозь оконное стекло, — но он велел дежурному сказать,

что уехал. У всех сотрудников, выходивших из разных дверей, было какое-то подлое выражение лица. Я попросил доложить обо мне заместителю ответственного за беженцев. Все были со мной очень любезны и неизменно предлагали чашку кофе. И тем не менее чиновник, хотя в уголках его глаз читался страх и стыд, посмел заявить мне, что он не имеет никакого отношения к лагерям.

Мне пришлось выйти и спуститься по лестнице, не изложив ни слова из моей просьбы. Проходя мимо полицейских на углах здания, я видел их фальшивые лица.

Служитель бани накрыл меня свежей простыней. Ощущение блаженства растеклось по расслабленным мышцам. В полусне я вновь увидел загорелые ступни армянского мальчика, прошедшие многие мили. Он проделал долгий путь. Его темные глаза смотрели на меня в упор... Манвел умрет в пустыне[113]. Я больше никогда его не видел[114].



bietest deinem Mörder für einen Metalik noch
in der Wüste ein Stück Fleisch an!

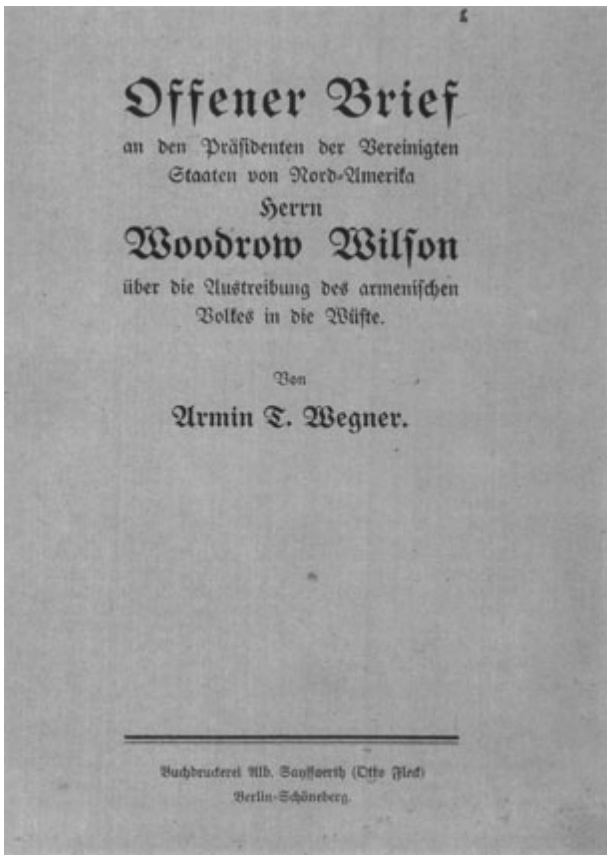
Bei Rakka, in einem völlig verwahrlosten schmutzigen Lager, traf ich einen dreizehnjährigen Knaben. Er hatte seine Mutter und seinen Bruder verloren, nur sein Vater lebte. Er hieß Manuel. Einen weißen Lappen gegen die Sonne um den Kopf gebunden, lief er, auf auf einem Kuhhorn blasend, lachend zwischen den Haufen der Hungernden, Kranken und Sterbenden umher, die reglos dalagen oder, dem Wahnsinn nahe, ihren Kot als Speise verzehrten. Seine wohlgebgute, noch kräftige Gestalt, sein offenes Gesicht gefielen mir. Ich wollte ihn in unsern Wagen nehmen, um ihn mit nach Deutschland zu bringen. Seine geraden Augen leuchteten dunkel zu mir auf. (Meine Mutter, dachte ich einen Augenblick, ich will dir einen neuen Sohn schenken!) Ich ließ mich zu seinem Vater führen, einem Händler aus Alexandrette, den sie zum Wächter des Lagers gemacht hatten, weil er lesen und schreiben

11*

163

Политические тексты

Открытое письмо Президенту Соединенных Штатов Америки Вудро Вильсону [115]



Offener Brief

an den Präsidenten der Vereinigten Staaten von Nord-Amerika

Herrn

Woodrow Wilson

über die Austreibung des armenischen Volkes in die Wüste.

Von

Armin T. Wegner.

Buchdruckerei Alb. Sayffaerth (Otto Fleck)
Berlin-Schöneberg.

Господин Президент!

Не закрывайте уши только потому, что к Вам обращается незнакомец!

В своем послании Конгрессу от 8 января прошлого года Вы выдвинули требование об освобождении всех нетюркских народов Османской империи. К ним несомненно относится армянский народ. От имени этого народа я и обращаюсь к Вам.

Будучи одним из немногих европейцев, видевших собственными глазами ужасную гибель армянского народа, которая началась в процветающих городах и на плодородных полях Анатолии и закончилась уничтожением его жалких

остатков у берегов Евфрата и в бесплодной каменистой пустыне Месопотамии, я осмеливаюсь привлечь Ваше внимание к тем картинам бедствий и ужасов, которые проходили перед моими глазами в течение почти двух лет и которых я никогда не забуду.

Я обращаюсь к Вам в тот момент, когда союзные с Вами правительства готовятся в Париже к мирным переговорам и будут определять судьбы мира на многие десятилетия вперед.

Но армяне — всего лишь маленький народ в числе многих; переговоры же будут вестись о будущем больших и более прославленных государств. Поэтому вероятно, что на фоне эгоистических целей крупных европейских государств, стремящихся к власти, будет оттесняться или отодвигаться в сторону значимость небольшой и уже крайне ослабленной нации, и армян будет ожидать то же пренебрежение и забвение, которое так часто выпадало на их долю в ходе истории.

И это было бы поистине прискорбно, потому что ни один народ земли никогда не становился жертвой такой несправедливости, как армяне. Это — вопрос христианства, это вопрос всего человечества.

Армянский народ как таковой не принимал участия в этой военной кампании, ему просто не дали возможности это сделать. Армяне стали жертвами этой войны.

Когда турецкое правительство весной 1915 года приступило к осуществлению своего чудовищного проекта уничтожения с лица земли двух миллионов армян, руки их европейских собратьев во Франции, Англии и Германии были обагрены собственной злосчастной кровью, которую они проливали потоками в печальной слепоте своего недопонимания, и никто не помешал мрачным тиранам Турции в осуществлении тех мучительных истязаний, которые могут сравниться лишь с действиями обезумевшего преступника.

Так, они погнали целый народ: мужчин и женщин, стариков и детей, беременных женщин и грудных младенцев в пустыни Аравии с единственной целью — обречь всех на голодную смерть.

В Европе давно привыкли считать Сибирь одним из самых негостеприимных мест на земном шаре, и быть приговоренным жить в тех краях считалось самым суровым наказанием. И все же, в Сибири есть плодородные земли, и климат там здоровый, несмотря на зимние холода.

Но что такое Сибирь по сравнению с пустынями Месопотамии? На обширных пространствах не увидишь ни травы, ни деревьев, ни домашнего скота, и только изредка попадается скудная растительность. Здесь нет людей, хотя бы сколько-нибудь

наделенных чувством сострадания. На многие мили тянутся серые глинистые равнины, голые пустыни, камни и скалы, обвалившиеся берега рек, опаленные безжалостным солнцем. Нескончаемые осенние дожди, холодные зимние ночи, оставляющие после себя покров изморози. Кроме двух широких рек, здесь нет других источников воды. В редко встречающихся маленьких деревнях едва кормится горстка арабских бедуинов, которые живут в крайней нищете и на любого постороннего человека смотрят как охотник на желанную добычу.

Из своих жилищ, в которых они жили более двух тысяч лет, из всех частей страны, с каменистых высокогорных перевалов, с берегов Мраморного моря и из пальмовых оазисов юга армяне изгнаны в эту пустынную котловину под предлогом — звучащим как издевательство над человеческим разумом — необходимости найти им новое место жительства.

Мужчин убивали во множестве, бросали в реку закованными в наручники и связанными друг с другом веревками и цепями; спускали со склонов гор со связанными руками и ногами; женщин и детей продавали на публичных торгах; стариков и подростков гнали по улицам смертоносными ударами палок на принудительные работы. Навеки замарав руки этими преступлениями, их мучители на этом не останавливались и продолжали преследовать народ, лишенный своих вождей и представителей, выгоняя людей из городов во все часы дня и ночи, поднимая полуодетыми с постели; они жгли селения, разоряли дома, разрушали церкви или превращали их в мечети, уводили скот; у них отбирали осла и повозку, из рук вырывали хлеб, отнимали детей, вынимали золото из волос и изо рта.

Чиновники, офицеры, солдаты и пастухи соревновались друг с другом в своей дикой жажде крови, выволакивая из школ девочек-сирот для своего скотского наслаждения. Они избивали дубинами беременных или умирающих женщин, не способных уже идти, пока те не падали посреди дороги, умирая в пыли, которая превращалась под ними в кровавую грязь.

Путешествующие по тем дорогам в ужасе отводили глаза от колонн высланных, которых подвергали дьявольским зверствам, а потом, остановившись в постоялых дворах, они находили новорожденных младенцев, выброшенных в навоз, и видели улицы, усыпанные руками, отрубленными у мальчиков, осмелившихся протянуть их в мольбе к своим истязателям.

Караваны высланных, уходивших с родины, из высокогорной Армении, насчитывали многие тысячи человек; по прибытии на окраины Алеппо их оставалось всего несколько сотен, а поля

были усеяны почерневшими и распухшими трупами, которые отравляли воздух зловонием и валялись повсюду, обезображенные и обнаженные, потому что одежду их украли; или же, связанные цепями спиной к спине, они плыли по Евфрату, становясь пищей для рыб. Иногда конвойные, глумливо смеясь, сыпали немного муки в исхудавшие руки умирающих от голода людей, а те жадно облизывали их, и это лишь ненадолго отдаляло момент их смерти. Но и прибывших в Алеппо не оставляли в покое: под непонятным предлогом войны, который никто не может оправдать, уже поредевшие толпы людей, изнуренных болезнями и лихорадкой, гнали без передышки босиком за сотни миль по дорогам, раскаленным от зноя, через каменистые ущелья, по холмам без дорог к полутропическим болотам, в пустыню, где не было ничего.

Здесь они умирали: их убивали курды, обворовывали надсмотрщики, их расстреливали, вешали, травили, резали, душили, топили; они умирали от эпидемий, от жажды и голода, разлагались и становились добычей шакалов.

Дети плакали так, что умирали от плача, мужчины сводили счеты с жизнью в скалах, матери кидали своих малышей в колодцы, беременные женщины, как безумные, с песней бросались в Евфрат.

Они умирали всеми смертями, возможными на земле во все времена.

Я видел обезумевших людей, поедавших собственные экскременты, женщин, живших трупы своих новорожденных детей, девушек, разрезающих еще не остывшие тела своих матерей, чтобы найти в кишечнике проглоченное золото, спрятанное таким образом от алчных надсмотрщиков. Многие лежали в развалившихся караван-сараях в кучах совершенно разложившихся трупов, безразлично ожидая смерти: сколько еще можно было продлевать свою жалкую жизнь, выискивая зерна в лошадином навозе или питаясь травой?

И все это — всего лишь малая часть того, что я видел собственными глазами, что мне рассказывали мои знакомые или случайные попутчики и что я услышал из уст самих высланных.

Господин Президент! Если Вы перелистаете те страшные каталоги ужасов, собранные лордом Брайсом в Англии и Иоганнесом Лепсиусом в Германии, об этих чудовищных событиях, то увидите, что в моих словах нет преувеличения. Но если предположить, что эти картины ужаса, о которых слышал

весь мир — за исключением Германии, которую обманули самым бесстыдным образом, — Вам уже известны и находятся в Ваших руках, то по какому праву я обращаюсь к Вам с этим призывом?

Я делаю это по праву сопричастности ко всему человечеству и во имя исполнения данного мной святого обещания.

Когда в пустыне я обходил лагеря высланных, когда сидел в их палатках, на циновках рядом с изголодавшимися, умирающими людьми и ощущал в своих руках их умоляющие руки, тогда их священники, которые провожали в последний путь многие сотни погибших, заклинали меня выступить в их защиту, если я когда-нибудь вернусь в Европу.

Но страна, в которую я возвратился, бедна: Германия — побежденная нация. Мой народ сам находится на грани голода, улицы полны нищих и горемычных. Могу ли я просить народ, который в скором времени не будет в состоянии спасти самого себя, о помощи народу еще более неимущему? Во мне никогда не утихнет голос совести и человечности: вот почему я пишу Вам обо всем этом.

Это письмо — духовное завещание. Голоса тысяч погибших говорят моими устами.

Господин Президент! Этот народ претерпел безмерную несправедливость. Я прочел все, что было написано об этой войне. Я тщательно навел справки об ужасных событиях, пережитых всеми странами мира, о битвах, превратившихся в чудовищные бойни, о кораблях, разнесенных на части торпедами, о воздушных бомбардировках городов, о леденящих душу кровопролитиях в Бельгии, о страданиях французских беженцев, депортированных немцев и военнопленных в Сибири, о страшных болезнях и эпидемиях в Румынии. Но здесь идет речь о том, чтобы исправить несправедливость, какой не подвергался ни один из этих народов: ни бельгийцы, ни англичане, ни сербы, ни русские, ни румыны, ни даже сами немцы, которые тоже немало пострадали за эту войну. Возможно, только дикие племена в древности имели подобную участь.

Здесь речь идет о нации высокой культуры, с богатой и славной историей, внесшей неоценимый вклад в искусство, литературу, науку. Из этого народа вышло много выдающихся, талантливых, глубоко религиозных личностей, замечательных священников. Речь идет о христианском народе, сыновья которого рассеяны по всему миру, а многие из них долгие годы живут в Вашей стране, господин Президент. Это люди, говорившие на всех языках земли; их жены и дочери привыкли сидеть в качающихся креслах за изящно накрытым столом, а не

скорчившись возле ямы, вырытой в песке пустыни. Это искусные купцы, талантливые врачи, ученые, художники, честные и счастливые земледельцы, сумевшие сделать землю плодородной, и чья вина состояла единственно в том, что они были беззащитны, что они говорят на языке, отличном от языка их преследователей, и исповедуют другую веру.

Каждый, кто знаком с событиями этой войны в Анатолии и внимательно следил за судьбой армянского народа, знает, что все обвинения, с большим коварством и усердием выдвинутые против армян, есть не что иное как отвратительная клевета, сфабрикованная бесчестными правителями для прикрытия учиненного ими безумного, жестокого насилия и несовместимая с духом правдивости и человечности. Но даже если бы эти обвинения были обоснованными, они ни в коем случае не оправдывали бы столь жестоких действий, которым подвергали сотни и тысячи невинных людей.

Я не обвиняю в этом ислам: дух каждой великой религии благороден, и поступки некоторых магометан заставляют нас краснеть от стыда за определенные действия европейцев.

Я не обвиняю простой народ этой страны, чья душа глубоко честна; но я думаю, что каста властителей, направляющая его, никогда за всю историю не будет способна сделать его счастливым, после того как она полностью уничтожила нашу веру в их способность стать цивилизованными и навсегда лишила Турцию права управлять сама собой.

Господин Президент! Вы должны поверить в мою беспристрастность, поскольку я говорю с Вами как немец. Мой народ был глубоко дружественен Турции и тем самым навлек на себя обвинение в соучастии в чудовищной охоте на людей. Но немецкий народ ничего не знал об этих преступлениях.

Если его правительство, которое всегда решительно выступало против невообразимой жестокости этих событий, в чем-то и виновато, то только в незнании психологии турок и в том, что оно имело слабость чисто по-человечески тревожиться о будущем своего народа.

Я не отрицаю, что слабость — это тоже вина, когда речь идет о жизни целых народов. Но горький упрек в том, что непростительно было допущено выселение, должен относиться не только к немецкому правительству.

В Берлинском трактате от июля 1878 года вся Европа дала самые надежные гарантии того, что она будет защищать спокойствие и безопасность армянского народа. Но выполнялось ли когда-нибудь это обещание? Даже массовые убийства,

проводимые при Абдул-Гамиде, не заставили Европу задуматься: она продолжала в слепой алчности преследовать свою выгоду и не потрудилась защитить гонимый народ. В условиях перемирия между Турцией и союзными с Вами странами, подписания которого с волнением ждали армяне, рассеянные по всему миру, «армянский вопрос» был едва упомянут.

Неужели эта недостойная игра повторится вновь, и армянам придется снова извлечь уроки разочарования из прошлого? Будущее этого маленького народа не должно быть отодвинуто на задний план эгоистическими замыслами и претензиями великих государств.

Господин Президент, спасите честь Европы!

Совет Народных Комиссаров России признал право армян на самоопределение, и их народные делегаты в Париже провозгласили независимость Армении.

Но народы не должны довольствоваться признанием этого права, потому что армянская территория в Турции — это равнина, превращенная в пустыню, куда уже не смогут возвратиться две трети ее жителей. Было бы непоправимой ошибкой не отделить навсегда российские армянские области от России и не соединить их с армянскими провинциями Анатолии и Киликии, сформировав таким образом одну страну, свободную от турецкого господства и имеющую выход к морю. Только так может быть достигнуто новое равновесие, необходимое для того, чтобы не только вернуть на родину многочисленных беженцев, поселившихся по ту сторону русской границы, но и возродить жизнь в опустевших городах и деревнях.

Недостаточно, господин Президент, чтобы Вы знали о страданиях этого народа. Недостаточно, чтобы Вы дали ему государство, в котором дома разрушены, поля опустошены, а жители убиты.

Эта страна настолько истощена, что уже не сможет подняться своими силами. Торговля расстроена, ремесло и промышленность ослаблены до предела. Уничтоженные человеческие ресурсы никогда не восстановятся. Огромные богатства, которые жестокие поработители в своей неутолимой алчности накопили, присвоив имущество выселенных, очень малый залог.

Многие тысячи армян силой обращены в ислам, тысячи детей похищены, тысячи увезенных женщин превращены в рабынь в турецких гаремах. Всем этим людям должна быть гарантирована возможность вновь обрести свободу.

Все жертвы преследований, которые возвращаются в родную страну, прожившие два года и более в пустыне, должны получить

компенсацию за понесенные убытки. Сирот необходимо принять и вырастить. Что необходимо этому народу, так это любовь, которой он был так долго лишен. Все это будет признанием, со стороны всех нас, нашей вины.

Господин Президент! Гордость не позволяет мне просить за свой народ. Я не сомневаюсь в том, что он, восстав из бездны скорби, найдет в себе силы способствовать будущему искуплению мира, даже если ради этого придется идти на жертвы.

Но я осмеливаюсь вступиться за армянскую нацию, которая была так чудовищно унижена. Ведь если и после этой войны не будут признаны и по мере возможности вознаграждены ее ужасные страдания, эта нация будет навсегда потеряна.

С жаром человека, который видел неописуемый позор их страданий и сам переживал его в своей душе, я поднимаю голос от имени этих несчастных, чьи стенания был вынужден слышать, не имея возможности помочь, чьи страшные смерти бессильно оплакивал, чьи кости усеивают пустынные берега Евфрата и вновь становятся живой плотью в моем сердце, побуждая меня говорить с Вами.

Однажды я уже стучался в дверь к американскому народу, когда принес в Ваше посольство в Константинополе письма-прошения от выселенных из лагерей Мескене и Алеппо, и знаю, что это было сделано не зря.

Я не надеюсь получить ответ на это письмо, но если Вы, господин Президент, действительно приняли как основной принцип своей политики высокую идею защиты угнетенных народов, то Вы непременно почувствуете, что и в моих словах звучит мощный голос — единственный, который имеет право быть услышанным во все времена: голос человечности.

Армин Т. Вегнер

Предисловие А. Вегнера к стенографическому отчету судебного дела Талаата-паши [116]

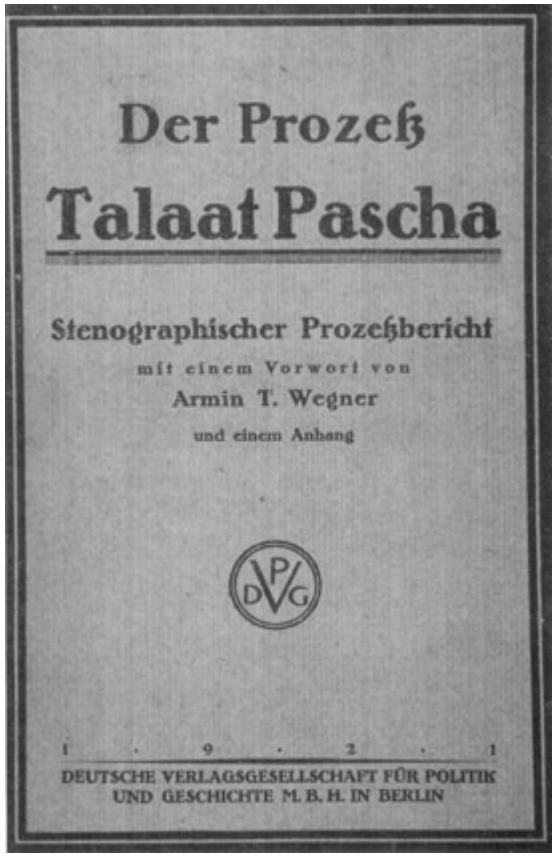
Несчастье армянского народа — небывалое событие в этой войне, да и, пожалуй, во всей истории человечества. Совершенное здесь преступление было настолько чудовищным, что его эхо, потрясающее даже во время войны, проникло через границы во все страны, но только не в сердце Германии. Даже когда после перемирия свидетели этих невиданных событий пытались призвать к ее совести, она, все еще ослепленная и оглушенная

собственной болью, оставалась глухой к этим ужасам, соучастником которых, пусть даже невинным, она бессознательно стала.

И вот выстрел из пистолета неизвестного армянского студента, который сразил бывшего турецкого министра внутренних дел, и связанный с ним судебный процесс еще раз направил взоры всего мира и впервые взоры немецкого народа на самую кровавую страницу мировой войны, и правда стала очевидной: систематическое истребление целого народа младотурецким правительством. В удивительном повороте событий случилось так, что обвиняемый — страдающая и молчаливая жертва под тяжестью стоящих за его спиной фактов — невольно сам стал обвинителем, и на скамье подсудимых нет больше Согомона Тейлиряна, а есть обагренная кровью тень мертвеца, глубокое подтверждение того таинственного положения, когда виноват не убийца, а убитый! Но даже фигура Талаата-паши не дает постигнуть весь смысл этого судебного процесса.

Оба — хрупкий армянский студент и широкоплечий турецкий государственный деятель — отходят на задний план перед ужасной бедой целого народа, уничтоженного почти наполовину, народа, который поднимается из своих могил и простирает свои истлевшие руки против ужаса войны, против жестокости своего палача и еще раз с трибуны этого процесса кричит на весь мир о своем невыразимом горе.

Именно это сделает данный процесс одним из самых памятных, когда-либо имевших место в Германии. Ибо сила событий, разбираемых на нем, оказывает такое ошеломляющее воздействие, что присяжные заседатели вопреки явному насильственному умерщвлению выносят оправдательный приговор, и он, несмотря на все старания сделать его неполитическим, разрушает преграды, которые тянутся до трибуны человечества, и его приговор становится приговором всемирно-исторического значения.



Сам Согомон Тейлирян — только символ, атом, в котором концентрируется боль третированной расы, которая в отчаянной самозащите совершает свое возмездие. Его судьба подобна судьбе его товарищей по несчастью, она одна из сотен тысяч, повторяющихся одинаково, с теми же мучениями и страданиями. Если бы автор этих строк также был приглашен свидетелем на этот процесс, мог выступить, то он подтвердил бы все описанные на этом процессе события; они лишь частица того, что он видел сам и что действительно произошло. У меня нет желания повторять здесь эти факты. Это довольно часто делалось другими, в том числе мной, и о них ясно говорится в каждой строке этого сообщения.

Не так подробно говорилось о роли, которую сыграл в этих трагических событиях бывший турецкий министр внутренних дел. Суд, который не был государственным, чтобы выносить решение об армянском вопросе как таковом и о его зачинщиках, а только об одном отдельном поступке, не мог поставить перед собой задачу расширения судебного следствия более чем требовалось, чтобы вынести справедливое решение в отношении поступка

Тейлиряна. Таким образом, исследование вопроса, является ли Талаат объективно виновным, не было доведено до конца, так как судья и присяжные заявили, что они и без того убеждены в том, что Тейлирян считал бывшего турецкого министра ответственным за преступления. Но очевидно и на сей раз, что правда с трудом пробивает себе дорогу.

Одно только показание армянского епископа Балакяна проливает такой недобрый свет на поведение Талаата, что можно сказать, что в ходе разбора дела было представлено достаточно материала о том, что Талаат прекрасно осознавал значение своих приказов. После полного изучения всех поддающихся проверке фактов в этом нет никакого сомнения! Защита представила намного более весомые доказательства для непосредственного исследования, а среди приглашенных свидетелей находились немецкие офицеры высокого ранга, которые должны были дать очень важные показания против Талаата. Их свидетельства, а также наиболее важные депеши Талаата, из которых основные были представлены в оригинале во время процесса, вкратце приводятся в дополнении к настоящему сообщению. На основании этих депеш каждый может судить сам, хотел ли Талаат лично уничтожения армян. Но если бы даже этих документов не было, сам факт, что Талаат во время указанных событий являлся министром внутренних дел, был бы достаточен. В этом качестве он был на переднем плане как исполнительный орган младотурецкого правительства, чтобы претворить в жизнь известные решения, принятые турецким министерством и начатые комитетом «Единение и прогресс», имевшие целью уничтожение армян. В его руках находилась исполнительная власть, и уже на основании этого никак нельзя утверждать, будто Талаат не был лично виновен в уничтожении армян.

Поэтому нельзя сказать, что судьба была несправедлива к турецкому государственному деятелю, покарав его смертью за его долю вины перед армянским народом. Ибо его преступление было настолько ужасным, что даже поступок убийцы, который мы, разумеется, отвергаем как кровавое злодеяние и о котором сожалеем как о любом насильственном акте, нам кажется избавлением, посредством которого отчаявшаяся натура освободилась собственными силами. Да, я склоняюсь к мнению, что если над народами существует высшая власть, то мы должны поверить, что это была воля самой истории, которая убила Талаата, свершив над ним казнь руками одной из его жертв.

По-человечески понятно, что как турецкие, так и немецкие сторонники бывшего османского правительства не без волнения встретили оправдательный приговор. Однако это никоим образом

не оправдывает их дикие оскорбления в адрес немецкого правосудия, которое в высшей степени доказало свою объективность. Непонятно также, когда, извращая обстоятельства, они называют поступок Тейлириана «трусливым», хотя он своим поступком доказал, что был исполнен героическим желанием пожертвовать жизнью ради спасения народа, в то время как действительно не нужно никакого мужества министру, чтобы из своего кабинета одним росчерком пера послать целый народ в пустыню!

Не могут умалить ужасную несправедливость по отношению к армянскому народу также все те резкие обвинения, которые выдвигают перед ним, чтобы найти причину этих ужасов в его собственном поведении. То, что армяне на русском фронте доносили о передвижениях турецких войск или что армянские солдаты перебегали к врагу, — может быть правдой. Ведь это вполне понятно после того, как десятками лет они подвергались жестокой эксплуатации со стороны своих господ и были вынуждены идти на это из-за бессовестных, неумолимых мер вплоть до начала мировой войны. Нечто подобное произошло в центральных державах с польскими и чешскими полками, однако никто у нас не подумал о том, чтобы наказать невиновных, скажем, сбросить все польское население Германии в Балтийское море или же обречь на замерзание чешское население Австрии на высокогорных перевалах, на ледниках Тирольских Альп.

Таким образом, никогда нельзя простить преступление, совершенное по отношению к армянскому народу в целом. В цивилизованной стране было бы воспринято как варварская жестокость, если бы излишне истязали изобличенного убийцу; насколько же хуже, когда это делается в отношении сотен тысяч невинных стариков, женщин и детей! А ведь они были сыновьями, матерями и отцами того самого армянского народа, о солдатах которого Энвер-паша еще несколько месяцев назад в известном месте заявил, что они в высшей степени отличились на полях сражений, и их смелость и верность вызывали в турецкой армии огромное восхищение. Тем не менее все снова и снова, даже после оправдательного приговора, пытаются оправдать совершенную несправедливость тем, будто депортация армянского народа была мерой, вызванной «военной необходимостью», за осуществление которой руководящие органы не несли ответственность. Но разве забыли, что Малая Азия — часть света, которая по протяженности далеко превосходит немецкое государство? А как объяснить принудительную депортацию армянского населения из Западно-анатолийских вилайетов, где его численность была слишком мала, чтобы представлять опасность, и которое мирно и

безупречно трудилось на расстоянии сотен миль от театра военных действий? И разве американский посол Моргентау не предложил великодушным образом переселить в Америку выселенный из Турции народ? Разве недостаточно уже того факта, что турецкое правительство отклонило это предложение, чтобы показать, что так называемая необходимость военных мер, как правило, была предлогом при «поселении в пустыне», ничтожной формулировкой, чтобы скрыть самое кровавое преступление этого века, целью которого является полное уничтожение трудолюбивой и высококультурной расы?

Никто не будет возлагать за это ответственность на религию ислама, и ошибаются те, которые утверждают, будто это делали друзья Армении. Рядом с Христом, Буддой, Лао-Цзы стоит также учение Мухаммеда, и если эта религия на самом деле сыграла какую-то роль в этих событиях, то только потому, что религией ислама злоупотребляли в этих целях. Разве с учением Христа поступили иначе, когда государства Европы злоупотребили Его изречениями, чтобы от Его имени вести коварные и разбойничьи войны против беззащитных народов своих колоний? Но в данном случае суд вынес свой приговор относительно не двух религий, хотя и проблема, по которой принималось решение, в конечном счете была этической, а не политической, а относительно двух сил, которые с древнейших времен находятся в непримиримом противоречии друг с другом: насилия и законности, преступления и человечности.

Это облегчающее зрелище, торжество справедливости, когда мы видим, как здесь, несмотря на кровавое злодеяние человека, выносится оправдательный приговор, вопреки заключающемуся в этом противоречию. Так как этот оправдательный приговор означает прежде всего полный и потрясающий протест той политике, которая присвоила себе право обращаться с целым народом как с убойным скотом, даже хуже — как с бесчувственными камнями. Это нашло наглядное выражение в волнующих речах защиты, и если, несмотря на редкое единодушие, с которым пресса приветствовала этот приговор, были возражения, что судьи и присяжные находились под влиянием своих чувств, то в оскорбительном характере этого утверждения было заключено печальное непонимание человеческой натуры.

Ведь то, что они в своей груди уделили место чувствам, достойно высокой похвалы, так как во время всех тех ужасных событий мы постоянно слышали, что все решалось с позиции силы, в интересах государства или по военной необходимости, но никогда — человеческим сердцем! Политика или право, которые

не продиктованы человеческим сердцем, являются лишь ложными названиями бессовестности и жажды к власти. Если даже Талаат был твердо убежден, что его мысли направлены только на благо своей страны — «любовь к отечеству», которая мнит себя вправе совершать такие ужасные злодеяния, — то зло не имеет ничего общего с действительными интересами народов, это не только неблагородное чувство, а кровавый фетиш, преступление.

Это никоим образом не является осуждением турецкого народа. Турецкая нация в целом не может нести ответственность за уничтожение армян. Она не только не хотела этих ужасов, а многие ее представители в высшей степени не одобряли их. Об этом свидетельствуют официальные документы германских консулов, в которых немало доказательств того, что турецкие чиновники отказывались выполнять приказ своего правительства, ужасные последствия которого они себе ясно представляли. Но они являются друзьями армянского народа на том же основании, на каком они являются друзьями турецкого народа, насущные потребности и душевное богатство которого они чувствуют не меньше, и они перестали бы быть друзьями армянского народа с того момента, когда он счел бы себя вправе совершать подобные ужасы, какие совершал Талаат. То, что их сочувствие к армянскому народу в данный момент сильнее, объясняется только тем, что несправедливость, которую перенес этот народ в войне, была больше.

Да, эта несправедливость была такой безмерной, что я могу без колебаний утверждать, что, если это правда, что страдание освящает человека, то армянский народ, даже если бы он не обладал упорным прилежанием, глубокой одаренностью и культурой, которые выделяют его, если бы у него был тот подлый характер, в котором обвиняют его враги, и пусть бы он даже совершил более низкие поступки, чем те, которые ему приписывают, — я говорю, что даже тогда этот народ был бы освящен на все времена — под сокрушительной силой его бесконечной боли, боли, которую он перенес!

Крик с Арарата. Всем правительствам народов-победителей[117]

Глас в Раме слышен,
плач и рыдание, и вопль великий;
Рахиль плачет о детях своих
и не хочет утешиться, ибо их нет.
Матфей, глава 2

Вы, слуги народов!

С гор Малой Азии снова доходят до нас отголоски ужасов. С того момента, когда правительство младотурок приняло жестокое решение уничтожить население Армении, словно саранчу, ни на минуту не прекращались бури, повергшие эту страну в огонь и смывшие ее кровью. Последние остатки беженцев были мошеннически лишены последнего клочка земли, и все те, кто стал невольным свидетелем этого опустошения, должны вновь содрогнуться от жутких картин жестокости, которые, подобно кошмарному сну, будут вечно тревожить человеческую душу.

Что же сделали победоносные державы Запада, чтобы защитить от полного уничтожения этот маленький народ, истязаемый за свою веру и дух? Разрешите мне Вам, главам этих государств, напомнить о громких обещаниях и поручительствах, которые Вы давали Армении во время войны. Разрешите мне напомнить еще раз Вам и всему миру слова Клемансо, премьер-министра Франции, обращенные к Армении 14 июля 1918 года, что союзные правительства всегда будут считать своим долгом заботиться о судьбе этой страны согласно законам человечности и справедливости. А разве воздух не наполнен еще громкими словами Пуанкаре, с которыми он обратился к патриарху католических армян в Киликии — словами, которые так быстро изгладились из его памяти? Ллойд Джордж, Роберт Сесил не замедлили последовать его примеру, а ведь каждый из них подписал не одно воззвание за свободу Армении! Бриан, Дешанель, Орландо, Соннино, Вильсон — так много громких имен, которые, подобно параду великолепных мундиров, проносятся мимо нас, оставляя позади себя хохот пустого эха в разочарованных душах.

Результатом таких торжественных клятв, следовавших одна за другой, явился священный крестовый поход?! Новые грабежи, голод, резня следовали за кровавыми событиями войны в Караклисе и Александрополе, в 1921 году — ужасы Памбага, Сасуна, в 1922 году — последняя резня и насильственные переселения в области Ангоры. Не выполняется ни один пункт Севрского договора; не выполняется даже теми, кто навязал этот закон турецкому народу, причем выполнение Договора угрожает судьбе Турции не меньше, чем судьбе Армении его невыполнение! За уничтожением армянских и сирийских христиан следует уничтожение греческого населения, подобно тому, как когда-то турецкая администрация проводила уничтожение собак в Константинополе, которых доставили на одинокий остров в море,

где они погибли от голода и жажды. Смирна сожжена дотла. Блистающий город на Средиземном море, богатство и сокровища, которые накапливались столетиями в результате прилежания и труда христиан, ныне — дымящийся холм из пепла. Как враги Армении, которые являются также и врагами человечества, стараются с достойным сожаления упорством убедить нас в том, что остатки этого народа сами лишили себя последнего добра и прибежища, оставшихся им после ужасных разрушений войны. Не означают ли леденящие кровь сообщения английских и американских путешественников то, что банды мракобесов и здесь играют в свои дьявольские игры, пользующиеся одобрением варварской власти, и постоянно призывают на помощь стихийные бедствия, чтобы скрыть последствия своих преступлений?

Но если даже все это и верно, то как это доказывает вину тех, кого убили, повесили, уморили голодом в тюрьмах? Нет, грудные дети и матери невиновны, виновата их кровь. Именно это превратило их в мишень для жестокой ненависти их преследователей. Такую охоту на толпы беглецов в горящем и оккупированном врагами городе не может себе представить обычное человеческое воображение. Джон Клейтон, корреспондент *Чикаго Трибюн,* описывает этот ужас:

«Непостижимые сцены разыгрывались на улицах и в доках. Новая жизнь рождалась на камнях набережной или на толстых досках портового мола. Одна женщина, тяжелый час которой настал тогда, когда она с трудом прокладывала дорогу к лодке, которая должна была увезти ее, протискивается через ворота с новорожденным в руках, а двое маленьких детей цепляются за ее подол. Сразу после этого ее вместе с маленьким семейством поднимают на борт корабля. Но ее мужа, который находится в призывном возрасте, берут под арест, чтобы позже отослать в глубь страны. Другой, с больной женой на спине, был задержан у последнего шлагбаума. Он кладет свой груз на камни набережной и просит дежурного турецкого офицера пропустить его. Взглядом ужаса искажается лицо женщины, которую два английских матроса доставляют на борт на носилках из парусины, в то время как ее муж присоединяется к другим заключенным. С увеличением потока людей усиливается паника. Дети спотыкаются, падают, и их затаптывают до смерти. Барьеры закрываются на одну минуту, пока подходит другой корабль. Крик ужаса вырывается из толпы, готовой к наихудшему; им кажется, что ворота спасения могут навсегда закрыться».

Наши глаза, пробегающие по этим печальным строкам, не рискуют следовать за ними до конца. Мы видим людей, которые, обезумев от ужаса, толкают друг друга в воду, видим море,

полное утопающими, которые плывут за кораблями, напрасно пытаясь спастись, и их окоченевшие тела прибой выбрасывает на берег. Ночь, покрытая огненными пятнами, воет от ужаса, из горящих домов выскакивают мужчины, женщины и дети, чтобы попасть с распростертыми руками в ужасные объятия пулеметов. Крик убиваемых сквозь мрак доходит до тишины европейской ночи, и все это сопровождается тем глубоким молчанием, которое еще хуже, чем крик, предшествующий ему. Нетрудно представить себе, что имело место в глубине страны, и все это происходило в присутствии европейских кораблей, перед глазами их войск? Куда гнали бесчисленные толпы через ущелья гор? Что стало с людьми, предназначенными для принудительной работы на улицах, которым не разрешалось иметь крышу над головой, и им отказывали в пище, когда они были больны, чтобы поскорее они умерли? Из берегового песка рек собаки выкапывают искромсанные тела, и дневник, который вел доктор Вард для американского общества помощи об этих событиях, каждой своей страницей похож на таблицы учета в скотобойнях наших больших городов, в которых подсчитывается забитый скот.

Джон Клейтон рассказывает в другом месте своего сообщения о прекрасном поступке молодого турка, который вопреки жестокости своих соплеменников взял под защиту больного беглеца. И добавляет: «Если весь мир будет содрогаться в смертельных конвульсиях, надо думать о маленьком поступке каждого, если не хочешь сойти с ума».

Ах, это голос любви, который несомненно живет в глубине души этого народа, но который всегда нас обманывал, когда мы ему верили, и который опять нас должен обмануть, пока этот народ находится под жестокой рукой ислама, отдан во власть толпы диких карьеристов, не знающих никаких законов, кроме гнусного страстного влечения к власти и богатству. Поэтому это скорее не ярость турецких армий, родину которых корыстный Запад не менее сильно желает расчленить, чем Турция Армению, и которые взволнованы ужасным отступлением греческой армии — а позиция цивилизованных государств мира, которая нас возмущает. Это — Европа, которая постоянно пытается заменить одну несправедливость другой и не скрывает свою радость по поводу этой победы, одержанной ценою крови десятков тысяч невинных женщин и детей, Европа, которая предпочитает вести ростовщическую торговлю с их мучителями, чем спасти остатки изгнанного человеческого племени от гибели.

Вот как государства-победители Запада выполняют свои торжественные обещания? Недостаточно того, что Вы, называющие себя мудрыми слугами своих народов, принуждали

во время войны истекающий кровью армянский народ стать добровольцами, Вы еще мешали молодой армянской республике дать приют избежавшим резни беженцам. Вы допустили, чтобы несовершеннолетних детей выбрасывали из американских сиротских приютов, чтобы уничтожали остатки населения Вана, далекого от того, чтобы стать опасным для правительства Ангоры, скорее всего, оно играло роль вьючных животных для своих турецких господ. Франция, занявшая Киликию только потому, что ей нравились ее плодородные равнины и хлопок, по Ангорскому договору отдала Турции на произвол снова эту провинцию, то ли из-за нефти, то ли из-за каких-то других выгод. 150 000 армян, которые, поверив на слово Французской республике, вернулись туда, снова были переданы своим прежним мучителям. Когда же, наконец, и у Вас проснется сознание того, что мировые ценности не взвешиваются на весах мелких торговцев, чтобы также и в Вашей крови заговорил голос: «Не нефть, не хлопок, а человек»! Разве не та же самая Франция неоднократно объявляла всему миру, что она совершила прошлый поход только для того, чтобы защитить свободу малых народов? Где же свобода малых наций? Ах, враги мои, как нам стыдно перед таким голым цинизмом и гнусной болтовней? Разве не сама Франция поставляла Турции оружие, которое стреляло и в сердце Армении, разве не Англия снабжала кораблями, которые высадили греческое войско на побережье Малой Азии?

А Америка, та страна, на которую возлагалась надежда стольких преследуемых наций, было ли для ее парламентов и государственных деятелей глубокое страдание этого народа больше, чем желанным призывом к войне, его окровавленный саван — больше, чем окрашенная тряпка, которой они водили перед своими собственными обманутыми народами, как перед мирно пасущимся быком, чтобы поднять их на борьбу за правое дело? Как охотно хотели бы мы, которые никогда не желали торжества плохого, увидеть на Вашей стороне победу справедливости, а находим ложь и алчность там, где Вы осмелились назвать себя совестью мира! Вы, повелители Запада, не можете оправдаться тем, что не могли предвидеть кровавые последствия, вызванные Вашим эгоистичным поведением. Когда отчаявшаяся и сокрушенная Германия впервые допустила то преступление, то народы мира вскрикнули, полные возмущения от такого безответственного равнодушия. Что же сделали Вы, руководители государств-победителей? Должны ли мы при виде все новых ужасов поверить в то, что справедливость навсегда исчезла с лица земли и что страны Запада сами себя осудили?

Вы, в распоряжении которых находятся войска и земные

богатства, можете высмеять чувства тех, кто борется за счастье отверженных. Это не может ввести в заблуждение тех, которым врожденное чувство говорит, что жалость душевная назначила их судьями над властью, и что их отчаявшимся и слабым языком говорит сам глас народов.

Если после этой войны и была какая-либо страна, достойная сочувствия всего мира, то ею является Армения и ее судьба. На границе между Ближним Востоком и Западной Европой, у подножия тех гор Кавказа, который история назвала мостом народов, еще с давних времен на долю этого народа выпала героическая задача быть посредником двух культур. Эта задача, такая же роковая, как и этот народ, окруженный восточными варварскими ордами, оказала решительное влияние еще с ранних веков на культуру Запада. Это печальный и постыдный акт глубокого распада Европы, когда мы позволили превратить в пустыню именно эту страну, а ее жителям, изгнанным из своих очагов, влачить жалкое существование под чужим небом. Ненависть и безрассудство разрушили мост народов, потрескавшиеся опоры которого торчат из болота разложения. Но даже если после стольких разочарований Армения больше и не ждет, что мирные переговоры относительно стран Востока, для обсуждения которых уже второй раз собрались державы мира, принесут ей удовлетворение, она все равно не прекратит верить в свое освобождение. Потому что для тех, кто с такой ревностной любовью привязан к своему родному клочку земли, кто даже в свой смертный путь в пустыню нес с собой горсть родной земли, чтобы, умирая, положить на нее свою голову, родина всегда будет придающей силу матерью, даже если она раскрывает свой пропитанный кровью подол, чтобы из его глубины выпустить новые ростки. С верой прикованы взгляды последних остатков этого несчастного народа к вершине Арарата, на которую когда-то голубь Ноя доставил оливковую ветвь. Но вина и ответственность навсегда останется за Вами, главами государств-победителей, на Вашей совести и совести всех высоконравственных народов, если Вы допустите, чтобы вода смерти еще раз начала подниматься вокруг него, чтобы раз и навсегда схоронить его блестящую вершину в море крови.

Ноябрь 1922 г.

Открытое письмо канцлеру Рейха Адольфу Гитлеру [118]

Konzentrationslager
Oranienburg

Oranienburg, den 7. 9. 33.

Bescheinigung

Herr Wegner, Armin geb. 16.10.86

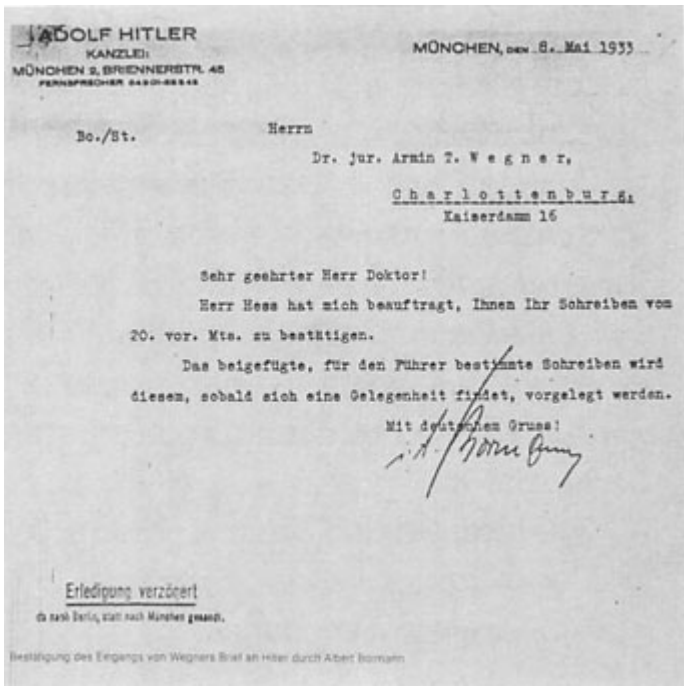
wohnhaft in: Bln. Charlottenburg war in der Zeit

vom 10.8.33. bis 7. 9. 33. einschließlich

im Konzentrationslager.

J. A.: [illegible]
Hauptsturmführer

Личная карточка заключенного в концлагере Ораниенбург А. Вегнера.



ADOLF HITLER
KANZLEI:
MÜNCHEN 2, BRIENNERSTR. 45
FERNSPRECHER 54801-54845

MÜNCHEN, den 8. Mai 1933

Bo./St.

Herrn
Dr. jur. Armin T. W e g n e r,
C h a r l o t t e n b u r g,
Kaiserdamm 16

Sehr geehrter Herr Doktor!

Herr Hess hat mich beauftragt, Ihnen Ihr Schreiben vom 20. vor. Mts. zu bestätigen.

Das beigefügte, für den Führer bestimmte Schreiben wird diesem, sobald sich eine Gelegenheit findet, vorgelegt werden.

Mit deutschem Gruss!

i. A. [illegible]

Erledigung verzögert
da nach Berlin, statt nach München gesandt.

Bestätigung des Eingangs von Wegners Brief an Hitler durch Albert Bormann

Извещение А. Вегнеру из канцелярии Гитлера от 8 мая 1933 г. о том, что его письмо «будет передано фюреру в

кратчайшие сроки».

Армин Вегнер — заключенный. 1933 г.

Открытое письмо Армина Т. Вегнера было написано вскоре после начала кампании против евреев весной 1933 года. Поскольку не могло быть и речи о его публикации в какой-либо из немецких газет, автор отправил письмо в Мюнхен, в «Коричневый дом», с тем, чтобы его передали Гитлеру.

Канцелярия Рейха подтвердила получение письма — изначально адресованного «Германии» — квитанцией от 8 мая 1933 года, в которой указывалось, что оно будет в кратчайшие сроки представлено фюреру. Эту квитанцию подписал начальник канцелярии Мартин Борман.

Ответа не последовало, Вегнера же арестовала в Берлине государственная тайная полиция. Солдаты СС с эмблемой черепа на беретах оттащили его в печально известные подвалы гестапо, где его бросили на стол и, заткнув ему рот кляпом, стали бить плетьми, пока он не потерял сознание.

Когда Вегнер, шатаясь, поднялся на ноги, начальник гестапо

сказал ему: «Вот теперь ты ничего не будешь писать против нас!»

После той ужасной ночи Вегнеру пришлось пройти скорбный путь: три засекреченных лагеря, семь тюрем в Германии и Италии и долгие годы изгнания.

Его мучители оказались правы: Вегнер молчал более двух десятилетий. Только ближе к концу жизни общество вновь услышало его голос, в основном по немецкому радио.

Господин Канцлер Рейха!

Вашим указом от 29 марта сего года правительство запретило коммерческую деятельность всех граждан еврейской национальности.

На витринах появились оскорбительные надписи, такие как «Мошенники», «Не покупать», «Смерть жидам», «Убирайтесь в Иерусалим». Мужчины, вооруженные дубинками и пистолетами, охраняли двери магазинов. Столица на десять часов превратилась в театр для увеселения масс. Затем, удовлетворившись этим издевательством, власти сняли запрет, и городские улицы вновь обрели привычный облик.

Но впоследствии началось еще худшее! Судей, адвокатов и врачей снимают с хорошо оплачиваемых должностей, перед их сыновьями и дочерьми закрывают двери школ, преподавателей высших учебных заведений изгоняют с кафедр и отправляют в отпуск — что кажется всего лишь уступкой и не вызывает подозрений; директорам театров не дают работать, актеров и певцов не выпускают на сцену, издателям газет запрещают публикации, все книги еврейских поэтов и писателей изымают, чтобы заставить замолчать тех, кто был на страже нравственности. По еврейству нанесен удар, но не по их коммерции, а именно там, где сосредоточены самые высокие ценности его общины: в интеллектуальной сфере.

Господин Канцлер Рейха, Вы утверждаете, что немецкий народ очернили, что его соседи обвиняют его в недостойных действиях, которых он не совершал. Но разве ошибки и плохая репутация не предшествуют всегда чести и славе? Разве не евреи научили нас выдерживать поношение с высоко поднятой головой? Ведь не случайно так много евреев живет на немецкой земле: это следствие общей для обоих народов судьбы!

После целых веков скитаний этому великому, но несчастному народу, изгнанному из Испании и отвергнутому Францией, в течение тысячи лет Германия оказывала гостеприимство. Еврей, подчиняясь внутреннему голосу, шел туда, где его жизнь была в

наибольшей безопасности и где высокий уровень культуры мог удовлетворить его жажду знаний. И Германия — разбитая и окруженная множеством врагов — дала приют жертвам преследований, действуя согласно принципу свободы, за которую она сама боролась. Будет ли теперь навеки перечеркнуто то, что создавалось тысячу лет?

Мы всегда отдавали лучшие наши силы другим народам: на Западе, в Южной Америке, в России. Вечный странник на земле, немец постоянно испытывал сильное влечение к своей бедной родине, которая накапливала все больше владений за морем. Немецкие колонисты, мостостроители и коммерсанты, способствовали приобретению доброго имени и богатства среди многих народов. И за все эти заслуги — разве не были мы оклеветаны перед Великой войной и доныне? Неужели мы, столь часто терпевшие несправедливость, причиним такую же скорбь другому народу, который, как и мы, ее не заслужил?

Справедливость всегда была предметом гордости всех народов. Если Германия стала великой страной, то этому способствовали и евреи. Разве они во все времена не проявляли к нам своей благодарности за то, что мы взяли их под свою защиту?

Помните ли Вы, что Альберт Эйнштейн — это немецкий еврей, ученый, который перевернул все наши представления о космосе; человек, который посвятил себя, как когда-то Коперник, изучению Вселенной и подарил нам новое видение мира?

Помните ли Вы, что Альберт Баллин, немецкий еврей, создал главную пароходную линию в западном направлении? По ней самый большой в мире корабль отправился в плавание к земле свободы, в то время как он, Баллин, не вынес стыда и свел счеты с жизнью, когда его король, перед которым он благоговел, покинул страну.

Помните ли Вы о том, что Эмиль Ратенау немецкий еврей, за границей превратил Генеральную Компанию по производству электрической энергии в предприятие мирового значения? А о том, что Хабер, немецкий еврей, при помощи бутылки-компрессора, как волшебник, выделил азот из воздуха?

А помните Эрлиха, немецкого еврея, мудрого врача, победившего сифилис —смертельную болезнь, пробравшуюся в нашу страну? Помните, как на чемпионате мира в Амстердаме шестнадцатилетняя девушка завоевала своей шпагой победу для Германии? Она тоже еврейка, дочь одного из тех адвокатов, которых собираются выгнать из наших судов.

Помните ли Вы обо всех людях — мне пришлось бы исписать целые страницы, чтобы просто перечислить их имена, — чей ум и рвение оставили след в нашей истории?

Итак, я Вас спрашиваю: как поступали все эти мужчины и женщины? Как евреи или как немцы? Историю германской или еврейской мысли написали их поэты и писатели? Какой язык культивировали их актеры: немецкий или иностранный? Кого пророчески предостерегали их поборники новой социальной доктрины: евреев или немцев? К евреям или к немцам были обращены их увещевания, которые мы, к несчастью, оставили без внимания?

Во время войны мы приняли кровавую жертву двенадцати тысяч евреев. Можем ли мы теперь, если в наших сердцах сохранилось хоть малейшее чувство справедливости, отнять у их родителей, детей, братьев, внуков, у их жен и сестер то, что они старались заслужить на протяжении веков: право иметь родину и дом?

Какое это несчастье для людей, которые любили приютившую их страну больше самих себя!

Разве мы не связаны одними чувствами и внутренними сомнениями? И разве еврей, будучи столь похожим на нас, не стал носителем немецкого языка и немецких обычаев за пределами страны, даже в далекой России? На еврейских улочках польских деревень по сей день звучат средневековые немецкие мелодии: предки этих евреев, высланные несколько веков назад, унесли с собой с германских земель не золото, а только трогательные песни, которые они до сих пор поют, в то время как мы сами их забыли.

Если немцу нужна помощь на чужбине, если он ищет людей, говорящих по-немецки, — где он их найдет? В аптеке кавказского еврея, в еврейской швейной мастерской, у колодца в аравийской пустыне! В Польше еврейские семьи, которые признали себя выходцами из Германии, были ограблены и брошены в тюрьму. Так что же, после того, как они нашли прибежище в Германии, мы хотим, чтобы их постигла та же участь? Какая несчастная любовь!

Никто не поверит тем, кто утверждает, будто они не способны любить нашу родину потому что они другого племени. Но ведь сам немецкий народ являет собой смесь разных племен: франков, фризов и вендов! Не был ли Наполеон корсиканцем? А Вы сами разве не уроженец соседней страны?

Если бы Вы видели вместе со мной слезы еврейских матерей, страдание на бледных лицах отцов, глаза детей — Вы бы поняли, как сильна привязанность людей, которые были вынуждены долгое время скитаться. Они сильнее чувствуют связь со своей землей, чем те, кто никогда ее не терял.

«Я люблю Германию!» На днях я слышал, как мальчик и девочка сказали эти слова своим родителям. Напуганные

бесконечными угрозами, они решили навсегда уехать из нашей страны. «Уезжайте без нас! — говорили их дети. — Лучше мы умрем здесь, чем будем несчастными в чужой стране!»

Не достойна ли восхищения такая сила чувств?

Господин Канцлер Рейха! Речь идет о судьбе не только наших братьев-евреев, но о судьбе самой Германии!

Я обращаюсь к Вам во имя народа, выступать в защиту которого — мой долг, не меньше, чем мое право; обращаюсь к Вам как любой, в ком течет наша кровь, как немец, которому дар речи дан не для того, чтобы быть молчаливым сообщником, когда сердце дрожит от негодования:

Положите всему этому конец!

Иудаизм пережил рабство в Египте, вавилонский плен, испанскую инквизицию, бедствия крестовых походов и преследования в России в XVII веке. Та же стойкость, которая позволила евреям выжить и стать древним народом, поможет им преодолеть и это испытание. Но стыд и беда падут на Германию и долго не будут забыты! В самом деле, кто, если не мы сами, заплатит за то зло, которое мы причиняем сейчас евреям?

Евреи способствовали развитию нашей культуры и увеличили наше богатство, и если мы хотим погубить их, это неизбежно приведет к разорению Германии. История показывает, что народы, изгнавшие евреев из своих пределов, впоследствии расплачивались за это, навлекая на себя презрение и бедность.

Говоря по правде, сегодня их не выбрасывают на улицу, как это было вначале, на публике им оказывают знаки уважения, но это всего лишь видимость, на самом деле их втайне обворовывают, доставляя тем самым еще большие страдания. Я не знаю, насколько верно то, о чем ходят слухи.

Целые кварталы города отданы на разграбление, за ночь стены домов покрываются оскорбительными надписями, по улицам проезжают грузовики с развевающимися флажками, полные поющих и кричащих солдат, и мы все с тревогой наблюдаем за этим нарастающим приливом ненависти, который грозит смыть с лица земли все и вся.

В этот тяжелейший час, уготованный человечеству, появляются газеты, пестрящие насмешками, унизительными рисунками. Через сто лет после Гете и Лессинга мы возвращаемся к тому, что стало причиной самых тяжких за все времена страданий: к воинствующим предрассудкам.

Растут беспокойство и чувство незащищенности, появляются отчаяние и ужас, уже известны случаи самоубийств! И пока часть населения одобряет происходящие события, которые никогда бы

не оправдала их совесть, в надежде извлечь из них выгоду, вся ответственность так или иначе ложится на правительство, с холодной решимостью продолжающее проводить свою линию. Все это даже хуже и менее простительно, чем кровопролитие, поскольку является результатом холодного расчета и может кончиться только саморазрушением нашего народа.

Так каковы же будут последствия? Нравственный принцип справедливости подменяется этнической принадлежностью.

До сих пор разделение труда основывалось на способности человека выполнять ту или иную работу, а не на его вероисповедании или национальности. Вы сами восхваляли дух творчества как самое драгоценное благо народа, превозносили мыслителей и изобретателей как самую благородную силу нации. Теперь же любой неумелый и беспринципный человек может подумать: «Я вправе взяться за это дело просто потому, что я не еврей, тут достаточно быть немцем. Прикрываясь этим щитом, я смогу безнаказанно совершить даже злодеяния». Как только льстецы и угодники — просто для того, чтобы поступить на службу к новому хозяину, — подчиняются новой, чуждой им доктрине, ради которой Вы и Ваши друзья рискуете жизнью и именем, немедленно начинают выдаваться ордера на аресты. По прихоти самых бесчестных злодеев поступают доносы на целые семьи, которые начинают преследовать, поскольку это помогает некоторым избавиться от неудобного конкурента.

Может ли одно только участие в войне быть решающим фактором при определении мастерства и таланта, необходимых для соответствия должности?

Если бы сегодня был еще жив Вальтер Ратенау, который в один из самых трудных послевоенных периодов занимал в Германии пост министра, он не смог бы работать ни врачом, ни адвокатом, потому что не сражался на поле боя. Однако он уберег страну от поражения, организовав военную экономику, о которой правительство не позаботилось заранее. Он принял пулю, выпущенную не из окопа, а из засады в мирное время, с не меньшим мужеством, чем если бы это произошло в бою.

Различие между добром и злом исчезло, и не оказалось ли в результате этого под вопросом само единство нации? Вы можете ответить мне на это, что германская кровь всегда удержит нас от бесчестных поступков. Несомненно, происхождение и наследие обязывают, но, по моему мнению, мы скорее обязаны бороться «за» евреев, а не «против» них.

Пожалуй, верно, что в последнее время евреи дали своему отечеству немного героев, сражавшихся на поле битвы, если вспомнить о том, как многочисленна была воевавшая немецкая

армия. Но зато сколько было среди них мудрецов, мучеников и святых! Даже спасителям пробудившегося народа придется признать, что им не обойтись без этих святых, чей голос никогда не переставал напоминать нам о древнейших пророчествах и о высшем на земле нравственном законе.

Так почему же во всем мире преследуют и ненавидят этих удивительных чужестранцев? Только потому, что этот народ ставит правосудие и справедливость превыше всего, потому что он всегда любил и уважал закон, как невесту, и потому что те, кто не желает справедливости, более всего презирают поборников права.

Господин Канцлер Рейха! Люди и целые народы живут в отчуждении друг от друга, и в этом наибольшее зло.

Пытались ли когда-нибудь немцы принять в расчет одно явление вместо того, чтобы с самой своей юности бежать от мыслей о нем, как от проказы? Это предрассудок, который уже начинает проникать в умы самих евреев, заставляя некоторых из них стыдиться своего замечательного происхождения.

Да, люди, с которыми Вы вместе с Вашими единомышленниками боретесь сейчас в Германии, если верить Вашим словам, уже не евреи, но отступники, обуреваемые жадностью и чувственными инстинктами, потерявшие свою веру и забывшие свой долг, отвергнутые не только немцами, но и собственными братьями-евреями.

А разве немцы всегда вели себя лучше? Не только ли потому хранители больших богатств жалуются на евреев, что хотели бы оказаться на их месте? Разве немецкие граждане снизили проценты займов и арендную плату?

Возможно ли наказывать целый народ за ошибки нескольких сотен людей, которые предали глубочайшие устремления своего народа, находящегося в извечной борьбе между святостью и грехом, и тем самым принесли в жертву множество невинных жизней? Разве мы не отказались от кровной мести ради личной ответственности?

Произнося свои речи, Вы ссылаетесь на Всевышнего. Но не Сам ли Всевышний перемешал с немцами этот народ, оказавшийся в рассеянии, как соль с тестом для выпечки? Возможно, нам социально и нравственно необходима их врожденная прямота, которая помогает нам яснее различать наши собственные достоинства и слабости.

Вы говорите, что Германия пребывает в нужде, но вместо того, чтобы защищать всех угнетенных, Вы пытаетесь сейчас смягчить страдания одной части населения за счет страданий

другой. Утверждают даже, что обвинять евреев необходимо для спасения нашего отечества! Но нет отечества без справедливости! На сотню немцев приходится один еврей: может ли он быть сильнее их? Сильный народ не опустится до того, чтобы оставить беззащитных людей на произвол тех, кто ненавидит их по причине собственных жизненных неудач.

Вы говорите, что евреи якобы возбуждают враждебное отношение к себе своим высокомерием. Но, может быть, так получилось не без нашей помощи? Евреи способствовали распространению революционных идей, но не был ли их бунт порожден несправедливым к ним отношением? Разве мы не обижали их со времен нашей молодости? Разве общая судьба не влечет за собой общие права и общую вину?

Я оспариваю безумное утверждение, что все зло в мире идет от евреев. Оспариваю на основании закона и фактов многовековой истории. Если я обращаюсь с этими словами к Вам, то только потому, что не могу найти другого способа быть услышанным. Не как друг евреев, но как друг немцев, будучи выходцем из прусской семьи, я не хочу больше молчать в эти дни, когда все безмолвствуют, потому что понимаю, какая опасность нависла над Германией.

Мнение масс легко меняется на противоположное. Люди могут вскоре начать порицать то, что сейчас горячо поддерживают. Даже если пройдет много времени, рано или поздно пробьет час свободы для жертв преследования, а преступники будут наказаны. Придет день, когда немцы станут судить о своих действиях, прислушиваясь к голосу, идущему из глубины сердца. И тогда все они будут со стыдом вспоминать первое апреля этого года.

Если бы Германию действительно оклеветали — разве нуждалась бы она в таких мерах, чтобы сохранить чистую совесть? Нам говорят, что за границей перестали беспокоиться. Почему же тогда у нас до сих пор втайне продолжается гонение евреев? Разве не было более простого способа справиться с клеветническими слухами о наших преступлениях? Нельзя ли было вместо того, чтобы унижать евреев, доказать наше дружеское расположение к ним? Возможно, плохая репутация мгновенно исчезла бы, не устояв перед свидетельством любви и здравого смысла. Не был ли всегда добрый поступок лучшим средством для обращения?

Господин Канцлер Рейха! Я обращаюсь к вам со словами, которые вырываются из разбитого и страдающего сердца. И это не просто мои слова: это скорее глас судьбы, предостерегающий Вас

моими устами. Защитите Германию, защитив евреев! Не дайте ввести себя в заблуждение людям, которые рядом с Вами! Вам дают плохие советы!

Обратитесь к своей совести, как в тот раз, когда Вы, возвращаясь с войны и проходя через освобожденный мир, решили сражаться в одиночку! Умение признавать свои ошибки всегда было преимуществом сильных духом. Сейчас по многим признакам ясно, в чем нуждаются люди.

Верните уволенных на рабочие места, врачей в больницы, судей в суды, пустите детей в школы, исцелите удрученные сердца их матерей, и весь народ будет благодарить Вас! Ведь если Германия и могла бы обойтись без евреев, ей нельзя лишиться своей добродетели.

«Есть только одна истинная вера, — предупреждает вековая надпись на могиле мудрого Эммануила Канта, — хотя и может быть много различных вероисповеданий».

Помните эту догму: тогда Вы поймете и тех, против кого сейчас боретесь.

Чем была бы Германия без истины, без красоты и без справедливости? Если когда-нибудь города превратятся в груды обломков, наш род вымрет и голоса, призывающие к терпимости, навеки умолкнут — горы нашего отечества будут все так же подниматься к небесам, и так же будут шуметь многолетние леса, но они уже не смогут дышать воздухом свободы и справедливости, как во времена наших отцов. Со стыдом и презрением станут они рассказывать о племени, которое не только беспечно подвергло опасности судьбу страны, но и навлекло на ее память вечное бесчестье.

Требуя справедливости, мы хотим сохранить достоинство.

Умоляю Вас! Защитите благородство духа, гордость и совесть, без которых мы не можем жить! Защитите достоинство немецкого народа!

Армин Т. Вегнер

Беллетристическое наследие

Мальчик Хусейн (из сборника турецких рассказов)

Турецкие рассказы, из которых состоит изданный в 1921 году сборник Der Knabe Hussein *(«Мальчик Хусейн»), написаны Вегнером уже летом и осенью 1917 года, сразу после возвращения в Германию. Произведение, разумеется, относится к беллетристическому жанру в творчестве Вегнера и не может служить историческим свидетельством о геноциде. Однако Вегнер писал под воздействием еще свежих впечатлений об увиденном, хорошо помня рассказы многих армян, с которыми общался в Месопотамии. Кроме того, он часто основывает свое повествование на исторических фактах.*

Так он поступает, например, в рассказе Der Sturm auf das Frauenbad *(«Штурм женской бани»), отрывок из которого мы приводим ниже. В нем писатель изображает мир, где царит культ жестокости, насилия и наслаждения страданиями беззащитных жертв. В основе рассказа лежат исторические факты погрома в Эрзеруме в октябре 1895 года, когда прибывшие по приказу султана отряды «гамидие» (3 тысячи штыков) и фанатичная мусульманская толпа жестоко убили более 350 армян. Автор показывает людей, опустившихся до состояния варварства. Он пытается найти подтверждение словам Магомета, которые поставил в качестве эпиграфа к своим турецким новеллам: «Да,*

человек вопреки самому себе является свидетельством».

Штурм женской бани

Труба с вышки минарета острым воплем трижды изранила воздух.

Занавес мечети, у которой были выставлены часовые, распахнулся, желтоватый человеческий поток заструился через площадь. Под одеждой застывали обнаженные кинжалы, руки идущих вздымались. Быстро проскользнув в аллею, толпа проникла на базар.

Был час окончания большой молитвы в пятницу. Покинутые турецкие кварталы спали под шапками снегов. Жены христиан собрались в банях, чтобы после домашних трудов насладиться одурением полного покоя. На базаре было тихо. Армянские купцы, закутанные в шубы, ничего не подозревая, возлежали между своими нагроможденными товарами на сиденьях из подушек и пускали в воздух табачные дымки. Крылья их мясистых носов слегка подрагивали.

Когда они увидели приближавшуюся массу людей, то поднялись, бледные от страха.

Жандармы крикнули:

— Мы пришли, чтобы забрать имеющееся у вас огнестрельное оружие. Говорите, где оно?

— Но у нас нет оружия!

— Оно должно быть!

Даниэль Мелькон, улыбаясь и подергивая углами губ под выпученными усами, наклонился:

— Уверяю же вас, у нас нет оружия.

Перед ним выросла стена из белых тюрбанов. Мулла, подняв руку, сорвал один ковер:

— Сколько?

— Два фунта. Но я дарю его тебе в благодарность за честь вашего посещения.

— Обманщик!

— Выдай оружие!

На пороге церковной двери выросла фигура армянского епископа. Его черная трубообразная шляпа, из-под которой спадали молочно-белые волосы, резко выделялась над народом. Он раскрыл рот, но толпа не дала ему говорить, завопив:

— Молчи! Вы оскорбили закон шерифа! Вы хотите реформ? Мы и пришли для того, чтобы провести реформы. Выдайте оружие!

Епископ поднял руки.

— Возлюбленные дети... я клянусь вам, что его у нас нет...

Вдруг пуля из ружья системы Мартини оторвала левую часть его лица вплоть до уха. Епископ свалился. Обнаженная челюсть его выпятилась, и между зубов стал виден неживой язык.

Улочка содрогнулась. Армяне, застигнутые врасплох нападением толпы, подгоняемой голодом и секретным приказом дворца, пытались запереть свои торговые палатки, но деревянные двери с треском были сорваны прочь. Изнутри выбрасывали на улицу ковры, рулоны пестрых материй. Армяне пытались спастись бегством. Но черные мантии мулл распахнулись, оттуда вынырнули кривые сабли, показались винтовки. Защищаясь от нападения, люди поднимали руки, но нападавшие ножами полосовали им суставы. Кровь из перерезанного горла заливала шелковые одежды.

Турки, овощные торговцы и продавцы коринки, взламывали двери домов, с грохотом вбегали по лестницам в комнаты и выбрасывали из окон подушки. Все это они обливали керосином и поджигали. Женщины в паранджах и мальчики выбегали на улочку, крича:

— Дайте нам оружие!

Их повели к военному складу. Там они навесили на себя старые заржавленные цепи и железные кандалы. В чистом воздухе из-под паранджей раздалось зловещее улюлюканье, острые ногти женщин расцарапывали лица умирающих. Солдаты «гамидие», одетые в оборванные мундиры, под командованием своих офицеров покидали казармы. Уже шесть месяцев не получали они жалованья. Жадноглазые, с исхудавшими шеями, смотрели они по сторонам, маршируя по оцепеневшим кварталам города, их сумки для сухого пайка были набиты громыхавшими при ходьбе патронами.

Пришедшие на базар крестьяне-курды с занесенными топорами врывались в людскую чащу.

Единственный клич раздавался на улице:

— Во имя падишаха[119]! Смерть или ислам!

«Гамидие» сомкнули штыки. Они сдергивали со своих голов тюрбаны и стягивали ими шеи пытавшихся убежать, пока глаза последних не стекленели. Ноги солдат отшвыривали отрубленные головы, выколотые глаза каплями стекали на землю. Они отрубали члены у беззащитных и всовывали их в рот умирающим.

Двух армян солдаты привязали к дверному косяку и ножами стали сдирать с них кожу. Несчастные кричали от боли, от вскрывшихся кровеносных сосудов исходил пар на холодном воздухе. Неожиданно один сосуд лопнул и брызнул кровью в лицо убийцам. Подвергавшиеся истязаниям кричали и падали в

обморок. Но им давали понюхать уксуса и они вновь приходили в себя.

Дикие собаки, почуявшие запах крови, носились вокруг стаями. С их высунутых языков сочилась слизь убитых. Громкий лай псов, вопли пострадавших, запах сожженных волос и рычанье сливались в облако шума и ненависти, нависшее, словно красная гроза, над крышами городских домов [...][120].

Описание Вегнером массовых убийств дает наглядное представление о безудержной свирепости фанатически настроенной толпы, подстрекаемой к грабежу и убийствам, и о страданиях беспомощных, подвергшихся насилию и мучениям армян. И тем не менее представляется странным, что Вегнер стремится закончить свой рассказ на оптимистической ноте. Так, он показывает, как любовь помогает подняться над вакханалией зла. Лутфи, сын чудовища-губернатора из Эрзерума, полюбив прекрасную вдову-армянку Сирпухи, спасает ее и пытается начать с ней новую жизнь вдали от города.

Такой неожиданный поворот соответствует пацифистски-гуманистическим воззрениям Вегнера. К сожалению, если такие случаи и могли иметь место, они были всего лишь редким исключением и никак не влияли на общую картину — в период с 1894 по 1896 год было убито не менее 300 тысяч армян и 2500 их деревень подверглись разорению.

Добрый свет - Barì Luis[121]

(...) Вот что случилось со свидетелем, который пытался рассказать и написать об их трагедии и их конце. Он по-прежнему несет бремя данного им обещания вспомнить о погибших, если ему удастся вернуться на Запад. Но его никто не желает больше слушать.

Прошло пятьдесят лет. Другие народы, в том числе и более многочисленные, пережили тяжелейшие страдания. Свидетель исполнен стыда и некоего чувства вины. Он видел такое, чего нельзя увидеть, не рискуя собственной жизнью. Не значит ли это, что он должен умереть, как человек, увидевший лик Бога?

Он окружен молчанием. Куда ни повернись, он всюду наталкивается на запертые двери. «У нас свое горе!» — так говорят или думают люди. «Мы переживаем трагедию своего народа. Зачем нам терзаться чужой болью, давно забытой?»

Они хотят жить без тревог и печали, проводить дни, не ведая о том, какое насилие и какие беды постигли предшествующие

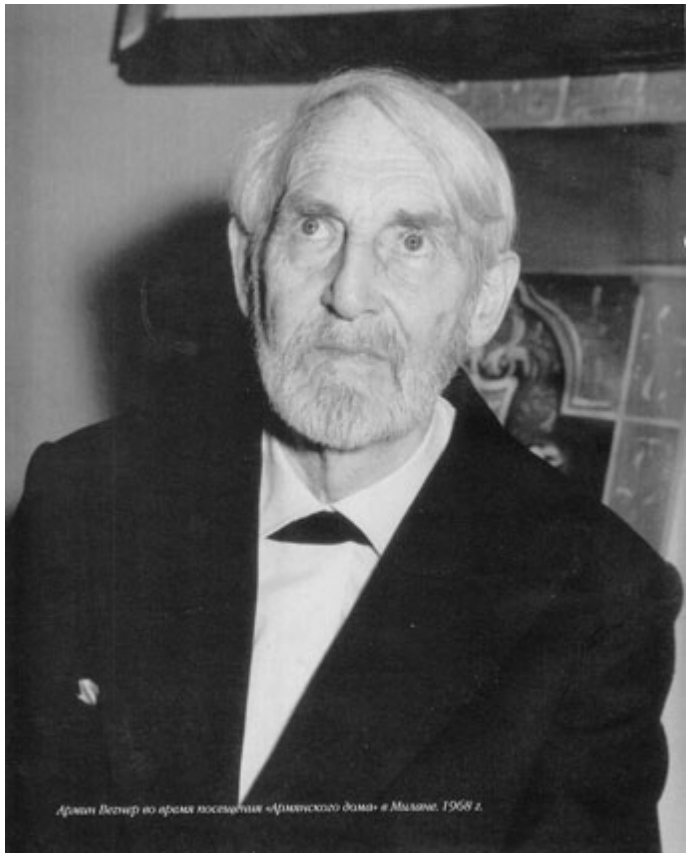
поколения. В начале двадцатых годов, когда свидетель этих ужасов, предполагая, что нечто подобное может произойти и на Западе, проиллюстрировал увиденное множеством фотографий и всеми документами, какие смог собрать в лагерях смерти, жители Германии и соседних стран, узнавшие об этом, испытали страх, но все же подумали: «Аравийская пустыня — она так далеко!»...

Прощание с самим собой[122]

(...) Частицей моей души я привязался и к Израилю, и к Армении, и к Италии, и к Англии. Какой-то частью моего существа я вновь полюбил юность, проведенную в Германии, другая жила в Турции, в Аравии в городе Багдаде, в Швеции, в Берлине, где прошел самый долгий период моей жизни. Еще часть пребывает на островах Липари, где у подножия вулкана Стромболи я реставрировал башню, чтобы с нее можно было видеть море. Другая частица осталась в том месте, которое снится мне в мучительно ностальгических снах — на берегах Одера в Силезии, где я более всего чувствовал себя дома: я вырос там, но мне никогда больше не доведется там побывать.

(...) Но, несмотря на большие потери — я думаю сейчас о многих друзьях, которые в течение моей жизни исчезли при ужасающих обстоятельствах, — я получил взамен нечто драгоценное, нечто такое, что уже однажды осознал в юности, во время моих скитаний. Дело в том, что в действительности у меня не было родины, но я мог ощущать себя дома повсюду. В Израиле я живу в лесу, в котором посадили дерево, назвав его моим именем[123]. В столице Армении одна из улиц носит мое имя, в Стромболи на потолке моего кабинета в башне вырезаны утешительные слова: «Нам поручено дело, но не дано выполнить его до конца».

1970 г.
Армин Т. Вегнер



Арман Вегнер во время посещения «Армянского дома» в Милане. 1968 г.

Библиография

1. Главные сочинения А. Вегнера

Художественная литература

1904 *Im Strome verloren* — стихи

1909 *Zwischen zwei Städten* — стихи

1910 *Gedichte in Prosa* — эскизы, сделанные на родине и во время путешествий

1917 *Das Antlitz der Städte* — сборник стихов (написанных в 1909 — 1913 годах)

1920 *Im Haus der Glückseligkeit* — записки из Турции

1921 *Der Knabe Hüssein. Türkische Novellen* — турецкие рассказы

1922 *Das Geständnis* — роман

1924 *Die Straße mit den tausend Zielen* — стихи

1926 *«Wasif und Akif», oder die Frau mit zwei Ehemdnner* — турецкая пьеса для марионеток, написанная с Лолой Ландау; *Das Zelt. Aufzeichnungen, Briefe, Erzählungen aus der Türkei* — записки, письма и рассказы из Турции

1928 *Wie ich Stierkämpfer wurde* — рассказы

1929 *Moni oder die Welt von unten* — детская повесть

1930 *Fünf Finger über Dir* — записки, сделанные во время путешествия по России, Кавказу и Персии (с октября 1927 по февраль 1928 года); *Am Kreuzweg der Welten. Fine Reise vom Kaspischen Meer zum Nil* (о путешествии от Каспийского моря до Нила)

1932 *Jagd durch das tausendjährige Fand* — рассказ; *Maschinen im Märchenland* — описание путешествия по пустыне Месопотамии

1952 *Die Silberspur* — описание чудес мира во время путешествия по девяти морям 1967 *Singe, damit es vorübergeht* — разное

1974 *Fällst du, umarme auch die Erde oder Der Mann, der an das Wortglaubt* — проза, лирика, документы (содержит библиографию о Вегнере, составленную Hedwig Bieber)

1976 *Odyssee der Seek* — хрестоматия (составитель R. Steckel)

1982 *Die Verbrechen der Stunde — Die Verbrechen der Ewigkeit* — хрестоматия (составители R. Leibbrand, K. Konz, R Lohmann); *Am Kreuzweg der Welten.* — хрестоматия (составитель R. Greuner)

Политические тексты

Der Streich im Strafrecht unter besonderer Berück Sichtigung des Worentwurfs, Melle, 1914

Предисловие А. Вегнера к книге *Der Process Talaat Pasha,* Berlin, 1921

Der Schrei von Ararat. An die Regierungen der sieghaften Völker. Sonderabdruck aus: «Die Neue Generation», Leipzig, 1922

Письма

Der Weg ohne Heimkehr, Ein Martyrum in Briefen, Berlin, 1919

«Welt vorbei. Abschied von den sieben Wäldern», Der KZ-Briefwechsel 1933-1934, (переписка А. Вегнера из концлагеря Бергермора с Лолой Ландау и другими), составитель Th. Hartwig, Berlin, 1999

Письмо В.Вильсону, впервые опубликованное в берлинской газете «Berliner Tageblatt», 23 февраля 1919 года

Письмо Гитлеру впервые было опубликовано в журнале «Freiheit und Recht», Düsseldorf, 1968, № 1

Тексты Вегнера, изданные по-русски

Армин Вегнер, *Осман. Новеллы* (перевод А.А. Петрова), Универсальная библиотека, № 206, Государственное издательство, Москва — Ленинград, 1927

Некоторые тексты А. Вегнера в русском переводе вошли в сборник *Германские источники о геноциде армян. Период Первой мировой войны* (под редакцией проф. С.С. Степаняна), т. 1, издательство Айастан, Ереван, 1991

Армин Вегнер, *Судебный процесс Талаата-паши. Стенографический отчет о судебном процессе с предисловием Армина Т. Вегнера и приложением,* издательство Феникс, Москва, 1992

2. Литература об Армине Вегнере

H. Bieber, *Armin T. Wegner. Bibliographie* (в приложении последней книги Вегнера *Fällst du, umarme auch die Erde oder Der Mann, der an das Wort glaubt),* 1974; - H.M. Wollmann, *Armin* T. *Wegner,* Bologna, 1977 (Diss.); - J. Serke, *Die verbrannten Dichter,* Weinheim/ Basel, 1977 (3. Auflage Frankfurt, 1983); - R. Nickisch, *Vergessen oder verdrängt? Zum 90. Geburtstag des Expressionisten und Weltreporters Armin T. Wegner am 16.10.1976, Universität Göttingen Informationen* 8, Göttingen, 1976, 9-31; - R. Nickisch, *Armin T. Wegner, Ein Dichter gegen die Macht, Grundlinien einer Biographie des*

Expressionisfen und Weltreporters Armin T. Wegner (1886-1978), Wuppertal, 1982; - J. Wernicke-Rothmayer, *Armin* T. *Wegner, Gesellschaftserfahrung und literarisches Werk, Europäische Hochschulschriften* 1, 503, Frankfurt, 1982; - M. Rooney, *Leben und Werk Armin T. Wegners (1886-1978) im Kontext der sozio-politischen und kulturellen Entwicklung in Deutschland,* Frankfurt, 1984 (Diss. Bremen 1982); - M. Tamcke, *(Armin* T. *Wegner und das Gebet bei Lev N. Tolstoi»,* in J. Martikainen/H.O. Kvist, Makarios-Symposium über das Gebet *(Vorträge der dritten Finnisch-deutschen Theologentagungin Amelungsborn 1986, Festschrift für Werner Strothmann),* Abo 1989, 250-268; - M. Rooney, *«Weg ohne Heimkehr», Armin T. Wegner zum 100. Geburtstag. Eine Gedenkschrift,* Bremen, 1986 - M. Tamcke, «Reisenotizen Armin T. Wegners zur Situation der russischen Sekten in Armenien aus dem Jahr 1927», in *Der Christliche Osten* 44, Würzburg, 1989, 269-272; - S. Milton, «Armin T. Wegner, Polemicist for Armenian and Jewish Human Rights», in *Genocide and Human Rights,* NAASR, Vol. IV (1992); - M. Tamcke, *Armin T. Wegner und die Armenier, Anspruch und Wirklichkeit eines Augenzeugen,* Göttingen, 1993 (2. Auflage in der Reihe *Studien zur Orientalischen Kirchengeschichte,* Band 2, Hamburg, 1996); - Lola Landau, *«Positano oder Der Weg ins dritte Leben», Zwei autobiographische Anekdoten,* (составитель Th. Hartwig), Berlin, 1995; - *Armin T. Wegner e gli armeni in Anatolia. 1915. Immaginie testi-monianze,* Milano, 1996

Общие пособия

W. Killy, *Literatur Lexicon,* München, Bertelsmann Lexicon Verlag, 1992

M. Kindler, *Kindlers Neues Literatur Lexicon,* München, Kindler, 1992

FA. *Brockhaus, Brockhaus Enzyklopädie,* Mannheim, 1994

K. Voigt, *Il rifugio precario: Gli esuli in Italia dal 1933 al 1945,* Firenze, La Nuova Italia, 1993

Источники для биографии Вегнера

Архивы Миши Вегнера, Рим

Deutsches Literaturarchiv, Марбах (Германия)

Armin T. Wegner Gesellschaft, президент: Dr. Martin Rooney, Берлин

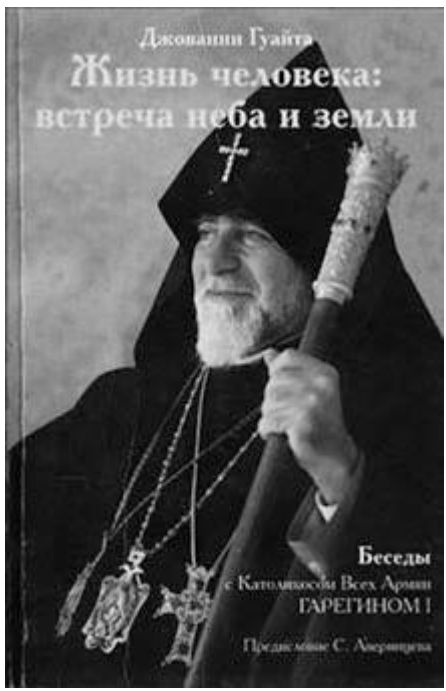
Gesellschaft für bedrohte Völker, координаторы: Dr. Tessa Hoffmann и Dr. Gerayer Koutcharian, Берлин

The Yad Va-Shem Institute (Израиль)

Об авторе

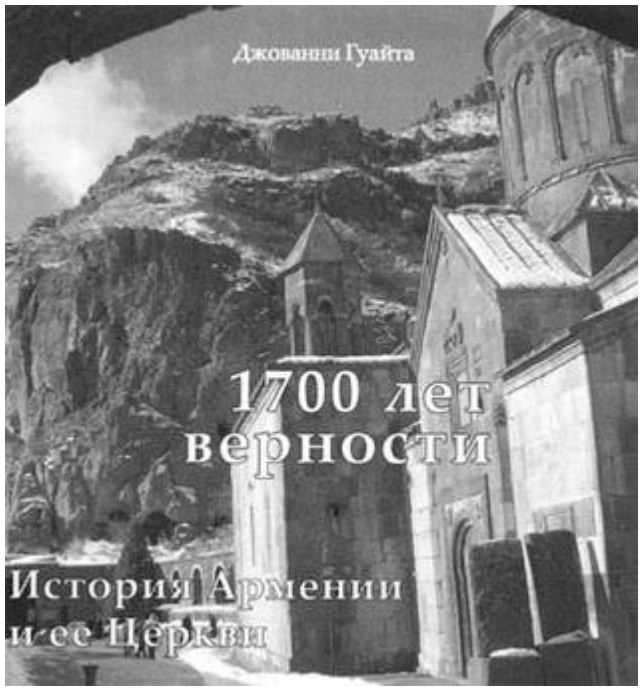
Автор книги Джованни Гуайта — итальянский писатель, учился в Женеве, Флоренции, Москве и Санкт-Петербурге. Почти 20 лет изучает Православие, Россию и Армению. Преподает в Московском Университете.

Ему принадлежат многочисленные работы по русской духовности и переводы русской духовной литературы. Он составитель обширного Словаря по православной агиологии. На армянскую тематику им написаны две книги: *Жизнь человека: встреча неба и земли* (предисловие С.С. Аверинцева), и *1700 лет верности* (предисловие К.Н. Бакши).



Жизнь человека: встреча неба и земли состоит из бесед с ныне покойным Католикосом всех армян Гарегином I. Вышедшая сначала по-французски, она была переведена на армянский, русский, английский и итальянский языки и не раз переиздавалась. В беседах с Католикосом Гарегином I, автор касается самых различных проблем: веры и неверия, счастья и страдания, власти и авторитета, места и роли в Церкви мирян, женщин и молодежи, проблем любви и семьи, целомудрия,

сексуальной жизни, гомосексуализма, справедливости, равенства, биоэтики и многого другого. Широкий спектр затронутых вопросов может быть интересен всем, и верующим, и неверующим, и христианам, и представителям других религий.



1700 лет верности написана в связи с юбилеем крещения Армении в 2001 году и подробно рассказывает об истории Армянской Апостольской Церкви, показывая ее через призму истории армянского народа. Она охватывает период от возникновения армян и до наших дней. Автор дает понять, насколько христианская судьба Армении сплелась в единую нить с судьбой исторической. Написанная живо и ярко, книга обращается к самому широкому кругу читателей, интересующихся историей Церкви и армянского народа.

Книги можно заказать по электронной почте ares@ny.com

notes

Примечания

1

О последнем периоде Османской империи (с момента прихода к власти Абдул-Гамида II) и о начале турецкой республики (до смерти Мустафы Кемаля) см. книгу: Yves Ternon, *L'Empire ottoman, le déclin, la la chute, l'effacement*, Paris, 2002, а также последнюю часть книги: R.Mantram (a c. di), *Storia dell'imperio ottomano*, tr.it Lecce, 1999.

2

Интересные данные о его жизни можно найти в книге, которая содержит свидетельство французского воспитателя сына Абдул-Гамида: R.Barrelies, *Crépuscule ottoman: 1875-1933: Un Français chez le dernier grand sultan (Préface de A.Decaux)*, Toulouse, 2002; см. также: G. Roy, *Abdul-Hamid, le sultan rouge (Préface du colonel Lamouche, ancient instructeur de la gendarmerie ottomane)*, Paris, 1936.

3

В. Соловьев, *Три разговора. Краткая повесть об Антихристе,* Москва, 2000, с. 63 и сл.

4

Собрание текстов международных договоров, относящихся к армянскому вопросу (от Гюлистанского договора 1813 г. до договора между Армянской Республикой и Российской Федерацией 1997 г.), было недавно издано на русском языке: Г. Азатян, *Судьбоносные договора,* Ереван, 2000.

5

О череде превратностей, пережитых Арменией по причине изменений курса международной дипломатии, см.: Дж. Киракосян, *Буржуазная дипломатия и Армения (70-е годы XIX века),* Ереван, 1981.

6

В 1864 г. турки поделили армянскую территорию, вошедшую в Османскую империю в XVII веке (около половины древней Армении), на шесть провинций *(вилайетов):* Ван, Эрзерум, Битлис, Себастия, Харпут и Диарбекир.

7

См., например, совместные ноты, направленные европейскими державами Порте 11 июня и 7 сентября 1880 г.; последняя приведена итальянским историком Ф. Сидари в его книге: *La questione armena nella politico delle grandi potenze dalla chiusura del Congresso di Berlino al trattato di Losanna del 1923,* Padova, 1962, p. 12. Мы делаем отсылку к той же работе (которая и поныне остается самым серьезным исследованием по армянскому вопросу на итальянском языке) относительно всего, что касается армянского вопроса во внешней политике великих держав. Об этом же см.: M.Somakian, *Empires in conflict: Armenia and the Great Powers,* London-New York, 1995.

8

См.: J.Heller, *Britain and the Armenian Question,* London, 1980. Такое изменение во внешней политике Великобритании отражается в официальных дипломатических документах Его Величества. Это видно даже из специально подобранного в целях турецкой пропаганды сборника *British documents on Ottoman Armenians,* vol. II (1880-1890), Ankara, 1983.

9

Состав армянской делегации на конгрессе не соответствовал нужному дипломатическому уровню. Великий армянский дипломат Нубар Паша, который был ранее министром иностранных дел Египта, не входил в состав делегации, которую возглавлял Айрик Хримян, в прошлом Патриарх Константинопольский. Это был, несомненно, человек высокой духовности, но совершенно несведущий в дипломатии. Рассказывают, что во время подготовки к поездке в Берлин кто-то спросил его, на каком языке он будет говорить на конгрессе поскольку он не знал никакого языка, кроме армянского, турецкого и курдского), и святой прелат ответил, что станет говорить «на языке слез». Такой ответ красноречиво показывает глубокую духовность, но одновременно и наивность архиерея, не отдававшего себе отчета в том, насколько искусны и хитры будут его собеседники.

Ср.: L.Z. Nalbandian, *Armenian Revolutionary Movement: The Development of Armenian Political Parties Through the Nineteenth Century,* University of California Press, 1988.

11

О первых десятилетиях истории партии см.: H. Dasnabedian, *Histoire de la Fédération Révolutionnaire Arménienne 'Dachnaktsoutioun', 1890/1924* (H.Tasnapetean, *History of the Armenian Revolutionary Federation, Dashnaktsutiun, 1890-1924*), Milano, s.d.

12

О положении армян в Османской империи в этот период см.: M.K.Krikorian, *Armenians in the Service of the Ottoman Empire 1860-1908,* Routledge Kegan & Paul, 1978; B.Sivazliyan, *Scambi colturali, economici, amministrativi tra gli armeni e l'impero ottomano nel XIX secolo, con presentazione, analisi e traduzione delle fonti inerenti armene e ottomane,* Venezia, 1985.

13

В XVII в. армяне составляли 98% населения Западной Армении, а турки, курды и другие мусульмане - *2%.* Г. Пасдермаджан считает, что курдов, обосновавшихся в областях Муш, Ван и Эрзерум в 1877-1914 гг., было около 100 000. Накануне Первой мировой войны на всей обширной территории исторической Армении армян было всего 38,9%, турок — 25,4%, а курдов и представителей еще нескольких национальных меньшинств — 24,5%; см.: Л.М. Воробьева, «Трагедия армянского народа: страницы истории» в *сборнике: Армения: проблемы независимого развития* (под ред. Российского института стратегических исследований), Москва, 1998, с. 173. После войны и геноцида процентный состав армян будет незначительным. Об эксплуатации курдов османским правительством см.: H. Pasdermadjian, *Histoire de l'Arménie,* 3 éd., Paris, 1971, p. 334-336 и 340-342. Жестокости, совершенные курдскими нерегулярными полками, признает даже курдский историк Ш. Мгои (см.: М.С. Лазарев, Ш.Х. Мгои, *История Курдистана,* Москва, 1999, с 189-199).

В этой связи интересны свидетельства, содержащиеся в отчетах французских дипломатов их правительству, опубликованных в *Livre Jaune, Affaires Arméniennes, 1893-1897,* Paris, 1897.

15

Особенно значительной была реакция общественности Российской империи, где проживало много армян. В 1896 г. в Москве вышла книга об армянском вопросе и о том, какую позицию заняли в последнее время европейские государства *(Положение армян в Турции до вмешательства держав в 1895 году,* Москва, 1896), и книга о «зверствах турок в Сасуне» (Е.Диллон, Ф.Грин, *Положение дел в Турецкой Армении и турецкие зверства в Сасуне,* Москва, 1896); в 1897 г. большая группа известных русских и армянских общественных деятелей опубликовала сборник очерков с целью (как показывает само название издания) оказать *«Братскую помощь пострадавшим в Турции армянам»* (Москва, 1897), который уже в следующем году был дополнен и переиздан. События в Турции потрясли также общественность Швейцарии. 7 сентября 1896 г. тысячи людей вышли на площадь в Лозанне; в том же году 430 000 швейцарских граждан подписали петицию в поддержку армянского народа, уничтожаемого турками, которая была обращена к Федеральному Совету и к Папе *(Miséricorde: appel à Sa Sainteté le Pape et au Haut Conseil Fédéral Suisse en faveur des peuples opprimés en Turquie et en Macédonie,* Genève, 1896; см. также: K. Meyer, *Armenien und die Schweiz* Bern, 1974).

16

См.: *Christians and Jews in the Ottoman Empire* (eds. B.Braude and B.Lewis), I-II, New York-London, 1982.

17

Цитируем по: F. Sidari, *La questione armena,* указ. соч., с. 45.

18

Об идеологии пантюркизма (или *пантуранизма)* см.: А.Сваранц, *Пантюркизм в геостратегии Турции на Кавказе,* Москва, 2002, а также: J.M.Landau, *Pan-Turkism in Turkey,* London, 1981; M.Aray, *Turkish Nationalism in the Young Turk Era,* Leide, 1992.

19

Об анализе действий младотурок в 1908-1918 гг. см.: Дж. Киракосян, *Младотурки перед судом истории.* Ереван, 1986, а также: F. Ahmad, *The Young Turks: The Committee of Union and Progress in Turkish Politics: 1908-1914,* Oxford, 1969; A. Mango, *The Young Turks,* London, 1996, Middle Eastern Studies, vol. 32

20

Об истории и личных качествах членов триумвирата младотурок существует много источников и свидетельств. О Талаате см. рассказы американского посла Моргентау; об Энвере — описание в романе Франца Верфеля, основанное на рассказах пастора Лепсиуса и других свидетелей; о Джемале — материалы, недавно опубликованные Ремоном Кеворкяном, о которых будет идти речь далее.

21

Погос-паша Нубарян, или Погос Нубар (1851-1930), — сын знаменитого политического деятеля и дипломата Нубара-паши Нубаряна (1825-1899), который был министром иностранных дел и премьер-министром Египта и заслужил высшие награды и признание этой страны. Как и отец, Погос Нубар занимал высокие посты в правительстве Египта, возглавлял жизнь местной армянской общины и сыграл чрезвычайно важную роль в армянской дипломатии на различных международных конференциях. Он развернул широкую благотворительную деятельность, способствуя в 1906 году основанию Армянского Всеобщего Благотворительного Союза и был первым его председателем. В 1915 и в последующие годы Армянский Всеобщий Благотворительный Союз оказал неоценимую помощь беженцам из Западной Армении основывал и поддерживал больницы, приюты для сирот и школы во многих общинах диаспоры, организовывал репатриацию армян. И сегодня Союз поддерживает многочисленные филантропические и культурные организации в Армении и в странах диаспоры.

22

См., например, позицию Англии в книгах: J. Heller, *Britain and the Armenian Question,* указ. соч.: A. Feros, *Great Britain's 'Relations with the Young Turks 1908-1914,* London, 1965.

23

Текст письма Геворга V к царю опубликован на русском языке в книге *Геноцид армян в Османской империи. Сборник документов и материалов,* 2-е изд., испр., Ереван, 1982, с. 245-249.

24

О положении армян в этот период см. A. Beylerian, *Les Grandes puissances, l'Empire ottoman et les Armeniens dans les archives françaises (1914-1918),* Publication de la Sorbonne, Paris, 1983; R.H. Kévorkian, R.B. Paboudjian, *Les Arméniens dans l'Empire ottoman à la veille du génocide,* Paris, 1992. В сегодняшней русской историографии большое внимание армянскому вопросу и геноциду уделяет В.Е. Шамбаров в своей книге *За веру, царя и Отечество* (Москва, 2003), посвященной истории Первой мировой войны.

В этой связи историки называют совершенно разные цифры. Пасдермаджан пишет, что армян, мобилизованных в русскую армию, первоначально было 120 000, но позднее к ним добавилось еще 60 000 человек. Врацян же говорит о 250 000 армян, зачисленных в российскую армию. Что касается армян, служивших в турецкой армии, трудно установить их общее число, но следует учесть, что в начале призывали 20-45-летнюю возрастную группу, затем распространили призыв на мужчин 18-20 и 45-60-летнюю группу (об этом см.:V.N.Dadrian, «The Armenian Genocide: an Interpretation», in: *America and the Armenian Genocide of 1915* (edited by Jay Winter), Cambridge University Press, 2003). Таким образом, еще до начала депортации в армянских общинах почти не оставалось взрослого кого населения.

26

Об армянах, завербованных в вооруженные силы Антанты, см.: G.Korganoff (général), *La Participation des Arméniens à la guerre mondiale sur le front du Caucase (1914-1918),* Paris, 1927.

27

О сложной истории принятия этой Декларации и ее юридической важности см.: Ю. Барсегов. *Геноцид армян — преступление по международному праву,* Москва, 2000, с. 77-88.

28

В недавнее время историческая картина сопротивления армян в Муса Даге на основании документов того периода была дополнена двумя итальянскими журналистами; см.: F. Amabile, M. Tosatti, *La vera storia del Miissa Dash* (presentazione di Vittorio Messori), Milano, 2003.

29

Об этом см. замечательную книгу итальянского армянина Пьетро Кучукяна: *Voci nel deserto. Giustie testimoni per gli armeni,* Milano 2000. На русском языке обширным собранием официальных донесений иностранных дипломатов, находившихся в Турции в 1876-1920 гг., является книга *Геноцид армян в Османской империи. Сборник документов и материалов* (сост. М.Г. Нерсисян, Р.Г. Саакян, под ред. М. Нерсисяна), 2-е доп. изд., Ереван 1982; самое полное издание государственных официальных документов (почти исключительно из Великобритании, Франции, Соединенных Штатов и России) и международных договоров, относящихся к геноциду, было осуществлено юристом, профессором Юрием Барсеговым *(Геноцид армян: ответственность Турции и обязательства мирового сообщества. Документы и комментарии,* Москва, 2002). Вышедшие первые два тома этой работы включают в себя более 1 500 документов. В Италии Историческим институтом Флорентийского университета готовится к изданию полное собрание документов за 1878-1923 годы, касающихся армянского вопроса, из архивов Министерства иностранных дел Италии. Издание будет состоять из 12 томов; на сегодняшний день издано уже 4 тома.

См. *Германские источники о геноциде армян* (под ред. С.Степаняна), Ереван, 1991, с. 212-229. В недавнее время были изданы новые материалы из австрийских архивов; см.: A.Ohandjanian, *Österreich-Armenien, 1872-1936. Faksimilesammlung diplomatischer Aktenstücke,* 12 Bände, Wien, 1995; IDEM, *1915. Irrefutable Evidence. The Austrian Documents on the Armenian Genocide,* Yerevan, 2004.

31

См.: H.Vierbucker, *Arménie 1915: un peuple civilisé massacré par les Tuns: témoignage d'un officier allemand* (trad, par Louise Gessarentz), Montelimar, 1987; на русском языке см.: *Германские источники о геноциде,* указ. соч.

32

H.Morgenthau, *Ambassador's Morgenthau story,* New York, 1918. См. также французское издание: H.Morgenthau, *Mémoires, suivi de Documents inédits du Département d'Etat,* Paris, 1983. О Моргентау см. биографический очерк, написанный его внуком: H.Morgenthau III, *Mostly Morgenthaus, a family History,* New York, 1991.

33

Цитируем по: P.Kucmkian, *Voci nel deserto. Giusti e testimoni per gli armeni,* указ. соч. с 20-21.

Там же, с. 31, 26, 32-33.

«The Times», October 7, 1915.

A.Toynbee, *Armenian Atrocities. The Murder of a Nation,* New York, 1915.

37

Ср.: J.Bryce, *Accounts and Papers, 1916 (cd-8325), Armenians in Turkey: The Treatment of the Armenians in the Ottoman Empire, 1915-1916,* London, 1916; см. наиболее полное французское издание: J.Bryce, A.Toynbee, *Livre bleu sur le massacre des Arméniens dans I'Empire ottoman,* Paris, 1987.

Bericht über die Lage des Armenischen Volkes in der Türkei, Potsdam, 1916.

Der Todesgang des Armenischen Volkes, Berlin-Potsdam, 1919.

Deutschland und Armenien. 1914-1918. Sammlung Diplomatischer Aktenstücke, heransgegeben und eingelei-tet von Dr. Johannes Lepsius, Potsdam, 1919. См. также дополненное издание W. и S. Gust в Интернете: http://home.t-online.de/home/wolfgang.gust

41

Недавно под руководством Германа Гольца — директора архивов Лепсиуса, богослова и профессора Университета Мартина Лютера в немецком городе Галле, был издан громадный архив Лепсиуса в трех томах: *Deutschland, Armenien und die Türkei 1895-1925. Dokumente und Zeitschriften aus dem Dr. Johannes-Lepsius-Archiv,* (ed. Hermann Goltz), München, 1998-2004. Первый том содержит общий каталог; второй — издание документов и журналов на микрофильмах; третий — тематический лексикон. Интересные материалы по Лепсиусу можно найти в издании: *Akten des ersten Dr.Johannes-Lepsius-Symposiums 1986* (ed. Hermann Goltz), Halle/Saale, 1987. Автор благодарен профессору Гольцу за любезно оказанную консультацию.

42

A.T. Wegner, *Der Weg ohne Heimkehr. Ein Martyrium in Briefen,* Berlin, 1919.

43

Предисловие к процессу против Талаата: *Der Prozess Talaat Pascha* (mit einem Vorwort von Armin T.Wegner), Berlin, 1921. Крик с Арарата: A.T.Wegner, *Der Schrei vom Ararat,* Leipzig, 1922.

44

Об Армине Вегнере см. две книги M. Rooney: *Leben und Werk Armin T. Wegners (1886-1978) im Kontext der sozio-politischen und kulturellen Entwicklungen in Deutschland,* Frankfurt am Main, 1984; *«Weg ohne Heimkehr». Armin T. Wegner zum 100 Geburtstag. Eine Gedenkschrift,* Bremen, 1986. Об итальянских годах Армина Вегнера см. свидетельство его сына Миши Вегнера: «In nome del padre», в сборнике: AA.VV., *Si può sempre dire un sì o un no: i Giusti contro i Genocidi degli Armeni e degli Ebrei* (atti del Convegno, Padova, 30 novembre - 2 dicembre 2000), Padova, 2001, c. 125-130.

45

Этим событиям посвящена X глава нашей книги *1700 лет верности. История Армении и ее Церкви,* Москва, 2002, с.265-296 и наша статья «Армения между турецким молотом и российской наковальней», опубликованная в журнале *Гражданинъ,* № 4, июль-август 2004, Москва, с.84-92.

См.: Дж. Гуайта, *1700 лет верности,* указ. соч., с. 274-279.

См.: Г. Хомизури, *Социальные потрясения в судьбах народов (на примере Армении),* Москва, 1997, с. 88.

48

Об этом см. свидетельство священника Жюля Шаперона, который вошел в Киликию с французскими войсками, после чего осуществлял активную деятельность в Константинополе, помогая армянам до тех пор, пока французы не вывели свои войска из Турции в 1923 г. См.: Chaperon (Abbé), *Un aumônier militaire français témoin du drame armenien, Journal de l'Abbé Chaperon, Glide 1920 - Constantinople 1921-1923,* (publié par l'Institut Euroméditerraneen pour l'Armenie, s.d.l.)

49

Ф. Сидари *(La questione armena,* указ. соч., с. 248) говорит о 120 000 армян, покинувших Киликию вслед за отходящими французскими войсками.

Делаем отсылку к самым авторитетным исследованиям по геноциду армян: Y.Ternon, *Les Arméniens. Histoire d'un génocide,* Paris, 1977; Tribunal permanent des peuples, *Le crime du silence. Le génocide des Arméniens* (G.Chaliand éd.), Paris, 1984; R.G. Hovannisian (ed.), *The Armenian Genocide,* London, 1992; V.N. Dadrian, *The History of the Armenian Genocide: Ethnic Conflict from the Balkans to Anatolia to the Caucasus,* Oxford, 1995.

51

См. Ю. Барсегов, *Геноцид армян - преступление по международному праву,* Москва, 2000, с. 17-22. Специалист по международному праву, проф. Барсегов делит почти пятидесятилетний период, в который совершались действия, прямо подпадающие под юридическое определение геноцида, на две части: с 1876 по 1914 г. объектом избиений были армяне из тех районов, где они составляли большинство населения; 24 апреля 1915 г. началась вторая фаза геноцида (1915-1923), в течение которой преследования распространились на всех армян, живших в Османской империи, а также за ее пределами. Кроме того, по мнению Барсегова, на протяжении пяти предшествующих веков Османская империя проводила по отношению к армянскому населению (как и к другим этническим и религиозным меньшинствам) «предгеноцидную» политику, включающую в себя противозаконные действия, ограничения и всевозможные нарушения прав. То же можно сказать о современной Турции и об Азербайджане, которые по сей день осуществляют «постгеноцидную» политику. О «предгеноцидной» политике османских властей говорит также крупный специалист по геноциду В. Дадрян в книге *The History of the Armenian Genocide,* указ. соч., особенно в четвертой части этой работы: «The Inauguration of a Proto-Genocidal Policy» (с.l11-176). Историк А.Айвазян считает, что решение полностью истребить армянский народ было принято османским правительством уже в XVIII веке (см.: A.M. Aivazian, *The Armenian Rebellion of the 1720 s and the Threat of Genocidal Reprisal,* Yerevan, 1997, p.46). Противоположного мнения придерживается итальянский арменовед (и русист) Альдо Феррари, который утверждает, что в Османской империи условия жизни для армянского миллета были в целом хорошими и ухудшились только к середине XIX века в основном по вине нарождающегося армянского освободительного движения. Феррари не видит в устроенной Абдул-Гамидом в конце века резне начало осуществления преднамеренного плана по полному истреблению армян и ограничивает собственно геноцид 1915 годом (см.: Aldo Ferrari, *La Turchia e il genocidio del popolo armeno. Un problema storiografico?* в его книге: *L'Ararat e la gru. Studi sulla storia e la cul-tura degli armeni,* Milano, 2003, pp.227-237).

52

В недавнее время Ремон Кеворкян, директор библиотеки имени Нубаряна при Армянском Всеобщем Благотворительном Союзе (по-французски UGAB, Union Générate Arménienne de Bienfaisance) в Париже, показал, что, начиная с августа 1916 г., Джемаль-паша, командующий IV армией на сирийско-ливано-палестинском фронте, пытался спасти от смерти 130 000 армян, депортированных в пустынные местности этого района. Они должны были быть перемещены в Бейрут и другие населенные пункты сирийского побережья черкесским офицером Хасаном Амджа Беем, получившим для этого от Джемаля полномочия. Хасан Бей стал очень мужественно и активно действовать с целью облегчить страдания депортированных и в первую очередь оказать им медицинскую помощь. Однако, столкнувшись с недоверием и непониманием своих подчиненных, которые воспринимали любую помощь армянам как измену родине, он не сумел организовать их перемещение и в конце концов, когда на него донесли Талаату, был освобожден от должности. В 1919 г. Хасан Амджа Бей опубликовал в Стамбуле четыре статьи, содержащие историю его деятельности; но бурная реакция общественности, не желавшей слышать о депортации армян, заставила его прекратить публикации. Что касается Джемаля, в 1916 г. он пытался спасти армян из чисто политического расчета. Будучи в тот момент в ссоре с Талаатом, Энвером и партией «Единение и прогресс», он стремился получить власть над «султанатом Ближнего Востока», в состав которого должны были войти Сирия, Палестина, Армения, Месопотамия, Аравия, Киликия и Курдистан. С этой целью он при помощи дашнакского деятеля из России Акопа Завриева и знаменитого армянского политического деятеля из Египта Погоса Нубара завязал отношения с русскими, французскими и английскими дипломатическими кругами. В обмен на султанат на Ближнем Востоке Джемаль принимал на себя обязательство перед державами Антанты бороться с младотурками и спасать армянское население. Перемещение армян, известных своим трудолюбием и предприимчивостью в торговле (к тому же исламизированных и «отуреченных»), имело, кроме того, своей целью способствовать экономическому развитию района, в котором он рассчитывал стать султаном. Конец царской империи, чередующиеся превратности войны, изменение отношения к армянскому вопросу в политике великих держав и их экспансионистские устремления постепенно привели к отказу от

этого проекта (см.: R.Kévorkian, *«L'extermination des déportés armeniens dans les camps de concentration de Syrie-Mesopotamie (1915-1916)»,* в *Revue d'histoire arménienne contemporaine,* Tome II, Paris, 1998).

53

Об этом см., например, мнение турецкого историка Танера Акчама (T. Akçam, *The Decision of a Genocide in the Light of the Ottoman-Turkish Documents* в его книге *Dialogue Across an International Divide: Essays Towards a Turkish-Armenian Dialogue,* Toronto, 2001, pp.43-73).

О некоторых случаях неподчинения турецких должностных лиц приказам правительства свидетельствует. например, А. Мандельштам, сотрудник посольства России в Константинополе с 1898 по 1914 г. см.: A.Mandelstam, *La Societé des Nations et les Puissances devant le problème arménien,* Paris, 1925).

См.: A.Andonian, *The Memoirs of Naim Bey,* London, 1920.

О Найме Сефа см. также F.Amabile, M.Tosatti, *I baroni di Aleppo* (Orienti, 13), Roma, 1998, pp. 59-65; B.L. Zekiyan, *Il caso di Naim Bey,* Conferenza Galleria Mirzakhanian, 1998; B.L. Zekiyan, «Riflessioni sulla trasposizione semantica del concetto di 'Giusto' nel contesto del 'Metz Yeghern' armeno», in AA.VV., *Si pud sempre dire un sì o un no,* указ. соч., с. 240-246.

В этой связи см., помимо уже процитированной книги П. Кучукяна (*Voci nel deserto*)*:* A.Arslan, «Volti del 'Giusto' nella cultura armena», in AA.VV., *Si pud sempre dire un sì o un no,* указ. соч., с. 29-40; R.H. Kévorkian, «Per una tipologia dei 'Giusti' nell'impero ottomano di fronte al genocidio degli armeni», *там же,* с. 67-78; B.L. Zekiyan, «Riflessioni sulla trasposizione semantica del concetto di 'Giusto' nel contesto del 'Metz Yeghern' armeno», *там же,* с. 211-246.

Одним из примеров служит очень малочисленный народ хемсинли, армянский диалект которого изучался Г. Дюмезилом (см.: *Revue des Etudes Arméniennes,* II, 1965 и XX, 1986/87).

59

См. свидетельство самого Католикоса Всех Армян Гарегина I, в прошлом Католикоса Киликии, который родился и долго жил на Ближнем Востоке среди арабов, в нашей книге: Дж. Гуайта, *Жизнь человека: встреча неба и земли. Беседы с Католикосом Всех Армян Гарегином I* (предисловие С. Аверинцева), Москва, 1999, с. 50-52, 63-64.

См.:V.N. Dadrian, *German Responsibility in the Armenian Genocide: A Review of the Historical Evidence of German Complicity,* Blue Crane Books, 1996, а также на русском языке: Л.М.Воробьева, «Трагедия армянского народа: страницы истории», в сборнике: *Армения: проблемы независимого развития,* (под ред. Российского института стратегических исследований), Москва, 1998, с. 167-218; см. также: U. Trumpener, *Germany and the Ottoman Empire, 1914-1918,* Princeton, 1978. Об ответственности австро-венгров см.: W.Bihl, *Beziehungen Österreich-Ungarns zum Osmanischen Reich,* Wien, 1982; A.Ohandjanian, *Die Armenische Frage und die Rolle Österreich-Ungarns und Deutschelands, Yerewan,* 2001.

61

Существуют многочисленные ватиканские и итальянские архивные документы того времени о геноциде армян; об этом см.: A. Riccardi, *Un olocausto cristiano nella prima guerra mondiale? I cristiani d'Oriente tra i Giovani Turchi e la Santa Sede, в его книге Mediterraneo. Cristianesimo e islam tra coabitazione e conflitto,* Milano, 1997, pp.101-145; M. .Impagliazzo, *Una finestra sul massacre Documenti inediti sulla strage degli armeni (1915-1916),* Milano, 2000. Приводим список официальных выступлений последних Пап о страданиях армян, в которых они прямо или косвенно касаются темы геноцида: Benedetto XV, *Discorso per il Sacro Concistoro* (6 dicembre 1915): AAS VII (1915), 510; *Lettera ai Governanti deipopoli belligeranti* (1 agosto 1917): AAS IX (1917), 419; Pio XI, *Discorso al Concistoro per la beatificazione del venerabili Giovanni Bosca e Cosma da Carboniano* (21 aprile 1929): Discorsi II, 64; *Lett. Enc. Quinquagesimo ante* (23 dicembre 1929): AAS XXI (1929), 712; Pio XII, *Discorso a fedeli armeni* (13 marzo 1946): Discorsi e messaggi VIII, 5-6; Giovanni Paolo II, *Omelia durante la Divina Liturgia in rito armeno* (21 novembre 1987), 3: Insegnamenti X/3 (1987), 1177; *Discorso per Гapertura delta mostra Roma-Armenia* (25 marzo 1999), 2: *UOsservatore Romano,* 26 marzo 1999, p. 4; *Discorso in occasione della visita di Sua Santitá Karekin II* (9 novembre 2000): *L'Osservatore Romano,* 11 novembre 2000, p. 5. К этому списку нужно добавить «Апостольское Послание по случаю 1700-летия крещения армянского народа» (от 17 февраля 2001 г.) и 7 публичных выступлений и проповедей папы Иоанна Павла II во время его апостольского визита в Армению (с 25 по 27 сентября 2001 г.), в которых он почти всюду упоминает геноцид и страдания, перенесенные армянами в XX веке.

См. A. Riccardi, *Benedetto* XV *e la crisi della convivenza multireligiosa nell'impero ottomano in Benedetto XV e la pace 1918* (a c. di G. Rumi), Brescia, 1990, pp. 83-128; см. также: F. Sidari, *La questione armena,* ук. соч., с. 87-89.

Наряду с действиями Лепсиуса (о котором мы уже говорили), обличавшего собственное правительство, достойна упоминания политическая деятельность протестантов Америки. См. свидетельство американского миссионера Генри Риггса (уроженца Османской империи), ставшего прямым свидетелем насилия, учиненного против армян в Харпуте: H.H.Riggs, *Days of tragedy in Armenia: personal experiences in Harpoot* (*Kharpert*). *1915-1917,* Ann Arbor (Mi), 1997. См. также: J. Grabill, *Protestant Diplomacy and the Near East Missionary Influence on American Policy 1810-1927,* (University Of Minnesota), Minneapolis Minnesota, 1971; J.L. Barton. Sarafian editor), *Turkish Atrocities: Statements of American Missionaries on the Destruction of Christian Communities in Ottoman Turkey. 1915-1917 (Armenian Genocide Documentation Series),* Gomidas Inst, 1998.

См. H.Kaiser. «Beatrice Rohner e l'opera protestante di soccorso ad Aleppo nel 1916», in AA.VV., *Si può sempre dire un sì o un no,* указ. соч., с.169-210. См. также: M. Jacobsen, *Diaries of a Danish Missionary: Harpoot, 1907-1919 (Armenian Genocide Documentation Series, 5),* Gomidas Inst, 2001.

65

Эта книга, под названием «Армения и Ближний Восток», вышла в свет на норвежском, английском, французском, немецком и армянском языках (см русское издание: Ф. Нансен, *Армения и Ближний Восток,* s. l., 1994 г.). О жизни Нансена, полной невероятных приключений, см. его биографию: J.Sorensen, *Fridtjof Nansen,* Verona, 1941.

Свою поездку в Армению Нансен описал в книге *Gjennern Armenia* («По Армении»), изданной в 1927 году в Осло. Через два года вышла другая его книга, также относящаяся к поездке 1925 года: *Gjennern Kaukasus til Volga* («Через Кавказ на Волгу»).

Самым крупным российским специалистом, исследующим геноцид армян с юридической точки зрения, является проф. Ю. Барсегов (см.: *Геноцид армян — преступление по международному праву,* Москва, 2000, а также процитированную работу *Геноцид армян: ответственность Турции и обязательства мирного сообщества. Документы и комментарии,* Москва, 2002. На сегодняшний день изданы I и II тома этой книги).

Конвенция определяет, что геноцид «убивает, наносит серьезный ущерб здоровью, намеренно создает условия жизни, приводящие к физическому уничтожению, навязывает меры по предупреждению рождаемости, насильно перемещает детей (...) с намерением полностью или частично уничтожить национальное, этническое, расовое или религиозное сообщество как таковое» (приведено Б.Л. Зекияном в книге: *Reflections on Genocide. The Armenian Case: a radical negativity and polivalent dynamics,* in Annali di Ca' Foscari, XXXVII, 3, 1998, p. 223).

См. об этом: Ю. Барсегов, *Геноцид армян — преступление по международному праву,* Москва, 2000, с. 7-11.

См.: M.M. Gunter, *«Pursuing the just Cause of Their People»: A Study of Contemporary Armenian Terrorism* (Contributions in Political Science), Greenwood Publishing Group, 1986. По-русски об армянском терроризме этих лет см. перевод книги французских журналистов Arnaud Hamelin и Jean-Michel Brun, которые попытались изложить и армянскую, и турецкую версии событий, происшедших в Османской империи в годы Первой мировой войны (А. Гамелен, Ж-М. Брон, *Восстановленная память,* Ереван, 1995) а также: Жан-Пьер Ришардо, *Армяне, чего бы это ни стоило* в сборнике разных авторов *Армяне,* Ереван, 1991 (с. 249-446).

Материалы заседаний были полностью опубликованы в Париже издательством «Flammarion» в том же 1984 г. См.: *Le Crime de silence: le génocide des Arméniens — Tribunal permanent des peuples* (session de Paris, 13-16 avríl 1984); préf. de Pierre Vidal-Naquet; (publ. par Gérard Chaliand), Paris, 1984.

Резолюция Европейского парламента от 18 июня 1987 г. (Doc. A2/33/87 P.E. 1147649), к сожалению, весьма противоречива. Признавая геноцид, она, тем не менее, освобождает турецкое государство от необходимости принять на себя ответственность — что идет вразрез с основополагающими принципами международного права, — поскольку «признает, однако, что современная Турция не может считаться ответственной за драму, пережитую армянами Османской империи» (I, 2).

См.: A. Krikorian, *Dictionnaire de la cause arménienne,* Paris, 2002 а также: Ю. Барсегов, *Геноцид армян: ответственность Турции и обязательства мирного сообщества. Документы и комментарии,* Москва, 2002, т. 2.

Об этом см.: V.N. Dadrian, *The Documentation of the World War I Armenian Massacres in the Proceedings of the Turkish Military Tribunal,* in «International Journal of Middle East Studies», 23 (1991), pp.549-576, а также T. Akçam, *The Decision of a Genocide in the Tight of the Ottoman-Turkish Documents* in IDEM, *Dialogue Across an International Divide,* указ. соч., с.43-73.

О типологии отрицания турками геноцида см. исследования И. Тернона: «La verita rifiutata. Studio comparativo della negazione della Shoah e della negazione del genocidio armeno» в сборнике: AA.VV., *Si può sempre dire un si o un no,* указ. соч., с. 141-153; IDEM, *Du négationnisme: Mémoire et Tabou,* Paris, 1999; см. также: К.К. Baghdjian, *Le problème arménien: du négativisme turc a l'activisme arménien, où est la solution,* Montréal, 1985. Очень интересно мнение авторитетного турецкого историка Т. Акчама, живущего за пределами своей родины; см.: T. Akçm, *The Genocide of the Armenians and the Silence of the Turks* в его книге *Dialogue Across an International Divide,* указ. соч., с. 79-96.

Жестокость этого закона становится еще очевиднее, если иметь в виду, что и правительство Кемаля, и сегодняшнее турецкое правительство полностью приняли официальное объяснение событий 1915-1916 годов, данное тогда младотурками: армян не истребляли, а только «временно переселяли в другие районы». Приступая к депортации, младотурки заверяли, что имущество армян будет охраняться государством и по завершении войны будет возвращено владельцам. Чтобы ввести в заблуждение мировую общественность и самих армян, правительство в 1915 году приняло целые три закона об оставленном армянами имуществе, согласно которым государственные чиновники должны были взять на учет, оценить имущество армян и внести его стоимость в государственную казну. На самом деле депортации всегда сопровождались грабежом имущества депортируемых. Закон молодой кемалистской республики от 1927 года полностью противоречит ее же позиции в объяснении событий.

77

См. об этом: K.K. Baghdjian, *La confiscation, par le gouvernement turc, des biens arméniens dits «abandonnés»* préf. de Yves Ternon), Montreal, 1987.

B.L. Zekiyan, *Reflections on Genocide. The Armenian Case,* cit, p. 229. О психических последствиях отрицания геноцида турецким правительством у армян диаспоры см. работы французского психоаналитика армянского происхождения Hélène Piralian-Simonyan (в частности, ее книгу *Genocide et Transmission. Sauver la Mort. Sortir du meurtre,* 3ème éd., Paris, 2000).

См.: A.Ferrari, *La Turchia e il riconoscimento del genocidio armeno: un punto di vista europeo,* выступление на Международной конференции *La storia oltre la storia: armeni e turchi, un millennio di relazioni* (Venezia, 28-30 ottobre 2004); статья будет опубликована в материалах конференции. Автор выражает благодарность коллеге и другу Альдо Феррари за любезно предоставленную возможность использовать текст до его публикации в Италии.

О подлинности выражения Гитлера см.: K. Badakdjian*, Hitler and the Armenian Genocide,* Cambridge (MA), 1985; V. Dadrian, *Histoire du génocide arménien,* Paris, 1996, pp.630-637

81

См.: Y.Ternon, *L'Etat criminel: les génocides au XXe siècle,* Paris, 1995 (trad, it., Milano, 1997); IDEM, *L'Innocence des rictimes: regard sur les génocides du XXe siècle,* Paris, 2001; AA.VV., *Le livre noir de l'humanité, Encyclopédie mondiale des génocides* (trad, de l'anglais par J. Valls-Russell, avant-propos de Monseigneur Desmond Tutu et de Simon Wiesenthal), Paris, 2001.

Ив Тернон *(L'Etat criminel,* cit.) установил перечень массовых избиений, учиненных в XX веке с ге-ноцидными намерениями. Он начинается с нескольких кровопролитий, имевших место в разных странах Африки с 1904 по 1907 г. Однако эти избиения, помимо того, что стали в большой мере результатом кровной вражды между племенами, привели к намного меньшему числу убитых, чем *Мец Егерн,* количество жертв которого впервые значительно превысило миллион.

Геноцид армян во всей истории этого преступления держит абсолютный рекорд по длительности», — пишет юрист Ю. Барсегов (*Геноцид армян. Преступление по международному праву,* Москва, 2000, с. 32).

B.L.Zekiyan, *Reflections on Genocide. The Armenian Case,* указ. соч., с. 233.

Сам монастырь, в котором жил Нарекаци, был разрушен курдами еще раньше, в 1896 г.

См.: A. Ayvazian, *The Historical Monuments of Nakhichevan,* Wayne State University Press, 1990.

О Комитасе см.: R. Soulahian Kuyumjian, *Archeology of Madness: Komitas, Portrait of an Armenian Icon,* Gomidas Inst, 2nd edition, 2002.

См.: Sylvie Milton, «Armin T. Wegner, Polemicist for Armenian and Jewish Human Rights» *(Армин Т.Вегнер, «Борец за права армян и евреев»),* в: *Genocide and Human Rights,* NAASR, 1992, vol. IV, p. 166.

89

См. письмо Вегнера к Верфелю от 14.12.1932 в *Deutsches Luteraturarchiv* («Немецкий литературный архив»). Об этом же см. ниже примечание 113.

90

См.: Sylvie Milton, «Armin T.Wegner, Polemicist...» указ. соч., с. 178.

91

Настоящий биографический очерк об Армине Вегнере впервые был напечатан в книге *Armin T.Wegner e gli Armeni in Anatolia, 1915. Immagini e testimonianze,* Milano, 1996. Составитель выражает благодарность Анне Марии Самуэлли, которая любезно предоставила возможность использовать текст, переработанный нами для этого издания.

92

Martin Rooney, *«Weg ohne Heimkher». Armin T.Wegner zum 100 Geburstag. Eine Gedenkschrifte* ("Дорога без возврата. К 100-летию со дня рождения Армина Т. Вегнера. Воспоминание»), Bremen, 1986, S. 74.

93

См.: Martin Rooney, *Weg ohne Heimkher. Armin T. Wegmer,* указ. соч., с.24.

94

В действительности евангелический пастор Иоганнес Лепсиус (1858-1926), основатель «Deutsche Orient-Mission» (с 1917 переименована «Dr. J..Lepsius Deutsche Orient-Mission»), филантроп и защитник армян в Османской империи, был сыном известного востоковеда и египтолога Карла Ричарда Лепсиуса (1810-1884).

95

Район Стамбула на Босфоре.

«О молодых коммивояжерах в турецкой политике» *(франц.)*.

97

Пера — престижный район Стамбула.

98

Вегнер намекает на резню армян 1909 года. Как мы говорили в предыдущей главе, она была начата силами Абдул-Гамида, но завершена уже новым, младотурецким правительством.

«Откройте гарем и закройте Коран» (*франц.*).

100

Перевод К. Саввина.

101

Armin T. Wegner, *Der Weg ohne Heimkehr. Ein Martyrium in Briefen* («Дорога без возврата. Мученичество в письмах»), Berlin, 1919.

Там же, с. VIII-IX.

103

Там же, с. 12-15.

Там же, с. 16 и далее.

105

Там же, с. 27 и далее.

Там же, с. 48.

107

Там же, с. 64.

108

Armin T. Wegner, *Der Weg ohne Heimkehr. Ein Martyrium in Brief en* («Дорога без возврата. Мученичество в письмах»), Berlin, 1919, S. 161.

109

Когда-то я был священником, а теперь — я овца, которая идет, чтобы умереть *(франц)*.

Armin T. Wegner, *Der Weg ohne Heimkehr,* указ. соч., с. 164

111

Действительно, уже 13 сентября 1915 года Джемаль-паша, командующий 4-й армией на сирийском фронте, отдал приказ: «Все фотографические снимки с колонн высланных армян, сделанные инженерами и другими служащими компании, строящей Багдадскую железную дорогу, должны быть сданы в течение 48 часов военному комиссариату Багдадской железной дороги в Алеппо. Не выполнившие этот приказ будут отвечать перед военным трибуналом». А 29 декабря 1915 года Талаат написал губернатору *(вали)* Алеппо: «Нам стало известно, что многие иностранные офицеры видели на дорогах трупы вышеупомянутых людей и фотографировали их. Необходимо, чтобы эти трупы сразу же были зарыты, а не выставлены напоказ».

Armin T. Wegner, *Der Weg ohne Heimkehr,* указ. соч., с. 168

113

В 2004 году сын Армина Вегнера Миша Вегнер нашел в архиве отца рукопись. По-видимому, это незаконченный роман, действие которого разворачивается на фоне трагедии армянского народа. Возможно, именно это произведение и стало причиной конфликта с Францем Верфелем, о котором мы говорили ранее. Главным героем этого романа должен был быть мальчик Манвел.

Armin T. Wegner, *Der Weg ohne Heimkehr,* указ. соч., с. 170.

115

Впервые опубликовано в берлинской газете «Berliner Tageblatt» 23 февраля 1919 года.

116

Der Prozcess Talaat Pascha. Stenographischer Prozessbericht mit einem Vorwort von Armin T. Wegner und einem Anhang («Судебное дело Талаата-паши. Стенографический отчет о судебном процессе с предисловием Армина Т. Вегнера и приложением»), Berlin, 1921. Перевод на русский язык З.Г. Назикяна взят из книги: *Германские источники о геноциде армян* (под редакцией С.С. Степаняна), Ереван, 1991, с. 133-137. Автор выражает благодарность профессору С.С. Степаняну за любезно предоставленное разрешение использовать настоящий текст.

117

A.T.Wegner, *Der Schrei von Ararat. An die Regierungen der sieghaften Völker*. Sonderabdruck aus: «Die Neue Generation» («Крик с Арарата. Всем правительствам народов-победителей». Специальный оттиск из: «Новое Поколение»), Leizig. Перевод на русский язык З.Г. Назикяна взят из книги: *Германские источники о геноциде армян* (под редакцией С.С. Степаняна), Ереван, 1991,с. 128-132. Автор выражает благодарность профессору С.С. Степаняну за любезно предоставленное им разрешение использовать настоящий текст.

118

Впервые напечатано в журнале *Freiheit und Recht* («Свобода и Право»), Düsseldorf, Januar 1968, № 1, S. 14.

119

Падишах — персидское слово, означающее «государь».

120

Перевод А. Петрова и К. Саввина.

121

Barì Luis по-армянски означает «добрый день» (буквально - «добрый свет»). Отрывок взят из очерка «Добрый свет», опубликованного Арминoм Т. Вегнером в рубрике «Культура» в газете «Die Weltwoche» 7 апреля 1966 г. по случаю пятьдесят первой годовщины самых страшных событий геноцида армян - резни и депортации 1915 года.

122

Отрывок из позднего сочинения Вегнера, опубликованного в книге: Martin Rooney, *«Weg ohne Heimkher». Armin T. Wegner zum 100 Geburstag. Eine Gedenkschrifte* («Дорога без возврата. К 100-летию со дня рождения Армина Т. Вегнера. Воспоминание»), Bremen, 1986, S. 78.

123

Автор имеет в виду «Яд ва-Шем» (что буквально означает «память и имя», т.е. «вечная память») — Мемориал, созданный государством Израиль в знак вечной скорби о Холокосте, памяти о героях сопротивления нацистскому геноциду и благодарности представителям других народов, спасавшим евреев от уничтожения. Яд ва-Шем — это и научно-исследовательский институт с обширной библиотекой и архивом, имеющим большое значение для изучения истории Холокоста. В структуру Мемориального центра входит *Аллея праведников народов мира,* ведущая к входу в Музей. Каждое из деревьев, растущих по обе стороны этой аллеи, названо в честь нееврея, который, рискуя своей жизнью, спасал евреев в годы Катастрофы. Именно здесь одно дерево носит имя Армина Вегнера.